„Пров 49“ 66

КЪ ВОПРОСУ
О
ФИНЛЯНДСКОЙ АВТОНОМІИ
И
ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНАХЪ

КРИТИКА

БРОШЮРЫ, ИЗДАННОЙ ПОДЪ ЭТИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ
ЗАСЛУЖЕННЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ
Н. Д. СЕРГѢЕВСКИМЪ.

СОСТАВИЛЪ
Л. МЕХЕЛИНЪ,
БЫВШІЙ ПРОФЕССОРЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА ГЕЛЬСИНГФОРССКАГО
УНИВЕРСИТЕТА, БЫВШІЙ СЕНАТОРЪ ФИНЛЯНДСКАГО СЕНАТА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ШВЕДСКАГО.

БЕРЛИНЪ.
ТИПОГРАФІЯ РОЗЕНТАЛЯ И КО.

Оглавленіе.

Предисловіе V
I. Финляндская автономія 1
II. Законы мѣстные и общегосударственные. (Манифестъ 3/15 Февраля 1899 года) 30
III. Манифесты (удостовѣренія) 38
IV. Конституція 40
V. Основные законы 78
VI. Сеймовый уставъ 93
VII. Общее значеніе манифестовъ 117
VIII. Дѣйствіе въ Финляндіи русскихъ законовъ, изданныхъ въ общемъ порядкѣ 142
Окончательныя замѣтки 165

Предисловіе.

Въ прошломъ году вышла въ С. Петербургѣ отпечатанная въ Государственной типографіи брошюра „Къ вопросу о Финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Очерки Н. Д. Сергѣевскаго, заслуженнаго профессора Императорскаго С. Петербургскаго Университета."

Такъ какъ г. Сергѣевскій не только законовѣдъ, но и занимаетъ мѣсто государственнаго секретаря въ Канцеляріи русскаго Государственнаго Совѣта и предсѣдателя учрежденной при этой канцеляріи въ 1899 году „Временной коммиссіи для составленія свѣдѣній по Финляндскимъ законамъ и для систематизаціи этихъ законовъ", весьма вѣроятно, что многіе читатели его брошюры считаютъ автора авторитетомъ по тѣмъ вопросамъ, которые онъ въ ней разсматриваетъ, и безъ какой либо провѣрки предполагаютъ, что изложенія его достовѣрны.

Упомянутая брошюра однако ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть признана достовѣрнымъ трудомъ. Доказать это въ печати, казалось мнѣ необходимымъ.

Критика моя разбираетъ брошюру автора главу за главою. Тѣ положенія или объясненія, противъ которыхъ я имѣлъ поводъ сдѣлать какое либо замѣчаніе — и котырыя составляютъ почти всю брошюру — переданы мною дословно. Такимъ образомъ и тѣ лица, которыя прочтутъ настоящую критику, не прочитавъ

предварительно самого сочиненія г.Сергѣевскаго, имѣютъ случай ознакомиться съ послѣднимъ и убѣдиться въ справедливости сдѣланныхъ противъ него замѣчаній.

Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ намѣренъ въ общедоступной формѣ дать краткое разъясненіе вопроса о такъ называемой финляндской „конституціи“ и финляндскихъ „основныхъ законахъ“ въ связи съ узаконеніемъ 3 (15) февраля 1899 года.

По словамъ автора онъ не имѣетъ въ виду „вступать въ полемику съ тѣми финляндскими публицистами, которые отстаиваютъ государственную обособленность Финляндіи“. Между тѣмъ произведеніе его полно полемическихъ нападокъ противъ всѣхъ тѣхъ правовыхъ воззрѣній, которыя характеризуютъ финляндскую литературу по вопросамъ государственнаго права и политики.

Онъ говоритъ объ этихъ финляндскихъ публицистахъ, что они „возбуждаютъ въ населеніи враждебное отношеніе къ Россіи“. Это неправда. Финляндскіе публицисты не писали во враждебномъ Россіи духѣ. Они лишь боролись противъ полныхъ ненависти нападокъ русскихъ публицистовъ на Финляндію. Въ Финляндіи убѣждены въ томъ, что русскій народъ не солидаренъ съ враждебнымъ къ Финляндіи направленіемъ, представителями коего являются иные русскіе публицисты и бюрократы.

Авторъ считаетъ важнымъ, чтобы русскій образованный человѣкъ зналъ, „что такъ называемый финляндскій вопросъ есть вопросъ исключительно политическій, не имѣющій отношенія къ національно-духовной самобытности финской націи, насколько такая самобытность выражается въ разговорномъ и литературномъ языкѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ и вообще въ ку-чг

турѣ финляндскаго народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ — что это есть вопросъ, разрѣшеніе котораго въ русскомъ смыслѣ не заключаетъ въ себѣ никакого посягательства на то внѣшнее благоустройство, котораго достигла Финляндія подъ защитою Русской Державы, послѣ долгихъ лѣтъ разоренія и военныхъ невзгодъ въ періодѣ шведскаго владычества".

Лицо, находящееся въ положеніи г. Сергѣевскаго, должно бы, казалось бы, понимать, что національной культурной жизни финскаго народа не можетъ не принести вреда политика, нарушающая тотъ конституціонный правовой порядокъ, подъ сѣнью коего возможна была плодотворная работа надъ развитіемъ образованія и благосостоянія въ краѣ. Съ 1809 года Финляндія не подвергалась болѣе, какъ въ предыдущія столѣтія, вторженію русскихъ войскъ; но это было лишь естественнымъ и счастливымъ послѣдствіемъ событій 1808—1809 годовъ. Какъ и всѣ другія страны Финляндія была въ прежнія времена бѣднѣе чѣмъ теперь; но г. Сергѣевскій совершаетъ историческую несправедливость, инсинуируя что „шведское владычество" было причиною этого мнимаго „разоренія".

Подъ конецъ своего предисловія г. Сергѣевскій перечисляетъ различныхъ русскихъ и финскихъ писателей, разсматривавшихъ разныя стороны взаимныхъ отношеній Россіи и Финляндіи, образованіе и дѣятельность партій въ Финляндіи и пр. Характерно для г. Сергѣевскаго, что онъ при этомъ не называетъ ни одного изъ тѣхъ выдающихся русскихъ ученыхъ — Сергѣевича, Чичерина, Романовича-Славатинскаго, Энгельмана, Градовскаго, Ивановскаго — которые утверждаютъ въ своихъ произведеніяхъ, что Финляндія, не смотря на свое соединеніе съ Россіею, является государствомъ, пользующимся внутреннею самостоятельностью.

Хотя моя критика брошюры г. Сергѣевскаго предназначена, собственно говоря, для русскихъ читателей, я все же считалъ нужнымъ, опубликованіемъ ея не только на русскомъ, но и на шведскомъ и финскомъ языкахъ, довести до свѣдѣнія моихъ соотечественниковъ эту написанную въ защиту права Финляндіи критику.

Л. Мехелинъ.

Гельсингфорсъ, въ февралѣ 1903 года.

ПОСЛѢСЛОВІЕ. Стокгольмъ, въ маѣ 1903 года.

Во время печатанія настоящаго труда законамъ Финляндіи нанесены новыя оскорбленія изданіемъ Инструкціи Генералъ-Губернатору, отъ 13/26 марта 1903 года, и постановленія, отъ 2 апрѣля (20 марта) 1903 года, „о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія".

Упомянутымъ постановленіемъ Генералъ-Губернаторъ облеченъ на три года властью пренебрегать законами, охраняющими личную свободу и право собственности гражданъ и, вопреки закону, вмѣшиваться въ самоуправленіе общинъ.

Существуетъ безспорная связь между подобными мѣропріятіями и вѣроломными правовыми воззрѣніями, выраженіемъ коихъ является брошюра г. Сергѣевскаго.

Тѣмъ болѣе умѣстно теперь обнаружить всю неосновательность тѣхъ ученій, коими г. Сергѣевскій пытался оправдать правительственную политику, направленную на разрушеніе конституціи и общественнаго строя Финляндіи.

Л. М.

I.

Финляндская автономія.

Послѣ поверхностнаго обзора прежняго положенія Финляндіи, какъ части шведскаго королевства, авторъ указываетъ на то „совершенно особое, привилегированное мѣсто", которое это Великое Княжество заняло съ 1809 года въ составѣ россійскаго государства. „Широкая автономія всѣхъ частей управленія, отдѣльное финансовое хозяйство и отдѣльная казна, учрежденіе законосовѣщательнаго представительнаго органа, Сейма, съ строго сословнымъ характеромъ, сохраненіе оффиціальнаго значенія за мѣстными языками, шведскимъ и финскимъ, полная отдѣльность церковнаго управленія, весьма малыя правомочія главнаго представителя государственной власти въ краѣ, генералъ-губернатора, — все это обусловило собою полную разобщенность управленія и внутреннюю рознь финляндскихъ губерній съ прочими частями Имперіи."

Относительно отдѣльныхъ деталей этой характеристики слѣдуетъ замѣтить:

что сеймъ, въ силу какъ болѣе старыхъ, такъ и позднѣйшихъ основныхъ законовъ, съ рѣшающимъ правомъ принимаетъ участіе въ исполненіи законодательной власти и, такимъ образомъ, не является лишь „законосовѣщательнымъ" органомъ;

что шведскій и финскій языки не мѣстные, а національные языки Великаго Княжества; и

что главный представитель государственной власти въ краѣ есть не генералъ-губернаторъ, а Императорскій Финляндскій Сенатъ, которому, по словамъ закона, „ввѣрено главное внутреннее управленіе краемъ", и рѣшенія котораго издаются Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Именемъ. Важное значеніе и вліяніе генералъ-губернатора основывается на томъ, что онъ предсѣдатель Сената и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникъ гражданской исполнительной власти, а также на тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ фактически находится къ особѣ монарха.

Употребленное авторомъ выраженіе „финляндскія губерніи" также совершенно неправильно, когда рѣчь идетъ объ отношеніи Финляндіи къ Россіи. Нѣтъ никакихъ непосредственныхъ правовыхъ отношеній между какой-нибудь губерніей или частью Великаго Княжества, съ одной стороны, и какой-нибудь губерніей или частью Имперіи, съ другой. Всѣ установленія, урегулировавшія русско-финляндскія дѣла, касаются взаимныхъ отношеній Россіи и Финляндіи, или Имперіи и Великаго Княжества, а не отношеній между русскими и финляндскими губерніями.

Вышеприведенная характеристика автора несостоятельна и въ остальномъ. Не отдѣльныя отрасли управленія являются автономными, такъ какъ онѣ сами подчинены общему управленію. Авторъ преминулъ указать общій смыслъ, самую суть политическаго положенія Финляндіи: согласно праву, основанному въ 1809 году, она должна управляться по своимъ собственнымъ законамъ и посредствомъ органовъ управленія, не подчиненныхъ органамъ управленія Имперіи, а находящихся въ непосредственномъ отношеніи къ особѣ монарха. Финляндія въ 1809 г. сдѣлалась, съ точки зрѣнія международнаго права, частью россійскаго государ-

ства; въ государственно-правовомъ же отношеніи, она не была инкорпорирована въ Имперію; въ отношеніи къ внутреннему управленію и законодательству Великое Княжество составляетъ особую правовую сферу, гдѣ государственная власть исполняется на другихъ началахъ, нежели въ Имперіи. Въ этомъ и состоитъ финляндская автономія.

Далѣе авторъ утверждаетъ, что „финансовое хозяйство Финляндіи поставлено было въ такія условія, подобныхъ которымъ мы не находимъ, сколько извѣстно, нигдѣ въ мірѣ: Финляндія въ теченіи 90 лѣтъ не принимала никакого участія въ крупнѣйшихъ финансовыхъ расходахъ Россіи".

Какъ первое, такъ и второе изъ этихъ предложеній неправильно. Обособленность финляндскаго финансоваго вѣдомства отъ русскаго было правовымъ послѣдствіемъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ Императоръ Александръ I въ 1809 г. основалъ соединеніе Финляндіи съ Россіей; въ своемъ переданномъ боргоскому сейму предложеніи относительно системы налоговъ онъ также указалъ на это послѣдствіе, подчеркнувъ что финляндскіе государственные доходы будутъ употребляться исключительно на благо Великаго Княжества. Однако, такому обособленному положенію финляндскихъ финансовъ, несомнѣнно, встрѣчаются — вопреки утвержденію автора — аналогіи въ мірѣ. Такъ, напримѣръ, Норвегія не принимаетъ участія въ государственныхъ расходахъ Швеціи, хотя оба королевства и управляются однимъ и тѣмъ же монархомъ. Послѣднее изъ приведенныхъ предложеній автора правильно развѣ въ томъ смыслѣ, что финляндскія государственныя средства не переводились непосредственно, въ видѣ субсидій, въ русскій государственный бюджетъ. Но оно невѣрно въ виду того, что авторъ подъ нимъ подразумѣвалъ, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ, будто Финляндія не принимала участія въ такихъ расходахъ, которые дѣлаются

съ цѣлями, общими для Россіи и Финляндіи. Онъ именно продолжаетъ такъ:

„Пользуясь всѣми благами постояннаго мира и военной защиты своей территоріи, она не вносила ничего въ военный бюджетъ Имперіи — ни на содержаніе войскъ и военнаго управленія, ни на постройку крѣпостей, ни на военный флотъ и морскія силы. Она не принимала почти никакого участія въ тѣхъ громадныхъ экстраординарныхъ расходахъ, которые переносила Россія при многочисленныхъ войнахъ XIX столѣтія, и до 80-хъ годовъ не поставляла ни одного человѣка въ армію въ порядкѣ воинской повинности.“ . . . . . Въ примѣчаніи авторъ добавляетъ: „Единственный расходъ финляндской казны на этотъ предметъ составляетъ постройка корвета „Рюрикъ“ и нѣсколькихъ канонерскихъ лодокъ во время Крымской войны, — всего на сумму около 170 000 рублей.“

Правда, Финляндія послѣ своего соединенія съ Россіей во время одной лишь войны, въ годы 1854—1855, подвергалась непосредственно нападеніямъ со стороны непріятелей Россіи. Охотно можно также согласиться съ тѣмъ, что жертвы Финляндіи на дѣло обороны въ мирное время были очень умѣренными. Однако, приведенныя слова г. Сергѣевскаго являются настолько грубымъ искаженіемъ фактовъ, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ. Финляндская казна способствовала содержанію расположенныхъ въ Финляндіи русскихъ войскъ и военнаго управленія выстроенными казармами, стоившими около милліона рублей, причемъ требовавшійся сверхъ того вплоть до 1882 г. военный постой ложился отчасти на жителей страны, отчасти на финляндскую казну. Въ 30-хъ годахъ финляндская казна отпустила 571 400 рублей на построеніе на Аландскихъ островахъ Бомарсундской крѣпости, взятой и разрушенной западными державами въ 1854 г. На счетъ финляндской казны было экспропріировано для русскаго войска нѣсколько лагерныхъ

мѣстъ и стрѣльбищъ. Что же касается собственныхъ войскъ Финляндіи, то здѣсь слѣдуетъ вкратцѣ указать, что Императоръ Александръ I, одобривъ желаніе боргоскаго сейма, постановилъ распсутить на неопредѣленное время основанное на поселенной системѣ финляндское національное войско, выдержавшее столь тяжелыя бои во время войны 1808 года. Вслѣдствіе этого, финляндское военное дѣло долгое время носило временной характеръ, такъ что содержалось лишь нѣсколько навербованныхъ частей, мѣнявшихся по числу и по составу, причемъ былъ учрежденъ въ 1830 г. финляндскій флотскій экипажъ. Когда въ Финляндіи, вслѣдствіе открытія Крымской войны, явилась настойчивая необходимость увеличенія оборонительныхъ силъ, были выставлены 9 поселенныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и второй флотскій экипажъ. Г. Сергѣевскій утверждаетъ, что единственный расходъ финляндской казны на военныя нужды во время Крымской войны достигъ суммы въ 170 000 рублей. По отчетамъ же, финляндскіе государственные расходы на этотъ предметъ за 1854—1856 г. г., возросли до 3,624,658 рублей, не считая тѣхъ расходовъ, которые на основаніи поселенной системы покрывались землевладѣльцами и которые не были внесены въ государственные отчеты. Навѣрно еще бо̀льшей суммы, хотя ея и нельзя выразить въ цифрахъ, достигли убытки, понесенные жителями края во время Крымской войны: блокада гаваней прекратила весь вывозъ продуктовъ, и большая часть торговаго флота погибла, такъ какъ корабли были отчасти взяты непріятелями, отчасти же пришлось ихъ продать за безцѣнокъ въ заграничныхъ гаваняхъ.

Послѣ только что цитированнаго искаженія фактовъ авторъ патетически восклицаетъ: „Вся тягота, всѣ убытки военнаго дѣла, подъ гнетомъ которыхъ тяжко страдаютъ европейскія государства, не коснулись Финляндіи. Подъ защитой русскаго оружія, она въ теченіи

цѣлаго столѣтія могла тратить всѣ свои силы и средства исключительно на внутреннее мирное преуспѣяніе, — а охраняли ее отъ военныхъ невзгодъ, жертвою которыхъ она была въ теченіи предъидущихъ столѣтій, русскій человѣкъ и русская казна".

Я уже наглядно показалъ, что Финляндія во время Крымской войны не была обезпечена отъ тяжкихъ убытковъ и что финляндская казна и финскія войска принимали участіе, по крайней мѣрѣ вполнѣ пропорціонально рессурсамъ и населенію края, въ жертвахъ Россіи на защиту государства на финляндскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Если бы г. Сергѣевскому пришлось отвѣтить на вопросъ, отъ какихъ державъ русское оружіе защищало Финляндію въ періодъ 1809—53 гг. и съ 1856 г. до нашего времени, то онъ былъ бы поставленъ въ весьма неловкое положеніе. И въ случаѣ, ежели онъ не знаетъ съ какой стороны сыпались на Финляндію военныя невзгоды въ предъидущія столѣтія, я вынужденъ объяснить ему, что единственной державой, со стороны которой Финляндія подвергалась враждебнымъ нападеніямъ и опустошеніямъ начиная еще съ 14-го столѣтія и даже раньше, было русское государство. Эта военная опасность окончательно изчезла, когда часто возобновлявшіяся войны между Россіей и Швеціей въ 1809 г. закончились переходомъ Финляндіи подъ скипетръ русскихъ монарховъ. Этимъ прекратились и для Россіи тѣ значительныя жертвы и траты, которыхъ столь часто требовала ея прежняя военная политика по отношенію къ шведскому государству.

Слѣдуетъ, впрочемъ, напомнить о томъ, что если Финляндія подвергнется нападенію со стороны враждебной державы, то это произойдетъ не изъ-за нея самой, а по той причинѣ, что она въ международномъ отношеніи составляетъ часть россійской державы. Военныя издержки Россіи въ Финляндіи въ 1854—56 гг. были вызваны не однѣми лишь заботами о оборонѣ

Финляндіи, а имѣли, можетъ-быть, главнымъ образомъ въ виду обезпеченіе безопасности Россіи. Этой самой цѣлью, повидимому, были обусловлены единственныя болѣе значительныя пожертвованія, произведенныя русскою казною съ того времени на оборонительныя предпріятія въ Финляндіи, а именно расходы на крѣпостныя сооруженія подъ Выборгомъ и въ Свеаборгѣ. Сооруженія подъ Выборгомъ являются прежде всего передовымъ укрѣпленіемъ по отношенію къ С.-Петербургу, Свеаборгъ же служитъ, главнымъ образомъ, опорнымъ пунктомъ и прикрытіемъ русскаго военнаго флота.

Среди возведенныхъ г. С. нареканій было и слѣдующее: Финляндія „до 80-хъ годовъ не поставляла ни одного человѣка въ армію въ порядкѣ воинской повинности". Разумѣется, военная служба на основаніи воинской повинности не могла быть отправляема, пока не былъ изданъ уставъ о воинской повинности. Г. С., однако, вѣроятно знаетъ, что Императоръ Александръ II, непосредственно послѣ организаціи въ Имперіи общей воинской повинности, принялъ иниціативу введенія этой системы въ Финляндіи. Онъ передалъ въ 1877 г. Высочайшее предложеніе по этому вопросу сейму, принявшему законопроектъ съ нѣкоторыми измѣненіями, признанными необходимыми въ виду лучшаго приведенія новой военной системы въ соотвѣтствіе съ условіями края. По Всемилостивѣйшемъ утвержденіи закона въ той формѣ, въ которой онъ былъ принятъ Земскими Чинами, онъ былъ изданъ 27 (15) декабря 1878 г. и безъ замедленія приведенъ въ исполненіе. Сформированныя на основаніе этого закона финскія войска имѣли счастіе при различныхъ случаяхъ удостоиться за свою основательную подготовку одобренія какъ Императора Александра III, такъ и нашего нынѣ царствующаго Всемилостивѣйшаго Императора. Однако, военному министерству удалось добиться передачи сейму въ 1899 г. Высочайшаго предложенія относительно

новаго закона о воинской повинности въ Финляндіи. Такъ какъ этотъ законъ имѣлъ въ виду упраздненіе важныхъ правовыхъ гарантій, то сеймъ принужденъ былъ отклонить его, предлагая взамѣнъ различныя измѣненія въ законѣ 1878 г., съ цѣлью приведенія этого закона въ большее соотвѣтствіе съ русской военной системой и удвоенія мирнаго состава дѣйствующихъ финскихъ войскъ. Это должно быть извѣстно г. С., равно какъ и тотъ фактъ, что данный вопросъ былъ засимъ разрѣшенъ, не согласно рѣшенію сейма, а путемъ законодательнаго распоряженія 11 іюля (29 іюня) 1901 г., противорѣчащаго основнымъ законамъ Финляндіи, и которое имѣло послѣдствіемъ упраздненіе всѣхъ финскихъ войскъ, за исключеніемъ гвардейскаго баталіона; при этомъ ихъ казармы, стоившія около 9 милліоновъ марокъ, и различное имущество были взяты для русскихъ войскъ. Впрочемъ, невозможность приведенія въ исполненіе новыхъ постановленій уже обнаружилась, тогда какъ законъ 1878 г. всегда примѣнялся въ неизмѣнномъ порядкѣ. При такихъ-то условіяхъ г. С. находитъ приличнымъ патетически разглагольствовать о „привилегіяхъ“ Финляндіи въ военномъ отношеніи!

Далѣе слѣдуетъ одно изъ весьма немногочисленныхъ въ книжкѣ автора утвержденій, въ которыхъ онъ хоть отчасти правъ. Онъ указываетъ, какъ на преимущество финляндской казны, на то обстоятельство, что „она не участвуетъ въ расходахъ по содержанію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и международнаго представительства, хотя (авторъ подразумѣваетъ, должно быть, Финляндію, а не ея казну) и пользуется всѣми результатами международныхъ сношеній“. Я указалъ, что это лишь отчасти правильно; авторъ именно упустилъ изъ виду, что относительно значительное финляндское судоходство, посредствомъ консульскихъ взносовъ, содѣйствуетъ содержанію русскихъ консульствъ;

кромѣ того, было бы нетрудно доказать, что внѣшняя политика Россіи и ея „результаты“ часто относятся исключительно лишь къ интересамъ Имперіи; да и фактически, — что отзывъ финляндскаго правительства по международнымъ трактатамъ спрашивается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются въ виду торговля, судоходство или правосудіе, но никогда по вопросамъ внѣшней политики въ собственномъ смыслѣ этого слова. Однако, я охотно допускаю, что было бы въ порядкѣ вещей включить въ бюджетъ Великаго Княжества соразмѣрную сумму, въ качествѣ пособія на вышеупомянутыя издержки Россіи.

Чтобы доказать, что Финляндія и „во многихъ другихъ отношеніяхъ занимаетъ преимущественное передъ всѣми частями Имперіи положеніе“, авторъ поетъ старую пѣсню о томъ, что финляндцы въ Россіи совершенно равноправны съ русскими въ отношеніи какъ дворянскихъ правъ, такъ и доступа къ государственной службѣ, тогда какъ подобныя права не предоставлены русскимъ въ Финляндіи. Такъ какъ было бы слишкомъ обстоятельно сполна доказывать, насколько указанное г. С. различіе совершенно мотивировано какъ съ правовой, такъ и съ практической точекъ зрѣнія, а отнюдь не содержитъ какого-либо „преимущества“ для Финляндіи, я обращу вниманіе лишь на слѣдующія обстоятельства. Дворянское достоинство въ Финляндіи болѣе уже не даетъ никакихъ другихъ преимуществъ, кромѣ непремѣннаго права представительства дворянскихъ родовъ на сеймѣ, — каковое право, само собой, не можетъ быть присвоено другимъ лицамъ, нежели гражданамъ той страны, для которой совершается законодательная дѣятельность сейма. Отъ финляндца, поступающаго на русскую государственную службу, de facto требуются владѣніе русскимъ языкомъ, выказанная компетентность въ остальномъ и полнѣйшая солидарность съ тѣмъ рус-

скимъ учрежденіемъ и тѣми русскими интересами, которымъ онъ долженъ служить. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ на русскую государственную службу опредѣлялись финляндцы, не освоившіеся передъ тѣмъ вполнѣ съ русскими условіями. Утопая среди огромной массы русскихъ, немногочисленные финляндцы, сдѣлавшіеся русскими чиновниками, никогда не могутъ задумать, проводить въ дѣйствительности какое-нибудь чуждое русской жизни воззрѣніе. Важный принципъ отправленія общественнаго порядка въ странѣ собственными сынами ея имѣетъ полную силу и по отношенію къ Финляндіи. Мы должны поэтому придерживаться постановленій нашихъ основныхъ законовъ, ставящихъ право финляндскаго гражданства условіемъ опредѣленія на финляндскую государственную службу. Симъ, однако, не исключаются русскіе уроженцы, такъ какъ они могутъ пріобрѣсти право финляндскаго гражданства и изученіемъ законовъ и языковъ Финляндіи сдѣлаться компетентными для служебной дѣятельности въ этой странѣ. Въ такомъ случаѣ можно ожидать отъ нихъ, чтобы они, по анологіи съ финляндцами на русской службѣ, считали своимъ долгомъ выполненіе здѣсь своихъ функцій согласно съ требованіями финляндскаго общественнаго порядка.

Однако, отнюдь не такую взаимность имѣютъ въ виду г. С. и его единомышленники. Они желаютъ, чтобы доступъ къ финляндской государственной службѣ былъ открытъ русскимъ, съ тѣмъ, чтобы въ рукахъ ихъ партіи было могущественное средство подкопаться подъ національнымъ общественнымъ строемъ Финляндіи. Теперь г. Сергѣевскому привелось дожить до торжества, заключающагося въ изданіи — въ соотвѣтствіи съ проектами, въ составленіи которыхъ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе — постановленій, ниспровергающихъ вышеупомянутыя и другія драгоцѣнныя для финскаго народа основныя законоположенія. Въ Фин-

ляндіи между тѣмъ по сему дѣлу существуетъ одно лишь мнѣніе: упомянутыя, 20 сентября 1902 года обнародованныя постановленія — будь они разсматриваемы либо съ финляндской, либо съ русской точки зрѣнія — ни въ какомъ отношеніи не могутъ принести пользу, а будутъ, напротивъ, имѣть безусловно вредныя послѣдствія.

Впрочемъ, вся эта рѣчь о привилегированномъ положеніи Финляндіи была настолько же поверхностной, насколько и односторонней. Привилегіи, или исключительныя права, имѣютъ свое значеніе лишь по сравненію съ тѣми общими правами, которыя дѣйствуютъ въ одной и той же законодательной области. Такъ, напр., освобожденіе отъ налоговъ финляндскихъ дворянскихъ усадебныхъ имѣній есть реальная привилегія по сравненію съ общимъ податнымъ поземельнымъ обложеніемъ въ Финляндіи, но оно не составляетъ исключительнаго права въ отношеніи податнаго поземельнаго обложенія въ Россіи. Общественная жизнь въ Великомъ Княжествѣ и его губерніяхъ обусловливается другимъ правовымъ строемъ, нежели въ Имперіи и ея губерніяхъ, а это не составляетъ какой-либо установленной на пользу Финляндіи и во вредъ Россіи привилегіи; это есть лишь продолженіе существующаго цѣлыя столѣтія различія въ отношеніи правовой организаціи обѣихъ странъ. Сохраненіе испытаннаго правового строя Финляндіи, происходящаго изъ продолжительнаго историческаго развитія, было, напротивъ, выгоднымъ и для Россіи. Управленіе Финляндіи согласно ея собственнымъ законамъ и при посредствѣ ея собственныхъ учрежденій обезпечило и упрочило политическіе разультаты войны 1808 года, не заставляя при томъ Россіи тратиться, въ означенныхъ видахъ, на дальнѣйшемъ развитіи военной ея силы. Экономическое преуспѣяніе Финляндіи, благодаря автономному складу ея общественной жизни, также оказалось благо-

пріятнымъ для Россіи, вызывая постепенно усиливающійся сбытъ русскихъ продуктовъ въ Финляндіи. Русскіе министры — время и заботы которыхъ въ столь огромной мѣрѣ поглощены управленіемъ Имперіи — были, на благо послѣдней, совершенно освобождены отъ всякихъ хлопотъ по особымъ дѣламъ Великаго Княжества. И русское правительство не подвергалось никакимъ затрудненіямъ или осложненіямъ ни во внѣшней, ни во внутренней политикѣ изъ-за Финляндіи; уваженіе и соблюденіе удостовѣренныхъ Финляндіи правъ никогда не являлось препятствіемъ истиннымъ интересамъ Россіи.

Вотъ чему, въ общихъ чертахъ, научилъ опытъ минувшаго столѣтія, подтверждающій мудрость политики Александра I при упорядоченіи имъ соединенія Финляндіи съ Россійской Имперіей.

А г. Сергѣевскій не можетъ или не хочетъ видѣть обстоятельства таковыми, каковыми они были въ дѣйствительности. По его мнѣнію, „привилегированное положеніе“ Финляндіи въ составѣ россійскаго государства не только „давно уже обратило на себя вниманіе въ научной литературѣ государственнаго права, какъ совершенно оригинальная и нигдѣ болѣе не встрѣчающаяся форма государственныхъ отношеній“, но и „въ самой Финляндіи, среди финляндскихъ политиковъ, привилегированное положеніе края послужило почвой не только для теоретическихъ обобщеній, но и для развитія направленнаго противъ самодержавной власти русскихъ государей ученія о томъ, что Финляндія есть отдѣльное государство, находящееся лишь въ союзныхъ отношеніяхъ къ Россіи. Партія враждебныхъ Россіи сепаратистовъ, усилившаяся, какъ извѣстно, съ начала шестидесятыхъ годовъ, внесла на этой почвѣ много смуты въ умы финляндскаго населенія; имѣя на своей сторонѣ значительную часть финляндскаго чиновничества, партія эта, благодаря обособленности финлянд-

скаго управленія и слабости высшаго надзора, сумѣла проводить свои взгляды въ жизнь и въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ. Нельзя не сознаться, что политическая пропаганда принесла крупные плоды — много ошибокъ было сдѣлано и допущено въ этомъ направленіи; въ текстъ финляндскихъ узаконеній и даже въ строй финляндскаго управленія за послѣднія тридцать, сорокъ лѣтъ внесены были такія черты, которыя въ умахъ людей поверхностныхъ дѣйствительно могли создать сомнѣнія и возбудить вопросы: не является ли Финляндія самостоятельнымъ государствомъ; не вытекаетъ ли привилегированное положеніе ея изъ какихъ то договоровъ съ Русскими Государями, ограничивающихъ ихъ власть на началахъ международнаго права; не отказался ли Императоръ Александръ I, а за нимъ и Его преемники, отъ правъ на Финляндію, какъ на нераздѣльную часть Россійской Имперіи?"

Приведенныя предложенія являются сплетеніемъ неточностей и лжи.

Виновникомъ ученія о томъ, что Финляндія есть государство, былъ Императоръ Александръ I. Этого положенія онъ не выставилъ, разумѣется, въ видѣ ученія, но онъ указывалъ въ особыхъ оффиціальныхъ актахъ на тотъ фактъ, что Финляндіи при соединеніи ея съ Россіей предоставлено, вслѣдствіе политическихъ актовъ въ Борго въ мартѣ 1809 г., положеніе государства. Точно также подчеркивалъ и Сперанскій, правая рука Александра I въ то время, что Финляндія есть государство, а не губернія. Разсмотрѣніе съ государственно-правовой точки зрѣнія вопроса о правовомъ положеніи Финляндіи не могло привести къ другому результату. Ученіе юристовъ было такъ же мало, какъ отзывы Александра I, „направлено противъ самодержавной власти русскихъ государей", ибо эта власть при управленіи Имперіей нисколько не страдаетъ отъ того, что Императоръ въ качествѣ Великаго Князя

Финляндскаго управляетъ Финляндіей согласно ея основнымъ законамъ. Да и никогда ни одинъ финляндскій писатель не доходилъ до абсурднаго утвержденія, что Финляндія находится лишь въ „союзныхъ отношеніяхъ“ къ Россіи. Относительно правильнаго способа опредѣленія въ теоріи этого отношенія во мнѣніяхъ существуетъ нѣкоторое разногласіе; однако, всѣ авторы единогласно констатируютъ, что Финляндія находится въ нераздѣльномъ соединеніи съ Имперіей. Г. С. долженъ бы знать, что соединеніе и союзъ не одно и то же.

Впрочемъ, не только „въ текстѣ финляндскихъ узаконеній“ г. С. можетъ найти непріятныя для него выраженія, въ которыхъ сказывается положеніе Финляндіи, какъ государства; они встрѣчаются также и въ текстахъ русскихъ законовъ и во множествѣ международныхъ трактатовъ, заключаемыхъ правительствомъ россійскаго государства.

Утвержденіе, будто въ Финляндіи существовала партія враждебныхъ Россіи сепаратистовъ, является эхомъ бредней разныхъ русскихъ пасквилянтовъ. Слово „сепаратизмъ“ въ настоящемъ его смыслѣ должно бы, разумѣется, означать стремленіе отторгнуть Финляндію отъ ея политическаго соединенія съ Россіей. Но, очевидно, ни одна партія въ Финляндіи никогда не задавалась такой, настолько же нелѣпой, насколько нелегальной цѣли для своихъ стремленій. Нельзя найти оттѣнка подобнаго направленія ни въ сеймовыхъ актахъ, ни въ періодической печати и ни въ прочей литературѣ. Если же г. С. и его предшественники коварнымъ терминомъ „сепаратизмъ“ хотѣли обозначить лишь то политическое мнѣніе, по которому Финляндія имѣетъ неоспоримое право на управленіе согласно своимъ собственнымъ основнымъ законамъ и, слѣдовательно, на дальнѣйшее сохраненіе своего „обособленнаго“ положенія въ составѣ россійскаго государства, то онъ не имѣетъ никакого

основанія приписывать это мнѣніе одной лишь опредѣленной партіи: это самое мнѣніе является общимъ всѣмъ партіямъ, оно принадлежитъ всему финскому народу. Въ доказательство сказанному приведемъ здѣсь слѣдующія заключительныя слова изъ отвѣта, единогласно представленнаго Его Величеству по поводу манифеста 3 (15) февраля 1899 г. чрезвычайнымъ сеймомъ 1899 г., на которомъ были представлены всѣ партіи: „Земскіе Чины считаютъ своимъ долгомъ, основаннымъ на высшемъ міровомъ порядкѣ, придерживаться законовъ и права, сохраненіе коихъ въ ненарушимости въ 1809 г. было торжественно удостовѣрено финскому народу".

Такой образъ мыслей не есть сепаратизмъ, онъ носитъ неизгладимую печать истинной лояльности и составляетъ наилучшую опору правительственной власти, правильно понимающей свою задачу. Этотъ образъ мыслей долженъ господствовать также и во всемъ должностномъ классѣ; онъ на дѣлѣ не существуетъ, какъ полагаетъ г. С., лишь среди значительной части его. Вѣдь долгъ служащаго лица строго руководиться во всей его дѣятельности закономъ. Трудно понять, что г. С. въ этой связи подразумѣваетъ подъ слабостью высшаго надзора. Выходитъ, будто онъ слабостью монарховъ (здѣсь рѣчь идетъ о минувшихъ временахъ, а не о послѣднихъ годахъ) хочетъ обозначить то обстоятельство, что̀ они не принуждали финляндскихъ должностныхъ лицъ дѣйствовать въ противорѣчіи съ тѣми законами, которые тѣ обязаны примѣнять въ финляндскихъ дѣлахъ. Это предположеніе становится еще правдоподобнѣе, когда авторъ немедленно затѣмъ говоритъ о „многихъ ошибкахъ, которыя были сдѣланы и допущены" въ направленіи сепаратистической пропаганды. Онъ не указываетъ, правда, ни одной изъ этихъ ошибокъ, но изъ его прочихъ намековъ (см. выше въ цитатѣ) мы находимъ, что и эта инсинуація направлена противъ монарховъ: безъ ихъ санкціи фин-

ляндцы вѣдь не могли бы добиться текстовъ узаконеній, заключающихъ въ себѣ „такія черты“, что они возбуждали въ поверхностныхъ людяхъ тѣ нелѣпые вопросы, которые находятся въ концѣ цитированнаго отрывка. Такъ какъ высказывающаяся въ этихъ вопросахъ тенденція автора слишкомъ прозрачна, а именно — выставленіе „ученія“ финляндцевъ въ ложномъ свѣтѣ, то я считаю нужнымъ напомнить о томъ, что финляндскіе юристы никогда не упускали изъ виду той элементарной истины, что конституціонное ограниченіе власти монарха въ Финляндіи основано на государственно-правовыхъ, а не на международныхъ актахъ; слѣдуетъ напомнить также и о томъ, что Александръ I, утверждая финляндскіе основные законы, этимъ отнюдь не „отказался отъ правъ на Финляндію, какъ на нераздѣльную часть Россійской Имперіи“, а наоборотъ, онъ прикрѣпилъ завоеванную страну возможно неразрывнѣйшими узами къ россійской династіи и ея могущественной Имперіи.

Доказавъ симъ несостоятельность вышеприведенныхъ утвержденій г. С., я снова предоставляю ему слово. Онъ продолжаетъ:

„Скажемъ болѣе: по нашему мнѣнію, въ упомянутыхъ ошибкахъ управленія послѣднихъ сорока лѣтъ заключается весь источникъ той силы, которую пріобрѣла въ наши дни враждебная Россіи партія въ Финляндіи. До того времени никакихъ подобныхъ вопросовъ не возникало, и тѣмъ менѣе — активной борьбы и противодѣйствія правительству. Что же касается до основныхъ историческихъ доводовъ, на которыхъ финляндскіе политики-сепаратисты строятъ свое ученіе о финляндскомъ государствѣ, то доводы эти, сами по себѣ, весьма слабы: это отдѣльныя слова и выраженія въ рѣчахъ и документахъ, легко опровергаемыя другими такими же выраженіями, притомъ употребленными въ актахъ и документахъ не только равнозначитель-

ныхъ, но и болѣе важныхъ, — каковъ, напримѣръ, указанный выше Фридрихсгамскій мирный трактатъ 1809 года."

Правда, очень любезно со стороны автора, взваливать вину за дурное, якобы, направленіе финляндскихъ политиковъ на управленіе и тѣмъ, нѣкоторымъ образомъ, оправдывать ихъ. Но въ этихъ неясныхъ утвержденіяхъ онъ погрѣшилъ противъ логики. Вѣдь, если правительственныя мѣропріятія послѣднихъ сорока лѣтъ (онъ имѣетъ въ виду, конечно, время до 1899 г.) послужили опорой ученія о финляндскомъ государствѣ, то, разумѣется, невозможно, чтобы финляндскіе политики именно въ такой періодъ времени, когда они все болѣе и болѣе видѣли осуществленіе своихъ политическихъ желаній, охватились враждебностью къ Россіи. Истинное же положеніе вещей — въ чемъ я могу на основаніи собственныхъ воспоминаній засвидѣтельствовать — таково, что въ царствованіе Императора Александра II дружелюбное настроеніе по отношенію къ Россіи сдѣлалось въ значительно бо̀льшей степени господствующимъ въ Финляндіи, чѣмъ за предшествовавшій періодъ, когда развитіе было задержано, вслѣдствіе того что сеймъ не созывался, и когда у многихъ являлось опасеніе за непримѣненіе въ полномъ своемъ объемѣ конституціи края. Съ 60-хъ годовъ финляндская государственная жизнь была введена въ нормальную колею. Это произошло умѣренно и осторожно, съ избѣжаніемъ ошибокъ или погрѣшностей въ томъ или другомъ направленіи. Александръ II испытывалъ чувство удовлетворенія вслѣдствіе предоставленія, съ его стороны, финскому народу, послѣ его продолжительнаго терпѣливаго ожиданія, возможности вступить въ полныя его права. Но все дѣяніе жизни Царя-Освободителя было проникнуто сильнымъ русскимъ національнымъ чувствомъ; онъ серьезно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы на первомъ планѣ были удовлетворены интересы

Россіи въ отношеніяхъ ея къ Финляндіи. Обвинительные намеки г. С. въ противоположномъ направленіи безусловно лишены всякаго основанія.

Противъ неоднократно повторяющейся рѣчи автора о существованіи въ Финляндіи „враждебной Россіи партіи“ я заявляю рѣшительный протестъ. Я уже по поводу подобнаго выраженія въ предисловіи автора коснулся этого вопроса; здѣсь присовокуплю лишь слѣдующее: лица всѣхъ партій въ Финляндіи глубоко сожалѣютъ о томъ, что исполненныя лжи и клеветы враждебныя нападки на Финляндію — начавшіеся періодическим органами русскихъ шовинистовъ въ началѣ 80 годовъ, продолжавшіеся засимъ подъ защитою русской цензуры до сего дня и отразившіеся, разумѣется, и на настроеніи въ Финляндіи — могли пріобрѣсти столь значительное вліяніе и въ Петербургскихъ политическихъ сферахъ.

По мнѣнію г. С., повидимому, важнѣйшее доказательство противъ государственной автономіи Финляндіи находится въ Фридрихсгамскомъ мирномъ трактатѣ, статьи IV и VI котораго онъ приводитъ. Этотъ софизмъ до него преподносили и другіе. Но для всякаго, кто въ состояніи понять содержаніе правовыхъ актовъ и смыслъ связанныхъ съ ними историческихъ событій, ясно, что мирный трактатъ не имѣлъ въ виду отмѣну тѣхъ торжественныхъ обѣтовъ, которые Императоръ Александръ I далъ за полгода передъ тѣмъ финскому народу посредствомъ своего удостовѣренія 15/27 марта 1809 г.; при этомъ онъ передалъ 17/29 марта упомянутый актъ созваннымъ имъ представителямъ этого народа, „dans le sanctuaire de l'Etre suprême“, гдѣ они чествовали Александра, какъ Великаго Князя Финляндіи. Составленіе статьи IV въ мирномъ трактатѣ доказываетъ, что Императоръ, хотя и считалъ финскій народъ посредствомъ государственныхъ актовъ въ Борго „placé désormais au rang des nations“, однако, подъ симъ не подразумѣвалъ,

собственно говоря, отведеніе Финляндіи какого-либо отдѣльнаго отъ Россіи положенія въ международномъ смыслѣ: по отношенію къ иностраннымъ державамъ Финляндія должна лишь составлять часть россійскаго государства. Ссылка же статьи VI означаетъ отчасти, что король Швеціи, со своей стороны, призналъ удостовѣренныя въ Борго, до заключенія мира, Финляндіи права какъ „fait accompli“, — а отчасти, что Александръ I придалъ значеніе тому обстоятельству, чтобы его обѣты финскому народу считались добровольнымъ актомъ и внутреннимъ дѣломъ между нимъ и финскимъ народомъ, а не установленнымъ путемъ договора съ иностранной державой соглашеніемъ. Принадлежащая Финляндіи на основаніи Высочайшаго удостовѣренія 15/27 марта 1809 г. автономія гарантирована обѣтомъ Императоромъ Александромъ I, ненарушимо даннымъ за себя и за преемниковъ престола. А царское слово не менѣе обязательно, когда оно дано добровольно, по собственному побужденію, чѣмъ когда оно состоялось по требованію какой-либо иностранной державы, какъ результатъ международныхъ переговоровъ.

Финляндцы ссылаются, говоритъ авторъ далѣе, на статью 4-ую россійскихъ основныхъ законовъ, гдѣ упомянутъ престолъ Великаго Княжества Финляндскаго; они въ этомъ видятъ признаніе государства финляндскаго. Въ выноскѣ онъ силится посредствомъ выраженій въ позднѣйшихъ манифестахъ о восшествіи на престолъ поддерживать то мнѣніе, что статья 4-ая въ упомянутыхъ основныхъ законахъ составлена неправильно. На это слѣдуетъ возразить, что финляндцы не основываютъ правъ Финляндіи на выраженіяхъ россійскихъ основныхъ законовъ, а на той грамотѣ, которая въ 1809 году въ „святилищѣ Всевышняго“ была передана Земскимъ Чинамъ Финляндіи. Ни вышеупомянутая статья 4-ая, ни манифесты о восшествіи на престолъ не имѣли въ виду опредѣлить положеніе Финляндіи или

измѣнить прежнія опредѣленія. Но текстъ той же самой 4-ой статьи и различныя Высочайшія манифесты приводились въ видѣ доказательства противъ сдѣланныхъ за послѣднее время нѣкоторыми русскими авторами толкованій, оспаривающихъ права Финляндіи. Впрочемъ, ясно, что статья 4-ая въ россійскихъ основныхъ законахъ, даже и въ случаѣ редакціи ея въ такомъ видѣ, какъ г. С. находитъ правильнымъ, содержала бы, тѣмъ не менѣе, признаніе государственнаго характера Финляндіи: Г. С. долженъ бы найти это, если бы онъ взвѣсилъ, почему и „прочія части Имперіи“ (одно изъ излюбленныхъ выраженій автора) не упоминаются особо въ томъ важномъ основномъ законоположеніи, которое опредѣляетъ составъ россійской державы.

Приведя также нѣсколько выраженій Императора Александра I, на которыя финляндцы ссылались, какъ на историческія доказательства государственности Финляндіи, — (главнѣйшаго рѣшающаго доказательства, продолжающагося дѣйствія финляндскихъ основныхъ законовъ, онъ не касается въ этой главѣ ни однимъ словомъ) — авторъ говоритъ съ нѣкоторымъ добродушіемъ: „Мы съ своей стороны полагаемъ, что весь этотъ споръ, построенный на толкованіи отдѣльныхъ выраженій и словъ въ историческихъ памятникахъ, можетъ продолжаться въ литературѣ сколько угодно. Государство, полугосударство, обломокъ государства, государство особаго типа, не имѣющее себѣ подобныхъ, и т. д. и т. д. — все это можетъ вращаться въ калейдоскопическомъ порядкѣ на страницахъ учебниковъ, монографій и журнальныхъ статей еще долгіе годы.“ И совершенно либерально онъ присовокупляетъ: „Теоріи принадлежитъ свобода сужденій: безъ нея не существуетъ наука.“ Но вдругъ исчезаютъ и добродушіе и либерализмъ; и авторъ высказывается слѣдующимъ образомъ:

„Но практическое рѣшеніе вопроса, по нашему мнѣнію, заключается въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: первое — Финляндія не можетъ быть государствомъ ни того, ни другаго типа, а должна быть нераздѣльной частью Россійской Имперіи, связанной съ остальными частями всѣми тѣми установленіями, существованіе которыхъ необходимо для русскаго государства. Затѣмъ, второе — если бы тѣмъ не менѣе Финляндія оказалась государствомъ не въ теоріи только, а на практикѣ, т. е. тѣмъ или инымъ путемъ присвоила бы себѣ государственную отдѣльность и самостоятельность, подкрѣпленную не словами, а какими либо реальными моментами, — то немедленно должны были-бы быть приняты самыя рѣшительныя мѣры къ уничтоженію такого положенія вещей и къ полному объединенію Финляндіи съ прочими частями Имеріи".

Эти категорическія или, правильнѣе выражаясь, диктаторскія фразы, видимо, заключаютъ въ себѣ, главнымъ образомъ политическія требованія, причемъ обнаруживается мнѣніе автора, будто всѣ правовыя факторы должны отступить передъ ними. А вопросъ, между тѣмъ, является также, и прежде всего, вопросомъ о правѣ. Г. С. долженъ бы, конечно, знать, что признанной имъ свободой научнаго сужденія нельзя злоупотреблять съ цѣлью ввести въ заблужденіе публику какими угодно произвольными утвержденіями. Если бы авторъ хотѣлъ, — что было бы, впрочемъ, его долгомъ, — закончить свою главу о финляндской автономіи объективнымъ итогомъ, съ уваженіемъ какъ правовыхъ такъ и политическихъ сторонъ вопроса, онъ долженъ былъ бы высказаться слѣдующимъ образомъ:

1) Если надо признать установленнымъ въ теоріи, что правовое положеніе Финляндіи есть положеніе государства, находящагося въ нераздѣльномъ соединеніи съ Россійской Имперіей, то отсюда не слѣдуетъ, однако, никакихъ рѣшительно практическихъ неудобствъ для

Россіи, ибо государственная обособленность Финляндіи — какъ это опредѣленно констатировано и самой теоріей — касается лишь внутреннихъ дѣлъ края и не является препятствіемъ для военной власти Россіи принимать необходимыя мѣры и на финляндской территоріи. А такъ какъ и въ отношеніи внутреннихъ дѣлъ Великаго Княжества не могутъ происходить какія-либо перемѣны или мѣропріятія политическаго значенія безъ санкціи общаго для Россіи и Финляндіи монарха, — который можетъ всегда въ такихъ вопросахъ истребовать совѣтовъ и заключеній и русскихъ государственныхъ авторитетовъ, — то русская власть не можетъ ни въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными державами, ни въ своихъ дѣйствіяхъ въ предѣлахъ Имперіи подвергаться малѣйшимъ затрудненіямъ, вслѣдствіе сохраненія за Финляндіей того положенія, которое она занимала съ 1809 года. Слѣдовательно, нѣтъ никакого повода для того, чтобъ Россія — пользуясь превосходствомъ своей силы и пренебрегая вѣковымъ правомъ— сокрушила государственное бытіе Финляндіи.

2) Независимо отъ научнаго изслѣдованія вопроса о государственно-правовомъ положеніи Финляндіи, должны же во всякомъ случаѣ положительные источники права служить руководствомъ для политическаго образа дѣйствій. А изъ нихъ не вытекаетъ какого-либо права русской власти произвольно измѣнять или отмѣнять тѣ основные законы, согласно которымъ должна управляться Финляндія; финскій народъ получилъ отъ Императора Александра именно непоколебимый обѣтъ о сохраненіи его основныхъ законовъ, измѣненіе въ которыхъ можетъ воспослѣдовать не иначе какъ съ согласія финляндскаго сейма. Соблюденіе въ святости Императорскаго слова и уваженіе права Финляндіи, кромѣ того, никоимъ образомъ не противорѣчатъ, какъ было указано выше, интересамъ или чести Россіи.

Вести публику къ безпристрастному и объективному пониманію даннаго вопроса путемъ выставленія такихъ положеній, какъ эти, разумѣется, не соотвѣтствовало тенденціямъ г-на Сергѣевскаго. „La force prime le droit“ является для него золотой нормой политики.

Авторъ не потрудился мотивировать, почему необходимо уничтоженіе правъ Финляндіи; — онъ, конечно, расчитываетъ на то, что подобные политическіе лозунги и безъ всякихъ доказательствъ вызываютъ рукоплесканія въ извѣстныхъ бюрократическихъ кружкахъ. Вмѣсто доказательствъ, онъ тотчасъ повторяетъ сказанное въ слѣдующихъ словахъ: „Такое рѣшеніе вопроса есть дѣло безусловной государственной необходимости, — безразлично, въ какую бы сторону ни склонилось communis opinio doctorum въ толкованіи отдѣльныхъ словъ и выраженій въ историческихъ документахъ“. Далѣе, однако, слѣдуетъ мѣсто, предназначенное, пожалуй, служить доказательствомъ провозглашенной г. С. необходимости нарушенія права: „Такъ именно поступила Пруссія съ Помераніей, составлявшей сто лѣтъ тому назадъ такую же часть Шведскаго королевства, какъ и Финляндія, притомъ болѣе обособленную и самостоятельную, но доставшейся не столь мягкому завоевателю, какимъ былъ Императоръ Александръ I“. Это сравненіе совершенно неосновательно. Померанія не была такой же частью шведскаго государства, какъ Финляндія. Померанія управлялась согласно нѣмецкимъ порядкамъ, происходившимъ отчасти отъ Вестфальскаго мира, Финляндія же управлялась согласно основнымъ законамъ шведскаго государства, въ изданіи которыхъ принимали участіе представители финскаго народа сообща и равноправно съ представителями шведскаго народа. Жители Помераніи были одноплеменнымъ населенію Пруссіи; сліяніе ихъ поэтому въ національномъ отношеніи не было актомъ насилія; также правовой строй и администрація въ Помераніи и въ Пруссіи при-

надлежали во многихъ отношеніяхъ къ одному и тому же типу. Александръ I, напротивъ, встрѣтилъ въ Финляндіи народъ, который по языку, религіи, обычаямъ, историческимъ традиціямъ и правовому укладу былъ совершенно чуждымъ русскому народу и который, въ противоположность померанскому населенію, цѣлыя столѣтія принималъ активное участіе въ конституціонной государственной жизни. По всѣмъ этимъ причинамъ нельзя ссылаться на поведеніе Пруссіи по отношенію къ Помераніи для подкрѣпленія разрушительной программы автора. Но есть еще болѣе важная причина, которая одна уже сама по себѣ лишаетъ сравненіе автора всякаго значенія. Вопросъ, вѣдь, здѣсь не въ томъ, какимъ образомъ Императоръ Александръ I послѣ оккупаціи Финляндіи долженъ бы былъ воспользоваться своимъ правомъ побѣдителя, а въ томъ, имѣетъ ли его образъ дѣйствій непремѣнную и обязательную силу по отношенію къ позднѣйшему времени. Для того, чтобы имѣть право историческими аналогіями подтверждать свое требованіе уничтоженія удостовѣренныхъ Александромъ финскому народу правъ, г. С. долженъ былъ бы доказать, что произвольное нарушеніе монархомъ утвержденной имъ конституціи или основного закона есть дѣло вполнѣ обычное, несмотря на то, что народъ не подрывалъ своихъ основанныхъ въ конституціи правъ посредствомъ возстанія или другихъ противныхъ праву дѣйствій. А такого доказательства г. С. не можетъ предъявить. Еще меньше онъ могъ бы доказать, что поддерживаемое имъ насиліе могло бы быть оправдано съ юридической или моральной точекъ зрѣнія. Если Александръ I былъ, по мнѣнію г. С. и другихъ извѣстныхъ „современныхъ“ Русскихъ, слишкомъ мягкимъ завоевателемъ и, поэтому, поступилъ великодушно по отношенію къ финскому народу, то данное имъ этому народу царское слово должно во всякомъ случаѣ оставаться ненарушимымъ. Императоръ Николай I, ко-

тораго, казалось бы, нельзя обвинять въ мягкости или въ приверженности къ конституціоннымъ порядкамъ, высказалъ руководящій принципъ для образа дѣйствій монарховъ въ аналогичныхъ случаяхъ, увѣщевая французскаго короля Карла X не нарушать конституціи, разъ послѣдній обѣщалъ сохранить ее.

Прежде же чѣмъ идти далѣе, я считаю нужнымъ сдѣлать еще одно замѣчан. по поводу толкованій автора въ I-ой главѣ.

Когда финляндскіе писатели — а также множество государствовѣдовъ въ другихъ странахъ — опредѣляли Финляндію какъ государство, то это „ученіе“ не было выставлено въ видѣ апріорнаго утвержденія, служащаго исходнымъ пунктомъ для политическихъ домогательствъ. Мы не говорили: Финляндія есть государство, слѣдовательно, она должна быть снабжена государственнымъ установленіемъ или конституціей. Порицаемое г. С. ученіе было въ общихъ чертахъ, просто-напросто, слѣдующее: при соединеніи Финляндіи съ Россійской Имперіей были утверждены въ смыслѣ дальнѣйшаго дѣйствія тѣ основные законы, которые до означеннаго времени дѣйствовали въ Финляндіи, какъ въ части шведскаго государства. Эти основные законы не заключаютъ въ себѣ провинціальнаго устава, въ нихъ содержится конституція государства. Стало быть, Финляндія при своемъ соединеніи съ Россіей получила положеніе государства. Это прямое послѣдствіе утвержденія прежнихъ основныхъ законовъ было признано и самимъ Императоромъ Александромъ I:

Во-первыхъ, дѣйствіями, — изъ коихъ самыми главными являются устроенный имъ торжественный актъ 29 марта 1809 года, во время котораго представители финскаго народа привѣтствовали его какъ Великаго Князя Финляндіи, и учрежденіе правительственнаго органа, не подчиненнаго русскимъ правительственнымъ органамъ, но находящагося „въ непосредственномъ отношеніи къ особѣ монарха“.

А во-вторыхъ, изрѣченіями, не допускающими никакого сомнѣнія насчетъ опредѣленнаго намѣренія Александра предоставить Финляндіи государственное существованіе.

Г. Сергѣевскій, часто употребляющій въ своемъ сочиненіи неясныя выраженія, высказалъ между прочимъ (см. цитату на стр. 21), предположеніе, будто Финляндія „присвоила себѣ государственную отдѣльность и самостоятельность, подкрѣпленную не словами, а какими либо реальными моментами".

Что г. С. здѣсь понимаетъ, съ одной стороны, подъ словами, а съ другой — подъ реальными моментами, трудно постичь тому, кто не посвященъ въ субъективный ходъ его мыслей. Какъ въ наукѣ, такъ и въ практической политикѣ правовыя отношенія, построенныя на основныхъ законахъ и обѣтахъ монарховъ, считаются реальностями, а не лишь словами, хотя правовые документы обоихъ родовъ, разумѣется, выражены словами. Если онъ своей антитезой имѣетъ въ виду, съ одной стороны, текстъ правовыхъ документовъ, а, съ другой стороны, примѣненіе ихъ въ дѣйствительности, то это послѣднее есть „подкрѣпленіе", которое существовало начиная съ 1809 года и которое, поэтому, не предстоитъ въ будущемъ „присвоивать себѣ". Всякій, кто только умышленно не игнорируетъ исторической истины, легко можетъ убѣдиться въ томъ, что россійскіе монархи исполняли свою верховную власть въ Финляндіи согласно конституціи Финляндіи, а не примѣняясь къ государственнымъ установленіямъ Имперіи; — при этомъ различные періоды времени, разумѣется, какъ и въ государственной жизни всѣхъ странъ, представляли различія въ задачахъ и въ направленіи государственной дѣятельности. Въ царствованіе Императора Александра I, — послѣ завершенія организаціи высшаго финляндскаго управленія инструкціями генералъ-губернатору, прокурору а также и комитету для

финляндскихъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ, — главными задачами представлялись слѣдующія: развитіе организаціи финляндскаго государственнаго управленія посредствомъ учрежденія для различныхъ отраслей администраціи центральныхъ присутственныхъ мѣстъ, подвѣдомственныхъ органу общаго управленія страны, сенату (въ началѣ названному Правительствующимъ Совѣтомъ); преобразованіе управленія Выборгской губерніи въ соотвѣтствіе съ остальными губерніями края; — а также поднятіе ухудшившагося, вслѣдствіе войны 1808 года, экономическаго состоянія страны. При разрѣшеніи этихъ задачъ руководствовались исключительно указанными въ финляндскихъ законахъ правовыми нормами, соображаясь при томъ съ условіями и потребностями края и безъ всякаго вмѣшательства со стороны властей Имперіи. Императоромъ Николаемъ I, при руководствѣ управленіемъ Финляндіи, интересы Россіи были также мало упущены изъ виду, какъ и его предшественникомъ и преемниками. Онъ издавалъ въ извѣстныхъ случаяхъ повелѣнія объ уравненіи условій въ Финляндіи съ условіями въ Имперіи; но это совершалось посредствомъ финляндскихъ законодательныхъ актовъ при надлежащемъ содѣйствіи финляндскихъ властей, а также не съ цѣлью сліянія. Одно изъ главныхъ направленій его общей политики затрудняло для него созывъ сейма, — каковое упущеніе допускалось тогдашнимъ текстомъ, хотя и не духомъ, основнаго закона, но, за немногими исключеніями, онъ не допускалъ, при исполненіи административнаго законодательнаго права, посягательствъ на права сейма. Преуспѣяніе страны было замедлено вслѣдствіе застоя въ общемъ законодательствѣ, но водворившійся за это время бюрократическій режимъ не находился въ зависимости отъ русской бюрократіи. Великое Княжество не лишилось своихъ основныхъ законовъ или своего обособленнаго государственнаго положенія. Съ 60-хъ годовъ, когда снова потребовалось

содѣйствіе сеймовъ, финляндская государственная жизнь сложилась, разумѣется, гораздо интенсивнѣе, нежели за предыдущіе періоды, и повлекло за собой не только болѣе быстрое и многостороннее, но и болѣе прочное развитіе, какъ въ правовой, такъ и въ культурной областяхъ.

Все это такіе реальные моменты, которые доказываютъ, что утвержденныя Финляндіи права, — содержа въ себѣ, по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ Великаго Княжества, государственную обособленность отъ таковыхъ же дѣлъ Имперіи, — существовали не только на бумагѣ, но и какъ конкретная дѣйствительность.

Но, быть можетъ, г. С. понимаетъ подъ своими „реальными моментами“ лишь что-нибудь въ родѣ выставленія армій и флотовъ? Прекрасно, если монархъ потребуетъ этого въ предписанномъ основными законами порядкѣ посредствомъ пропозиціи сейму, Финляндія снарядитъ, по мѣрѣ своихъ силъ, войска и суда, — но не для того, чтобы „присвоить себѣ“ другія политическія права, кромѣ уже принадлежащихъ ей, но лишь для лояльнаго исполненія своихъ вытекающихъ изъ соединенія съ Россіей обязанностей.

Такова „государственность“, являющаяся въ глазахъ г. С. краснымъ призракомъ, для убіенія котораго должна бы быть пущена въ ходъ русская сила.

Г. С. полагаетъ, что положеніе Финляндіи въ составѣ россійскаго государства настолько своеобразно, что подобнаго ему больше нигдѣ не найти. Такимъ образомъ, повидимому, ускользнуло отъ его вниманія, что бо́льшая часть современныхъ государствъ въ Европѣ и Америкѣ представляютъ собой небольшія государства, находящіяся въ федеративномъ или уніальномъ отношеніи къ другимъ государствамъ или въ частичной зависимости отъ другого большаго государства. Изъ 72 государствъ Европы лишь 14 составляютъ такія уни-

тарныя государства, которыя не находятся ни въ какой-либо постоянной связи съ другимъ государствомъ. Изъ 129 государствъ Америки всего 13 принадлежатъ къ этой категоріи. Всѣ остальныя государства — 58 въ Европѣ и 116 въ Америкѣ — сплочены въ федераціи или же представляютъ политическія сочетанія, основанныя на другихъ началахъ. Слѣдствіемъ такой ассоціаціи государствъ въ международномъ смыслѣ является то, что число отдѣльныхъ державъ, или правовыхъ субъектовъ съ самостоятельнымъ и особымъ голосомъ и съ представительствомъ въ международныхъ отношеніяхъ лишь 20 въ Европѣ и 18 въ Америкѣ. Но изъ самаго факта ассоціаціи, а не сліянія, т. е. изъ того что маленькія государства не превратились въ унитарныя государства и не были поглощены болѣе значительнымъ, вытекаетъ слѣдующее обстоятельство въ отношеніи ко внутреннему развитію отдѣльныхъ странъ: жизненныя силы въ странахъ и областяхъ могли проявляться съ гораздо бо̀льшей интенсивностью и успѣхомъ, когда онѣ дѣйствовали при посредствѣ собственныхъ государственныхъ учрежденій, чѣмъ если бы онѣ находились въ зависимости отъ централизующей государственной власти съ ея регрессивными и нивелирующими тенденціями. Эта система ассоціаціи имѣетъ наибольшее свое значеніе и достигаетъ наилучшихъ своихъ результатовъ тамъ, гдѣ національныя различія дѣлаютъ единительное преобразованіе равносильнымъ угнетенію слабѣйшаго наиболѣе сильнымъ. Да и въ международной политикѣ та держава или государственный организмъ, который представляетъ здравую ассоціацію, можетъ дѣйствовать съ бо̀льшей увѣренностью и силой, чѣмъ государство, слившее съ собой, путемъ насилія, болѣе слабые народы и пытавшее уничтожить ихъ національность.

II.

Законы мѣстные и общегосударственные.

(Манифестъ 3 (15) февраля 1899 г.)

„Приведеніе въ порядокъ финляндскаго законодательства, во многомъ связаннаго съ устарѣвшими законоположеніями прежняго времени, давно уже озабочивало наше правительство. Въ рѣчи Императора Александра II 6 сентября 1863 года, при открытіи финляндскаго сейма, указано было на необходимость составленія свода важнѣйшихъ дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ узаконеній".

Въ этихъ предложеніяхъ, начинающихъ собою вторую главу, заключается множество погрѣшностей.

1) Не порядокъ отсутствовалъ въ финляндскихъ законахъ; имъ недостовало развитія своевременными реформами, которыя въ серединѣ XIX столѣтія, въ высшей степени ощущались вслѣдствіе застоя въ общемъ законодательствѣ, зависящимъ отъ содѣйствія сейма, который въ царствованіе Императора Николая I не созывался.

2) Не русское правительство было озабочено тѣмъ, что законы устарѣли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вслѣдствіе только что упомянутаго застоя, — а финляндское правительство. Русскіе правительственные

органы, — въ соотвѣтствіи съ предписаніями какъ русскаго, такъ и финляндскаго основнаго закона, — воздерживались отъ всякаго вмѣшательства въ задачи финляндскаго законодательства. По поводу представленія Финляндскаго Сената и генералъ-губернатора, Императоръ Александръ II 9 мая (27 апрѣля) 1859 г. повелѣлъ Сенату, совмѣстно съ генералъ-губернаторомъ, взвѣсить и войти къ Его Величеству съ докладомъ о тѣхъ реформахъ законовъ, которыя признавались необходимыми и которыя „согласно дѣйствующимъ основнымъ законамъ Великаго Княжества" не могли получить своего разрѣшенія безъ содѣйствія Земскихъ Чиновъ. Симъ было положено начало широкой законоподготовительной работѣ, результатомъ коей явились многочисленные переданные сейму 1863 года законопроекты.

3) Авторъ совершенно неправильно передалъ смыслъ того мѣста вышеупомянутой рѣчи Императора, которое онъ имѣетъ въ виду. Оно гласило:

„Многія постановленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія этого княжества къ Имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣлительности. Желая исправить эти недостатки, Я имѣю намѣреніе поручить составленіе проекта закона, который, заключая въ себѣ поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма".

Императоръ говорилъ, такимъ образомъ, не о столь многообъемлющемъ дѣлѣ, какъ о составленіи свода важнѣйшихъ дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ; онъ говорилъ о законопроектѣ, преслѣдовавшемъ ограниченную цѣль — устраненіе недостатковъ въ основныхъ законахъ.

Затѣмъ авторъ говоритъ, что выработанные комитетомъ въ указанномъ Государемъ направленіи проекты

не получили утвержденія. И это изложеніе правильно лишь наполовину. Было выработано два проекта, одинъ относительно новаго основного закона, названнаго Формой Правленія, который долженъ былъ заступить мѣсто Формы Правленія 1772 г. и Акта Соединенія и Безопасности 1789 г., — другой также проектъ основного закона, заключающаго новый Сеймовый Уставъ. Послѣдній изъ этихъ проектовъ, удостоившись одобренія Императора, былъ предложенъ сейму 1867 года, который принялъ его съ незначительными поправками; засимъ Сеймовый Уставъ былъ санкціонированъ и изданъ 15 (3) апрѣля 1869 года. Что же касается перваго изъ упомянутыхъ проектовъ, то было признано, что онъ, хотя и составленъ согласно утвержденной самимъ Государемъ программѣ, требуетъ дальнѣйшей переработки; но ходъ этого дѣла пріостановился.

Далѣе авторъ упоминаетъ о Высочайшемъ повелѣніи 1884 года объ учрежденіи особаго комитета „для составленія систематическаго свода всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи“ и излагаетъ дальнѣйшій ходъ составленнаго этимъ комитетомъ проекта. Послѣ того какъ Финляндскій Сенатъ составилъ, на основаніи названнаго труда, проектъ основного закона, а генералъ-губернаторъ, при представленіи этого проекта Его Величеству въ 1891 г., присоединилъ свой существенно отличающійся контръ-проектъ, было образовано особое совѣщаніе изъ русскихъ и финляндскихъ высшихъ чиновъ подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Бунге. Авторъ сообщаетъ, какъ въ этомъ совѣщаніи прежде всего возникъ вопросъ о созданіи порядка изданія законовъ общихъ для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго („общегосударственныхъ законовъ“) и упоминаетъ при семъ также и о томъ, что финляндскіе члены остались при особомъ мнѣніи касательно всѣхъ деталей въ представленномъ, со стороны русскихъ членовъ, проектѣ

такого порядка законодательства, но онъ умалчиваетъ о важнѣйшемъ изъ сдѣланныхъ финляндскими членами возраженій, а именно о томъ, что такое законодательное мѣропріятіе, заключая въ себѣ измѣненіе основныхъ законовъ Финляндіи, потребуетъ содѣйствія финляндскаго сейма. Эти различныя мнѣнія, говоритъ г. С. далѣе, были представлены г-номъ Бунге на Высочайшее воззрѣніе. По сему поводу Императоръ Александръ III повелѣлъ 9 марта 1893 г. — (нижеслѣдующее есть дословная цитата изъ сочиненія г. Сергѣевскаго) —: „выдѣливъ проектъ правилъ о порядкѣ изданія и обнародованія законовъ общихъ для всей Имперіи, со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, изъ общаго состава проектовъ Генералъ-Адъютанта графа Гейдена и Финляндскаго Сената, внести непосредственно на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта предположенія какъ большинства, такъ и меньшинства членовъ Особаго Совѣщанія".

Послѣдніе строки мною обозначены другимъ шрифтомъ, такъ какъ онѣ ясно показываютъ, что Императоръ Александръ III не принялъ никакого рѣшенія по сему вопросу: его Высочайшей волей вѣдь было, чтобы оба представленныя въ совѣщаніи предположенія были внесены въ Государственный Совѣтъ. Я прошу читателя запомнить это, такъ какъ г. С. далѣе въ своемъ сочиненіи въ одномъ мѣстѣ, къ которому я возвращусь въ свое время, ссылается на Высочайшее повелѣніе 9 марта 1893 г., какъ на окончательное Высочайшее рѣшеніе вопроса объ общемъ законодательствѣ согласно вышеупомянутому проекту большинства.

Почему же этотъ проектъ не поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта? Быть можетъ, слово „непосредственно" совершенно не было въ Высочайшемъ повелѣніи, хотя оно вкралось въ изложеніе автора?

Въ одномъ важномъ пунктѣ это изложеніе во всякомъ случаѣ неполно. А именно, въ немъ не упоминается, что Императоръ одновременно также предписалъ не приступить къ разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ вышеупомянутыхъ представленныхъ особымъ совѣщаніемъ предположеній впредь до воспослѣдованія о семъ особаго Высочайшаго распоряженія.

Такого распоряженія, между тѣмъ, не послѣдовало. Посему, дѣла совѣщанія подъ предсѣдательствомъ г. Бунге пролежали въ государственной канцеляріи остальную часть царствованія Императора Александра III. За все это врема съ 9 марта 1893 г. — нѣсколько болѣе полутора года — упомянутое дѣло находилось еще въ неопредѣленномъ, предварительномъ положеніи: Государственный Совѣтъ не получалъ никакого повелѣнія о разсмотрѣніи его, а еще менѣе имѣлось на лицо какое-либо Высочайшее предначертаніе о направленіи разрѣшенія вопроса.

Справедливость только что сказаннаго я, правда, не имѣю возможности подкрѣпить ссылкой на какой-нибудь писанный или печатный документъ. Но оно подтверждается косвеннымъ образомъ однимъ фактомъ, который не могъ не быть извѣстнымъ г. С., хотя онъ счелъ болѣе удобнымъ умолчать о немъ. Г. С. говоритъ послѣ только что цитированнаго мѣста: „Съ кончиною Императора Александра III дѣло это временно пріостановилось. Засимъ 13 января 1899 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе выработать проектъ законодательнаго акта о порядкѣ изданія общегосударственныхъ для Имперіи, со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго законовъ“ и т. д. Г-нъ С. обошелъ молчаніемъ здѣсь слѣдующій фактъ. 11 февраля 1895 г. Его Величеству благоугодно было при докладѣ государственнымъ секретаремъ вопроса о дальнѣйшемъ на-

правленіи представленнаго совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ г. Бунге проекта порядка общегосударственнаго законодательства, Всемилостивѣйше сдѣлать слѣдующую резолюцію: „Не вижу нужды возбуждать о семъ законодательный вопросъ. Само собою разумѣется, что въ случаѣ возбужденія закона, общаго для всей Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ или закона финляндскаго, имѣющаго отношеніе ко всей Имперіи, подлежащіе Министры должны входить въ предварительное сношеніе съ властями и учрежденіями Великаго Княжества Финляндскаго или власти финляндскія съ Министрами Имперіи. Затѣмъ отъ Меня будетъ зависѣть дальнѣйшее направленіе дѣла."

Эта Монаршая резолюція, доказывающая, что Высочайшее распоряженіе 9 марта 1893 г. не представляло рѣшающаго момента въ настоящемъ дѣлѣ, заключала явное отклоненіе отъ проекта, возбужденнаго большинствомъ только что упомянутаго совѣщанія. Неизвѣстно, каковы были представленія, посредствомъ коихъ сторонникамъ проекта удалось четыре года спустя добится вновь возбужденія этого вопроса, съ цѣлью передачи его окончательной разработкѣ тайнымъ совѣщаніемъ. Точно также нѣтъ свѣдѣній о причинѣ, по коей это дѣло не разсматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ, несмотря на то, что статья 50 россійскихъ основныхъ законовъ постановляетъ, что всѣ законопроекты разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, а потомъ восходятъ на усмотрѣніе Государя. Манифестъ 3 (15) февраля 1899 г. съ приложенными къ нему основными положеніями, такимъ образомъ, былъ изданъ съ отступленіемъ отъ установленнаго для русскаго законодательства порядка, причемъ онъ какъ по происхожденію, такъ и по содержанію, противорѣчитъ основнымъ законамъ Великаго Княжества.

„Манифестъ этотъ и основныя положенія", говоритъ г. С. „вызвали протесты и возраженія со стороны

финляндскихъ политиковъ-сепаратистовъ. Названная партія заявляла, что законодательный актъ 3 февраля 1899 года представляетъ собою нарушеніе финляндской конституціи и противорѣчитъ „основнымъ законамъ" края, подтвержденнымъ какъ Императоромъ Александромъ I, такъ и особыми Манифестами (или Удостовѣреніями) всѣхъ послѣдующихъ Государей при вступленіи ихъ на престолъ. Заявленія сіи нашли себѣ выраженіе даже въ особомъ представленіи Финляндскаго Сената на Высочайшее Имя".

Авторъ и здѣсь не отступаетъ отъ своего тенденціознаго способа изложенія, приписывая лишь мнимой партіи сепаратистовъ протесты, о которыхъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ. Если когда-либо весь народъ, независимо отъ всякаго раздѣленія на партіи, выказалъ единодушіе въ извѣстномъ вопросѣ, то это во всякомъ случаѣ сдѣлалъ финскій народъ по отношенію къ манифесту 3/15 февраля 1899 г. Въ народномъ адресѣ, покрытомъ 530,000 подписями финляндскихъ гражданъ, нація выражала свои заботы о совершившемся нарушеніи права Земскихъ Чиновъ на соучастіе въ изданіи законовъ, долженствующихъ дѣйствовать въ Финляндіи, взывая къ Монарху о защитѣ основныхъ законовъ края. Сеймъ 1899 г., на которомъ были представлены всѣ партіи, вошелъ согласно единогласному рѣшенію, — какъ я уже имѣлъ выше (стр. 15) случай указать — къ Его Величеству съ подробнымъ докладомъ относящихся сюда правовыхъ вопросовъ, въ коемъ доказывалось, что основныя положенія февральскаго манифеста противорѣчатъ основнымъ законамъ Финляндіи, а потому не могутъ быть признаны закономъ въ Финляндіи. Г. С. обошелъ молчаніемъ эти проявленія общественнаго мнѣнія въ Финляндіи, изъ коихъ первое свидѣтельствуетъ о томъ, что и менѣе образованные народные классы относятся съ уваженіемъ и любовью къ основнымъ законамъ, тогда какъ отвѣтъ сейма заслуживаетъ тѣмъ

болѣе вниманія, что онъ представляетъ собой оффиціальный актъ, исходящій изъ принимающаго участіе въ законодательствѣ государственнаго учрежденія. Г. С. даже не хотѣлъ упомянуть о представленіи Сената по поводу манифеста безъ намека на то, что оно служило выраженіемъ сепаратическихъ партійныхъ взглядовъ. — Слѣдовательно онъ и этимъ только доказалъ, что цѣлью его брошюры не было сообщеніе читателю достовѣрныхъ свѣдѣній.

III.

Манифесты (Удостовѣренія).

Авторъ говоритъ, что Императоръ Александръ I, по завоеваніи Финляндіи, въ 1809 году „двумя манифестами объявилъ свою волю о сохраненіи коренныхъ законовъ края, правъ и преимуществъ населенія". Затѣмъ г. С. присовокупляетъ, что тѣ акты, которыми каждый изъ преемниковъ Императора Александра I, при вступленіи своемъ на престолъ, дѣлалъ такое же заявленіе своей воли, имѣютъ общую форму манифестовъ, но что тѣмъ не менѣе имъ присвоено наименованіе Försäkran (по-русски Удостовѣреніе). По поводу сего, слѣдуетъ указать, что это наименованіе вполнѣ основательно, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ существенному содержанію означенныхъ актовъ, относящихся притомъ къ государственному праву Финляндіи, а не Россіи, и которые потому не должны быть наименованы непремѣнно по установленнымъ въ семъ послѣднемъ правѣ формамъ.

Сопоставленіе авторомъ двухъ манифестовъ 15/27 марта и 23 марта/4 апрѣля слѣдуетъ признать несвойственнымъ чтобъ не сказать неправильнымъ. Первый изъ нихъ, полностью приведенный авторомъ, былъ учредительный актъ, которымъ Императоръ Александръ I не только „объявилъ свою волю", но которымъ онъ не-

нарушимо обѣщалъ хранить въ дѣйствующей силѣ прежній правовой строй Финляндіи. Этотъ актъ былъ Императоромъ переданъ Земскимъ Чинамъ Финляндіи въ соборной церкви въ г. Борго 17 (29) марта 1809 г. Другой же манифестъ, изъ коего авторъ приводитъ лишь отрывокъ въ переводѣ съ французскаго подлинника, имѣлъ цѣлью довести до свѣдѣнія всѣхъ жителей Финляндіи о торжественномъ актѣ, при которомъ Земскіе Чины Финляндіи принесли Александру I присягу подданства и при которомъ данное въ манифестѣ 15 (27) марта удостовѣреніе было въ присутствіи Сеймовыхъ Чиновъ прокламировано.

Именно первый изъ означенныхъ манифестовъ послужилъ образцомъ удостовѣреній, данныхъ жителямъ Финляндіи преемниками Императора Александра I при вступленіи ихъ на престолъ. Г. С. перепечатываетъ удостовѣренія 1825, 1855 и 1881 годовъ, замѣчая, что Высочайшее удостовѣреніе 1894 года дословно согласно съ удостовѣреніемъ 1881 года. Онъ затѣмъ указываетъ, что эти манифесты, хотя они почти вполнѣ тождественны, но, тѣмъ не менѣе, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя отличія, „заслуживающія вниманія“: встрѣчающееся въ первыхъ двухъ манифестахъ выраженіе „по конституціямъ“ измѣнено въ 1855 году и позже словами „по установленіямъ“; выраженіе „коренные законы“, употребленное въ трехъ старѣйшихъ удостовѣреніяхъ, замѣняется въ двухъ послѣднихъ терминомъ „основные законы“. Позволю себѣ здѣсь лишь замѣтить, что означенныя измѣненія просто-напросто обусловливаются постепеннымъ развитіемъ русскаго языка, не имѣя никакого фактическаго значенія.

Болѣе подробный разборъ этихъ текстовъ, на содержаніе которыхъ г. С. не обратилъ надлежащаго вниманія, будетъ мною сдѣланъ ниже.

IV.

Конституція.

Почти въ каждомъ предложеніи этой главы встрѣчаются или фактическія невѣрности, или извращенія правовыхъ данныхъ, или анахронизмы, или же смутныя понятія. Поэтому, критика утвержденій автора, основанная на неопровержимыя доказательства, неизбѣжно будетъ довольно пространна.

Приведенные въ предыдущей главѣ манифесты, по мнѣнію автора, „послужили въ рукахъ финляндскихъ политиковъ средствомъ къ подкрѣпленію ихъ ученія о томъ, что власть Государей Россійскихъ является, будто бы, въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ ограниченною, а не Самодержавною, и что Императоромъ Александромъ I утверждена была какая-то финляндская „конституція", которая подтверждалась затѣмъ и всѣми Его Преемниками. Эта мысль нашла себѣ примѣненіе, прежде всего въ указанномъ выше наименованіи означенныхъ манифестовъ терминомъ „Försäkran" и т. д."

Я уже при разборѣ главы III указалъ, почему наименованіе Försäkran есть совершенно правильное заглавіе означенныхъ актовъ. Но значеніе ихъ не зависитъ отъ наименованія. По своему содержанію, а не по наименованію — будь это либо манифестъ, либо удостовѣреніе или какой бы то ни было подходящій

терминъ — обѣтъ, данный Императоромъ Александромъ I Земскимъ Чинамъ Финляндіи и объявленный финляндскому народу, о ненарушимомъ поддержаніи прежнихъ основныхъ законовъ, имѣетъ именно то значеніе, которое авторъ иронически пытается оспаривать. Значеніе его заключается въ сохраненіи за финляндскимъ народомъ конституціи, которою онъ до того времени пользовался и согласно которой власть Монарха въ Великомъ Княжествѣ ограниченная, а не самодержавная. Независимо отъ всѣхъ ученій, упомянутое ненарушимое обѣщаніе составляетъ правоспособное политическое дѣйствіе, о рѣшающемъ значеніи котораго, по отношенію къ положенію Финляндіи въ составѣ россійской державы, свидѣтельствуетъ исторія не чуть ли цѣлаго столѣтія.

„Ближайшее разсмотрѣніе приведенныхъ Манифестовъ внѣ сомнѣнія показываетъ, что они никогда не имѣли того значенія, которое имъ приписывается финляндцами". Такъ говоритъ г. С. Посмотримъ, какъ удалось это его „ближайшее разсмотрѣніе".

„Извѣстно", продолжаетъ авторъ, „что Императоръ Александръ I первое время своего царствованія останавливался на мысли о парламентарно-конституціонномъ государственномъ устройствѣ; можно думать, что и мысль о федеративно-конституціонномъ строѣ Россійской Имперіи не была чужда Ему. Имѣются указанія относительно намѣренія Императора даровать законченную, съ ограниченіемъ правъ Верховной Власти, конституцію Польшѣ. Однако, сіи намѣренія осуществлены не были. Весьма возможно, что въ предложенія Его входило и конституціонное устройство Финляндіи. Отрицать этого нельзя; но было бы невѣроятно заключить, что, отказавшись отъ своихъ намѣреній по отношенію къ прочимъ частямъ государства, Императоръ Александръ I даровалъ конституцію одной только Финляндіи".

Пусть читатель прежде всего обратитъ вниманіе на анахронизмъ, на которомъ авторъ основываетъ свои шаткія предположенія: основныя мѣры Императора Александра I по отношенію къ государственно-правовому устройству Финляндіи были приняты въ 1809 году, и только послѣ Вѣнскаго конгресса, въ 1815 году, онъ могъ приступить къ устройству Польши. Его рѣшеніе по послѣднему вопросу не могло, слѣдовательно, повліять на характеръ его образа дѣйствія по отношенію къ Финляндіи въ 1809 году. Кромѣ того, какъ каждому извѣстно, Императоръ, при организаціи управленія Польши, не отказался отъ своихъ, авторомъ упомянутыхъ, намѣреній въ конституціонномъ смыслѣ, а, напротивъ того, въ декабрѣ 1815 года даровалъ польскому королевству конституцію.

Приведенное мѣсто въ выводѣ автора лишено, слѣдовательно, всякаго значенія, всякаго смысла. Если мы будемъ изъ историческихъ фактовъ почерпать свѣдѣнія о мысляхъ Александра I относительно конституціонной системы, то найдемъ, что сочувствіе его къ этой системѣ выразилось особенно рѣзко въ двухъ дѣйствіяхъ: въ подтвержденіи основныхъ законовъ Финляндіи въ 1809 году и въ дарованіи конституціи Польшѣ въ 1815 году. Передаю опять слово г. С.

„Недоразумѣніе порождается здѣсь (относительно Финляндіи) тѣмъ, что въ манифестѣ Александра I употреблено слово „конституція“; это же слово (constitution) имѣется въ французской рѣчи, которую произнесъ Императоръ при открытіи Сейма 1809 года, встрѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ документахъ и наконецъ повторено въ манифестѣ Императора Николая I 1825 года“.

„Недоразумѣніе“, о которомъ толкуетъ авторъ, произошло только со стороны тѣхъ, которые, какъ Ординъ, Еленевъ и другіе подобные писаки, извращаютъ всѣ документы, касающіеся права Финляндіи.

Утвержденіемъ основныхъ законовъ, Александръ I удостовѣрилъ Финляндіи конституціонный ея государственный строй. Поэтому-то, и встрѣчаются въ различныхъ рѣчахъ Императора, во время боргоскаго сейма, или сопоставленіе выраженій: vos loix fondamentales, votre constitution, или же только первое или лишь послѣднее изъ этихъ выраженій, но въ одномъ и томъ же смыслѣ*).

„Однако, о какой же именно конституціи могла быть рѣчь въ то время?“ — спрашиваетъ г. С. вслѣдъ за симъ, и отвѣчаетъ: „Финляндцы говорятъ, что словомъ конституція называется Форма Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года. Въ дѣйствительности ни тотъ ни другой актъ въ текстѣ ихъ такъ не названы; если бы манифесты имѣли въ виду эти акты, то, конечно, они были бы названы не общимъ словомъ „конституція“, а именно такъ, какъ они называются въ ихъ собственномъ текстѣ. Притомъ, совершенно очевидно, что ни Форма Правленія 1772 года, ни Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года, на которые обыкновенно указываютъ финляндцы, не могли представляться, независимо даже отъ ихъ содержанія, такими конституціями, кои подлежали бы утвержденію Верховой Власти, по той простой причинѣ, что оба акта касались шведскаго короля, а не русскаго Императора, и относились не къ одной только Финляндіи, но ко всей Швеціи, за исключеніемъ Помераніи“.

Противъ этихъ шаткихъ софизмовъ остается только замѣтить:

---

*) Кстати, замѣчу, что русскій экземпляръ утвержденнаго Александромъ I церемоніала принесенія присяги въ день 29 марта 1809 г. въ г. Борго гласитъ также дословно: „Генералъ-Губернаторъ возвѣщаетъ, что Его Императорское Величество соизволилъ утвердить Конституцію Финляндіи собственноручнымъ подписаніемъ и прочитавъ въ слухъ подтвердительную грамоту вручаетъ оную Маршалу Дворянства“.

1) какъ Форма Правленія 1772 года, такъ и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года, первый въ введеніи, а послѣдній въ заключительномъ утвержденіи, опредѣленно объявлены основными законами; кромѣ того, къ основнымъ законамъ отнесены разныя постановленія о риксдагѣ и нѣкоторые спеціальные законы относительно поземельнаго владѣнія; въ отношеніи нѣсколькихъ вопросовъ дѣйствуетъ также упомянутый въ Формѣ Правленія Королевскій Отдѣлъ Земскаго Уложенія;

эти основные законы заключали въ себѣ постановленія о государственномъ устройствѣ шведской монархіи (со включеніемъ Финляндіи) и означенное государственное устройство было того типа, который уже въ 18-мъ вѣкѣ стали обозначать терминомъ конституція;

Александръ I, утвердивъ 15 (27) марта 1809 года прежніе основные законы Финляндіи, не могъ имѣть въ виду другіе основные законы, кромѣ вышеозначенныхъ отъ 1772 и 1789 годовъ и прочихъ, имѣвшихъ до того времени силу въ Швеціи и Финляндіи сообща, такъ какъ особыхъ, собственно для Финляндіи изданныхъ, основныхъ законовъ въ то время не имѣлось; при этомъ и множествомъ историческихъ доказательствъ выяснено, что именно эти самые законы имѣлись въ виду Александромъ I-мъ;

помянутое утвержденіе, слѣдовательно, явно означало, что Финляндія, въ соединеніи ея съ Россіей, должна быть управляема согласно той самой конституціи, къ которой она была причастна до 1809 года; и далѣе

2) Императоръ россійскій, утвердивъ, по завоеваніи Финляндіи, дальнѣйшее дѣйствіе въ этой странѣ прежнихъ основныхъ законовъ и бывъ при томъ провозглашенъ Великимъ Княземъ Финляндіи представителями финскаго народа, этимъ самымъ, несомнѣнно, вступилъ

во всѣ тѣ права монарха и принялъ на себя всѣ тѣ обязательства, которыя, по тѣмъ же законамъ, принадлежали королю Швеціи; но при этомъ, разумѣется, постановленія, относившіяся къ вѣроисповѣданію монарха и порядку престолонаслѣдія, отмѣнялись уже въ силу того факта, что Финляндія подпала подъ скипетръ монарха Россіи; и наконецъ

> отнюдь не представляется единичнымъ случаемъ въ исторіи данное монархомъ, по завоеваніи края, обязательство сохранить въ немъ правовой строй, основанный прежнимъ монархомъ завоеваннаго края (г. С. самъ приводитъ на стр. 42 этому примѣръ); подобнымъ образомъ не только принципіально возможно, но фактически случалось и въ иныхъ странахъ, что законы, изданные для бо̀льшаго государства, были сохранены для отдѣленной отъ него части.

Въ видѣ дополнительнаго довода отрицанія существованія конституціи Финляндіи, авторъ замѣчаетъ, что наибольшая часть Формы Правленія потеряла свою силу изданіемъ Акта Соединенія и Безопасности, и притомъ находитъ, что Императоръ Александръ I не могъ „утвердить, въ качествѣ закона, документы подобнаго рода въ шведскомъ ихъ текстѣ и безъ переработки самаго изложенія".

Первое изъ этихъ замѣчаній невѣрно. Основной законъ 1772 года измѣненъ основнымъ закономъ 1789 года, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ частяхъ:

По § 6 перваго изъ названныхъ законовъ, король, въ вопросахъ бо̀льшей важности, касавшихся области внѣшней политики, былъ обязанъ руководствоваться мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, въ тѣхъ случаяхъ, когда члены совѣта единогласно были другого мнѣнія, чѣмъ король. Это постановленіе было отмѣнено 1-мъ пунктомъ закона 1789 года, освободившимъ короля и въ другихъ отношеніяхъ отъ участія совѣта въ управ-

леніи и измѣнившимъ тѣмъ нѣкоторыя опредѣленія §§ 2, 8, 10 и 25 Ф. Пр.

По § 8 Ф. Пр. судебная власть въ высшей инстанціи исполнялась отдѣленіемъ Государственнаго Совѣта. Вмѣсто того 2 пунктомъ Акта С. и Б. былъ учрежденъ особый „Королевскій Верховный Судъ". Тѣмъ же пунктомъ, кромѣ того, было поставлено, что опредѣленіе числа членовъ совѣта ставится въ зависимость отъ усмотрѣнія короля, чѣмъ измѣненъ былъ § 2 Ф. Пр.

Въ § 48 Ф. Пр. было постановлено, что король не имѣетъ права предпринимать войну безъ согласія Государственныхъ Чиновъ. 1-ый же пунктъ Акта С. и Б. предоставилъ королю одному право рѣшенія по этому дѣлу.

На основаніи § 41 Ф. Пр. Государственные Чины пользовались одинаковымъ съ королемъ правомъ почина по законодательнымъ вопросамъ. Пунктомъ 6-мъ Акта С. и Б. они были лишены этого права, безъ другого, однако, ограниченія ихъ права участія въ законодательствѣ.

Какъ видно, не бо̀льшая, а извѣстная лишь меньшая часть постановленій основнаго закона 1772 года была измѣнена основнымъ закономъ 1789 года. Я не оспариваю, что эти измѣненія имѣли большое политическое значеніе: за исключеніемъ постановленія объ учрежденіи особаго Верховнаго Суда, всѣ онѣ имѣли цѣлью расширеніе королевской власти, частью превращеніемъ столь вліятельнаго раньше Государственнаго Совѣта въ ничтожную тѣнь, частью же ограниченіемъ въ упомянутыхъ частяхъ компетенціи Государственныхъ Чиновъ. А именно потому, что по тогдашней шведской конституціи власть монарха была относительно весьма обширна, Александръ I могъ, не колебаясь, сохранить за Финляндіей эту конституцію. Что же касается мнѣнія г. С., будто Императоръ не могъ, „безъ

переработки", утвердить, въ качествѣ закона, „документы подобнаго рода", т. е. таковые, изъ коихъ ранѣе изданный отчасти измѣняется позднѣйшимъ, то представляется достаточнымъ напомнить: 1) о великомъ поступкѣ Александра I удостовѣрить народу Финляндіи сохраненіе всего его прежняго правового строя, — чѣмъ одновременно и Россіи была доставлена выгода безотлагательнаго и окончательнаго возстановленія мира по отношенію къ Финляндіи —, не должно судить по мѣрилу педантическаго формализма, и 2) — не только въ политическомъ, но и въ общемъ законодателствѣ представляется весьма обычнымъ явленіемъ, что къ главному акту примыкаетъ позднѣйшій актъ, заключающій частичныя измѣненія перваго; слѣдовательно, и съ формальной точки зрѣнія никакія сомнѣнія не должны были воспрепятствовать означенному утвержденію. Извѣстно вѣдь также, что Императоръ изъ докладовъ, составленныхъ по его повѣленію, двумя отдѣльными лицами, ознакомился съ существеннымъ содержаніемъ шведскихъ основныхъ законовъ, раньше чѣмъ рѣшился на утвержденіе ихъ.

Авторъ продолжаетъ: „Независимо отъ сказаннаго, ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ сихъ актовъ (основные законы 1772 и 1789 годовъ) показываетъ намъ, во первыхъ, что большая часть заключающихся въ нихъ постановленій фактически не могла и не можетъ быть примѣнена къ Финляндіи по ея отдѣленіи отъ Швеціи; во вторыхъ, — что изъ числа тѣхъ постановленій, которыя могли бы имѣть примѣненіе къ Финляндіи въ отдѣльности, значительная часть никогда не соблюдалась ни при Императорѣ Александрѣ I, ни при Его преемникахъ, и это до шестидесятыхъ годовъ не вызывало никакихъ протестовъ и возраженій".

Полнѣйшая произвольность этихъ увѣреній выступитъ съ очевидностью при разборѣ примѣровъ, которыми г. С. старается подкрѣпить ихъ.

„Сеймъ", говоритъ онъ, „этотъ необходимѣйшій элементъ всякаго парламентарно-конституціоннаго устройства, до 1863 года не созывался и закона о порядкѣ его собранія издано не было".

По § 38 Ф. Пр. 1772 года, отъ монарха зависѣло назначать время созыва риксдага (сейма); основнымъ закономъ никакая періодичность въ этомъ отношеніи не была установлена. Слѣдовательно, отложеніе созыва сейма десятками лѣтъ не противорѣчило буквальному содержанію основного закона, хотя оно и было противо духу конституціи, такъ какъ законодательное и финансовое развитіе страны, — какъ мною уже замѣчено на стр. 27 — этимъ были задержаны. Законъ о порядкѣ сеймовыхъ сессій не отсутствовалъ; постановленія о сеймѣ, дѣйствовавшія въ Швеціи въ послѣднее время политическаго единенія Финляндіи со Швеціею, примѣнялись на финляндскомъ сеймѣ въ Борго, въ 1809 году и затѣмъ также на сеймахъ 1863—1864 и 1867 годовъ; только послѣ этого новый Сеймовый Уставъ былъ изданъ.

„Указанный въ § 10 Формы Правленія порядокъ назначенія въ высшіе чины и должности никогда не соблюдался; правило § 11 объ ограниченномъ числѣ дворянскихъ родовъ — тоже".

Предписаніе, на которое г. С. тутъ намекаетъ а именно первый пунктъ § 10, по коему назначеніе на высшія должности должно было происходить „въ собраніи совѣта", уже до 1809 года было отмѣнено 1-мъ пунктомъ Акта С. и Б. Обозначенное въ § 11 Ф. Пр. наибольшее число новыхъ дворянскихъ родовъ не было превышено; впрочемъ, это постановленіе должно въ настоящее время быть истолковано при сличеніи съ § 2 Устава Рыцарскаго Дома 1869 года.

„Постановленіе § 15 Формы Правленія о томъ, что высшій судъ для Финляндіи, Гофгерихтъ, долженъ имѣть пребываніе въ г. Або, давно нарушено — въ

качествѣ высшаго суда является Судебный Департаментъ Сената, находящійся съ 1819 года въ Гельсингфорсѣ, причемъ съ наименованіемъ „Гофгерихтъ“ учреждены три суда второй инстанціи“.

Г. С. ошибочно разумѣлъ встрѣчающееся въ § 15 Ф. Пр. выраженіе: „Konungens högsta nämnd“, проистекающее изъ стариннаго слога законовъ. Гофгерихтъ въ Або не былъ высшимъ судомъ, такъ какъ его приговоры могли быть обжалованы, по § 8 Ф. Пр., въ Судебной Ревизіи (Justitie revisionen), составлявшей отдѣлъ Государственнаго Совѣта, а послѣ 1789 года въ учрежденномъ тогда „Королевскомъ Верховномъ Судѣ“ (см. выше стр. 46). Функціи этого верховнаго суда, при учрежденіи въ 1809 году Правительствующаго Совѣта (Сената) Великаго Княжества Финляндскаго, были переданы его судебному департаменту. Постановленія § 15 Ф. Пр., относительно общаго положенія и задачъ гофгерихта, все еще остаются въ силѣ. Что же касается числа гофгерихтовъ, то указаніе въ названномъ § 15 признавалось какъ минимальное опредѣленіе; уже въ 1775 году учрежденъ былъ шведскимъ правительствомъ для Финляндіи другой гофгерихтъ въ г. Ваза; аналогичной мѣрой было учрежденіе Выборгскаго гофгерихта въ 1839 году.

„Далѣе, по силѣ § 33 должность Генералъ-Губернатора Финляндіи не допускается, „исключая особенныхъ случаевъ“; между тѣмъ, какъ извѣстно, должность сія учреждена въ качествѣ постоянной съ первыхъ же дней присоединенія Финляндіи къ Россіи“.

При истолкованіи § 33 Ф. Пр. авторъ, очевидно, введенъ въ заблужденіе названіемъ генералъ-губернатора. Этимъ подразумѣвалось однако, — какъ свидѣтельствуетъ исторія шведской администраціи, — не должность съ подобными же функціями, какія установлены для генералъ-губернатора Финляндіи инструкціею

1812 г. Постановленіемъ приведеннаго § 33 имѣлось лишь въ виду на будущее время обезпечить сохраненіе управленія губерніями въ соотвѣтствіи съ узаконеніями, опредѣляющими дѣятельность ландсгевдинговъ (губернаторовъ), въ чемъ возникло бы нарушеніе, если бы, какъ иногда случалось, нѣсколько губерній были соединены подъ общимъ управленіемъ одного генералъ-губернатора. Такъ какъ генералъ-губернаторъ Финляндіи, въ качествѣ предсѣдателя высшаго органа управленія всего края, т. е. Сената, занимаетъ совершенно другое положеніе, то учрежденіе этой должности не есть отступленіе отъ упомянутаго выше законоположенія.

„Въ противность § 40, законы издавались безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ".

Г-ну С. должно бы быть извѣстно, что довольно обширная часть законодательства, имѣющая предметомъ упорядоченіе государственной экономіи и администраціи, согласно сохраненной за Финляндіей шведской конституціи, принадлежала одному королю, безъ участія Государственныхъ Чиновъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ единичныхъ случаевъ, законодательство касалось одной этой области въ продолжительный періодъ времени съ 1809 по 1863 г., изданіемъ разныхъ постановленій, регламентовъ и инструкцій. Въ областяхъ же конституціоннаго законодательства, а также уголовнаго, гражданскаго и морского права, равно и военнаго и пр. законодательства никакія реформы не могли быть предприняты вслѣдствіе того, что сеймъ не созывался. Если предѣлы законодательнаго права монарха, повидимому, не всегда были строго соблюдены, то это зависитъ отъ того, что упомянутые предѣлы не вполнѣ точно опредѣлены для всѣхъ встрѣчающихся вопросовъ, — чего и быть не можетъ. Едва ли найдется такая конституціонная страна, гдѣ бы не проявлялись иногда различныя мнѣнія по сему предмету.

„По § 48, для объявленія войны требуется согласіе государственныхъ чиновъ".

Г. С. опять упустилъ изъ виду, что это постановленіе въ Ф. Пр. отмѣнено 1-мъ пунктомъ Акта С. и Б.

„По пункту 8-му Акта Соединенія каждый Государь при вступленіи на престолъ долженъ „собственноручно подписать сей Актъ Соединенія и Безопосности", — этого не только никогда не дѣлалось, но едва ли даже у кого либо могла возникнуть серьезно мысль о такомъ подписаніи".

Если придерживаться узко-буквальнаго смысла приведеннаго 8-го пункта, авторъ дѣйствительно правъ. Но нерѣдко случается, въ особенности въ области политическаго законодательства, что буквальное толкованіе стариннаго или изданнаго при исключительныхъ обстоятельствахъ постановленія должно уступить мѣсто толкованію, выясняющему существенную цѣль этого постановленія. Постановленіе въ п. 8-мъ Акта С. и Б. о собственно-ручномъ подписаніи сего акта при вступленіи на престолъ, не имѣетъ по существу иного смысла, какъ если бы тамъ значилось, что каждый монархъ долженъ давать обѣщаніе уважать этотъ основной законъ. Поэтому, можно признать, что удостовѣренія о сохраненіи основныхъ законовъ, которыя были подписаны и даны русскими монархами Финляндіи при вступленіи ихъ на престолъ, въ усовершенствованной формѣ соотвѣтствовали тому, что предполагалось 8-мъ пунктомъ Акта С. и Б.

Подысканные г-мъ С. примѣры не доказываютъ, слѣдовательно, того, что ему хотѣлось ими подтвердить. Они свидѣтельствуютъ лишь о замѣчательно поверхностномъ отношеніи автора къ затрагиваемымъ имъ вопросамъ. Далѣе онъ говоритъ:

„Если бы Императоръ Александръ I имѣлъ дѣйствительное намѣреніе даровать Финляндіи конституціон-

ное устройство, согласное съ Формою Правленія 1772 года, и сохранилъ бы это намѣреніе во вторую половину своего царствованія по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ — когда, какъ извѣстно, Его политическіе взгляды глубоко измѣнились — то, конечно, Онъ не ограничился бы прежними, неопредѣленными словами и выраженіями въ рѣчахъ и рескриптахъ, а озаботился бы упрочить финляндскую конституцію точными актами практическаго значенія и, во всякомъ случаѣ, не допустилъ бы отступленій отъ тѣхъ конституціонныхъ началъ, которыя выразились въ Формѣ Правленія 1772 года. Повторяемъ: вполнѣ возможно, что мысль о конституціонномъ устройствѣ Финляндіи возникала въ умѣ Его; но несомненно, что она не была Имъ осуществлена".

Если эти предположенія и основанныя на нихъ заключенія были написаны Г. Сергѣевскимъ bona fide, то придется поставить ему въ упрекъ, что онъ самъ не ознакомился съ предметами, о которыхъ онъ трактуетъ, а между тѣмъ пытается руководить общественнымъ мнѣніемъ. Но если же онъ — въ чемъ однако врядъ ли можетъ быть сомнѣній, — позаботился хоть нѣсколько изучать акты, которые выясняютъ политику Александра I по отношенію къ Финляндіи, то онъ mala fide представилъ эту политику въ ложномъ свѣтѣ, чтобы тѣмъ сослужить службу извѣстнымъ новомодным тенденціямъ.

Дѣло въ дѣйствительности заключается въ слѣдующемъ:

1) Императоръ Александръ I уже въ мартѣ 1809 года выполнилъ свое намѣреніе даровать Финляндіи конституцію, что осуществилось удостовѣреніемъ о сохраненіи за страной всѣхъ ея прежнихъ основныхъ законовъ (не только Формы Правленія 1772 года);

2) конституція, содержащаяся въ этихъ законахъ, имѣла все то „практическое значеніе“, которое было необходимо для управленія краемъ, и

3) отступленія отъ принциповъ этой конституціи встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ за царствованіе Александра I.

Считаю не лишнимъ привести доказательства въ подтвержденіе справедливости сихъ трехъ положеній.

1) Относительно перваго, мнѣ уже раньше приходилось, вопреки тенденціознымъ отрицаніямъ г. С., выяснить, что Императоръ Александръ I, утвержденіемъ прежнихъ основныхъ законовъ, удостовѣрилъ Финляндіи конституцію; вслѣдствіе же перевернутаго порядка, въ которомъ г. С. трактуетъ о семъ предметѣ, я вынужденъ буду, при разборѣ слѣдующей главы вновь касаться того же вопроса. Г. С. и въ этомъ мѣстѣ въ своихъ очеркахъ старается увѣрить, что „неопредѣленныя слова и выраженія въ рѣчахъ и рескриптахъ“ не доказываютъ, что Императоръ Александръ I дѣйствительно утвердилъ конституцію для Финляндіи; въ виду этого я считаю необходимымъ перепечатать цѣликомъ — съ обозначеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ курсивомъ — документъ, существованіе котораго г. С., очевидно, умышленно скрываетъ отъ своихъ читателей, а именно манифестъ отъ 9 (21) февраля 1816 года, который гласитъ:

„Божіею Милостію Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и Великій Князь Финляндіи, и прочая, и прочая, и прочая,

Объявляемъ всенародно.

Съ самаго присоединенія Великаго Княжества Финляндіи къ Имперіи Нашей, благоденствіе края сего всегда составляло одинъ изъ пріятнѣйшихъ предметовъ Вашихъ желаній и попеченій. Соображаясь съ симъ,

всѣ Наши старанія, при каждомъ случаѣ, обращали Мы къ той цѣли, чтобы Финляндскихъ подданныхъ, Нашими дѣйствіями, единственно къ общему благу клонившимися, расположить къ вѣрности и приверженности, каковыхъ Мы, яко облеченные отъ Провидѣнія Верховною надъ ними властію, ожидать были въ правѣ, и которыхъ вмѣстѣ, къ особенному удовольствію Нашему, многія и непремѣнныя видѣли доказательства.

Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, — не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили Конституцію и законы сіи съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому Финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего чинами и учредили особенное Правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ Финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданскою частію края сего и рѣшилъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли. Таковыми мѣрами оказавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли, и впредь будемъ имѣть къ Финляндскимъ вѣрно-подданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ. Нынѣ же по благополучномъ окончаніи, въ купѣ съ союзными Намъ державами, помощію Всевышняго, дѣлъ до безопасности Имперіи На-

шей и спокойствія всей Европы относящихся и достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренними дѣлами Государства Нашего, а въ числѣ иныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ Мы, для вящшаго ознаменованія намѣренія Нашего о упомянутомъ Мѣстномъ Управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго къ лицу Нашему, удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ Вышняго Правительства въ Государствѣ Нашемъ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и Финляндскому Вышнему Правительству названіе: Финляндскаго Сената Нашего, безъ отмѣна однакожъ въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ Конституціи и законахъ Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ. При торжественнѣйшемъ обѣщаніи Нашемъ избирать впредъ въ члены Финляндскаго Сената Нашего, какъ и до сего времени было, однихъ токмо коренныхъ Финляндцевъ или водворившихся тамъ и Финляндское Гражданское право пріобрѣвшихъ, Повелѣваемъ: всѣмъ Финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, равно какъ и прочимъ, до кого сіе касается, исполнять всѣ тѣ предписанія, какія именемъ Нашимъ и со стороны Нашей, изданы будутъ отъ Императорскаго Финляндскаго Сената, что до селѣ былъ Правительствующій Совѣтъ, и съ симъ постановленіемъ Нашимъ въ точности сообразоваться. Въ подтвержденіе всего вышеизъясненнаго, благоволили Мы подписать сіе собственноручно.

Данъ въ С.-Петербургѣ февраля 9-го въ лѣто отъ Рождества Христова 1816-го, царствованія Нашего въ пятоенадесятъ.

Александръ.“

Этимъ документомъ опровергается, самымъ убѣдительнымъ образомъ, произвольныя, отрицательныя предположенія, которыя г-ну С. угодно было высказать. Императоръ здѣсь неоднократно заявляетъ, что онъ сохранилъ за Финляндіей ея прежнюю конституцію, объясняя также мотивы такового его дѣйствія. Заключающіяся въ манифестѣ 1816 года изреченія вполнѣ, впрочемъ, согласуются съ предыдущими объясненіями и словами Императора въ разныхъ актахъ 1809 и 1810 годовъ.

2) Въ приведенномъ манифестѣ 1816 года Государь самъ указалъ на важную сторону практическаго значенія финляндской конституціи, выражая въ манифестѣ свое убѣжденіе, „что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давныхъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ“, Конституція, которая способствуетъ къ обезпеченію счастія народа, не можетъ же быть признаваема лишенной практическаго значенія.

Чтобы дать тѣмъ русскимъ читателямъ, которые незнакомы съ конституціей Финляндіи, возможность самимъ судить о томъ, имѣютъ ли шведско-финляндскіе основные законы то практическое значеніе, которое г. С. отрицаетъ въ нихъ, я постараюсь въ сжатомъ изложеніи и въ упрощенной формѣ передать важнѣйшія ихъ положенія, каковыми они были въ 1809 году, по утвержденіи ихъ россійскимъ монархомъ для Финляндіи въ ея соединеніи съ Имперіей. Состоявшіяся послѣ 1863 года измѣненія въ основныхъ законахъ, слѣдовательно, не приняты здѣсь во вниманіе.

Очеркъ основныхъ законовъ.

Монархическая власть въ Финляндіи принадлежитъ Россійскому Государю, въ качествѣ Великаго Князя

Финляндіи. Онъ правитъ Великимъ Княжествомъ сообразно съ собственными законами этой страны и при помощи финляндскихъ властей и должностныхъ лицъ.

Государь*) слѣдитъ за тѣмъ, чтобы правосудіе отправлялось надлежащимъ образомъ и чтобы всѣ подданные, подъ охраною законовъ, пользовались одинаковыми правами. Ему принадлежитъ въ уголовныхъ дѣлахъ право помилованія, освобожденія отъ смертной казни и возстановленія чести и имущества.

Государю присвоена власть учреждать новыя управленія и должности, равно упразднять существующія, поскольку сохраненіе послѣднихъ не обусловлено закономъ. Онъ также властенъ издавать для правительственныхъ учрежденій регламенты и штаты.

Въ управленіи краемъ и по отправленію правосудія въ высшей инстанціи Государю содѣйствуетъ Правительствующій Совѣтъ (названный въ 1816 году Сенатомъ) Финляндіи, учрежденный въ главныхъ чертахъ на тѣхъ же началахъ какъ и упомянутыя въ Ф. Пр. 1772 г. и Актѣ С. и Б. 1789 г. центральныя управленія шведскаго государства. Финляндскія дѣла должны быть докладываемы Императору финляндскимъ сановникомъ — финляндскимъ статсъ-секретаремъ.

Государь созываетъ Земскихъ Чиновъ страны на сеймъ, во время и мѣсто, имѣющія быть имъ опредѣленными. Онъ назначаетъ ландмаршала и тальмановъ (предсѣдателей Сословій).

Земскіе Чины состоятъ изъ Сословій: Рыцарства и Дворянства, Духовенства, Горожанъ и Крестьянъ. (Не будемъ здѣсь касаться дѣйствовавшихъ въ 1809 году постановленій относительно права представительства дворянскихъ родовъ, избирательнаго права и условій

---

*) Въ болѣе важныхъ актахъ монархъ Финляндіи именуется Государемъ и Великимъ Княземъ. Здѣсь, для краткости, употребленъ только титулъ Государь.

избираемости въ недворянскихъ сословіяхъ, а также организаціи сейма и порядка производства дѣлъ на немъ).

Государь сохраняетъ за всѣми сословіями ихъ благопріобрѣтенныя привилегіи, права и вольности: новыя привилегіи не могутъ быть никакому сословію дарованы и дѣйствующія сословныя привилегіи измѣнены или отмѣнены безъ согласія всѣхъ четырехъ сеймовыхъ сословій.

Всѣ граждане Финляндіи суть одинаково свободные подданные и должны всѣ, подъ охраной закона, пользоваться одинаковыми правами.

Никто не можетъ насильственно подвергаться ограниченіямъ личной неприкосновенности и права собственности, безъ произнесеннаго судомъ приговора; равно никто не можетъ болѣе продолжительное время быть содержимъ въ тюрьмѣ, безъ производства надъ нимъ слѣдствія и суда, а также не можетъ быть арестованъ въ другихъ случаяхъ, кромѣ предусмотренныхъ въ законѣ.

Каждый финляндскій гражданинъ пользуется правомъ быть судимымъ тѣмъ судомъ, которому онъ по законамъ Финляндіи подсуденъ.

Граждане всѣхъ сословій пользуются правомъ пріобрѣтать землю и владѣть таковою; но дворянскими усадебными имѣніями (säterier) могутъ только владѣть дворяне.

Способность, заслуги, опытность и испытанная гражданская доблесть составляютъ единственное правомѣрное основаніе для назначенія на всѣ служебныя должности въ краѣ, независимо отъ происхожденія или особаго состоянія. Одни только финляндцы могутъ быть опредѣляемы на службѣ края, кромѣ того лишь случая, когда иное лицо выдающимися качествами можетъ принести странѣ особенную пользу.

Судьи не могутъ быть лишены своихъ должностей иначе, какъ по законному слѣдствію и суду. Тою же гарантіею пользуются прочія должностныя лица, если лишь должность, на основаніи особыхъ узаконеній, не влечетъ за собою смѣняемость. Назначенныя Государемъ довѣренныя особы могутъ, по Его повелѣнію, быть уволены отъ должности.

Евангелическая-лютеранская церковь, какъ общая церковь всего финскаго народа, должна быть сохранена въ своихъ правахъ. Подданныя и должностныя лица должны принадлежать къ этой церкви. Переселившимся въ край лицамъ другого христіянскаго вѣроисповѣданія предоставляется свободное отправленіе ихъ вѣры.

Право изданія новыхъ законовъ и отмѣны прежнихъ законовъ принадлежитъ Государю совмѣстно съ собранными на сеймъ Земскими Чинами края*). Подъ словомъ законъ подразумѣвается какъ основной такъ и общій законы. Къ числу „общихъ законовъ“ относятся всѣ тѣ области права, которыя сведены въ уложеніе 1734 года, т. е. гражданскіе, уголовные и судебные законы, а также важнѣйшія части поземельнаго и торговаго права.

Безъ участія Земскихъ Чиновъ, Монархъ можетъ издавать постановленія и положенія, касающіяся общественнаго хозяйста и порядка, если этимъ не измѣнится законъ.

Военно-поселенная система должна оставаться въ силѣ, до тѣхъ поръ пока она не будетъ измѣнена или отмѣнена по обоюдному согласію Монарха и Земскихъ Чиновъ. Воинскіе наборы не могутъ быть произведены безъ согласія на то Земскихъ Чиновъ.

Иниціатива Государя по законодательнымъ вопросамъ осуществляется передачею предложеній сейму.

---

*) Земскіе Чины и Сеймъ въ правовомъ смыслѣ синонимы.

Принятый Земскими Чинами законъ не имѣетъ законной силы до одобренія и утвержденія его Государемъ.

На каждый годъ составляется государственная роспись доходовъ и расходовъ (бюджетъ) на установленныхъ началахъ.

Финскому народу предоставляется право добровольно давать признанныя нужными средства на содержаніе государства. Это право самообложенія осуществляется Земскими Чинами на сеймѣ. Новые налоги или чрезвычайныя подати, слѣдовательно, не могутъ быть установлены и существующіе налоги не могутъ быть возвышены иначе, какъ на основаніи рѣшенія Земскихъ Чиновъ. Въ видѣ изъятія изъ этого общаго положенія Монарху предоставлена власть единолично утверждать таможенный тарифъ, а также размѣръ сборовъ, взимаемыхъ за пользованіе общественными учрежденіями и казенными средствами сообщенія. (Это изъятіе существуетъ по праву давности). Въ видѣ другого исключенія, Монархъ можетъ, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, установлять новые налоги, но коль скоро война окончится, взиманіе этихъ налоговъ прекратится и Земскіе Чины должны быть созваны.

Чеканка монеты составляетъ право казны, но для измѣненія въ вѣсѣ и пробѣ монеты требуется согласія Земскихъ Чиновъ*).

---

*) Новѣйшими законами предоставлены финляндскимъ гражданамъ православнаго вѣроисповѣданія совершенно такія же права, какъ и лютеранамъ, причемъ свобода вѣроисповѣданія и въ остальномъ существенно расширена.

Прочія реформы въ основныхъ законахъ, состоявшіяся послѣ 1863 года, заключаются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

Сеймовымъ Уставомъ 1869 г. постановлено, что сеймъ созывается, по крайней мѣрѣ, каждый пятый годъ и что право избранія въ недворянскихъ сословіяхъ расширено, при чемъ введены болѣе точныя и обстоятельныя опредѣленія относительно

При сравненіи изложенной выше финляндской конституціи съ конституціоннымъ государственнымъ устройствомъ другихъ странъ того же или новѣйшихъ временъ мы легко находимъ, что она отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что власть монарха, какъ въ отношеніи законодательства, такъ и государственнаго хозяйства въ меньшей мѣрѣ ограничена, и что вслѣдствіе отсутствія министерской отвѣтственности народное представительство не имѣетъ никакой возможности дѣйствительнымъ образомъ проявлять свои воззрѣнія по отношенію къ правительственной политикѣ, если только правительство, въ своихъ видахъ, не нуждается въ законодательныхъ реформахъ или въ чрезвычайныхъ налогахъ. Главнѣйшій недостатокъ этой конституціи заключался въ томъ, что опредѣленнаго срока для созыва народныхъ представителей не было назначено въ законѣ. Этотъ недостатокъ былъ устраненъ изданіемъ Сеймоваго Устава 1869 года. Другой важный недостатокъ — отсутствіе установленной закономъ гарантіи свободы печати — остается и поднесь. Но принципы, лежавшіе въ основу конституціи, были въ остальномъ таковы, что придавали прочность правовому строю, обезпечили свободу гражданъ и обозначали вѣрный путь для дальнѣйшихъ трудовъ по развитію края.

3) Я, наконецъ, выше уже въ общемъ опровергъ увѣренія г-на С., будто основныя начала означенной конституціи не соблюдались въ царствованіе Александра I.

производства на сеймѣ дѣлъ по законодательнымъ и финансовымъ вопросамъ.

Позже Земскимъ Чинамъ присвоено право моціи по законодательству, съ нѣкоторыми однако ограниченіями. Исключительныя права, признанныя за нѣкоторыми сословіями прежними сословными привилегіями, по большей части упразднены.

Дворянскими усадебными имѣніями могутъ нынѣ владѣть также и лица недворянскихъ сословій.

Чтобы полностью доказать это, было бы необходимо представить анализъ съ конституціонной точки зрѣнія его правительственныхъ мѣропріятій во всей ихъ совокупности, а также и всѣхъ изданныхъ въ его время въ Финляндіи общихъ постановленій. Я вынужденъ, разумѣется, ограничиться приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ фактовъ.

а) Утвержденіе основныхъ законовъ состоялось, какъ уже неоднократно сказано, манифестомъ, подписаннымъ Александромъ I 15 (27) марта 1809 г. въ г. Борго, по пробытіи его туда, для открытія финляндскаго сейма. Но его намѣреніе и рѣшеніе сохранить народу Финляндіи прежнюю конституцію получило несомнѣнное выраженіе уже въ Высочайшемъ повелѣніи 20 января (1 февраля) 1809 г., о созывѣ сейма.

Тамъ именно сказано . . . „сообразно съ установленіями края симъ повелѣваемъ созвать общій сеймъ въ городѣ Борго“ и т. д. Тутъ Императоръ впервые примѣнилъ прежнюю конституцію, ибо другихъ установленій, примѣнимыхъ къ сейму въ Финляндіи, кромѣ заключающихся въ шведскихъ основныхъ законахъ, не имѣлось*).

б) Послѣ учрежденія, по соглашенію съ Земскими Чинами, центральнаго органа правленія, Правительствующаго Совѣта, оставалось довершить дѣло организаціи управленія. То было исполнено изданіемъ:

аа) инструкцій генералъ-губернатору и прокурору. Составленные на этотъ предметъ въ С.-Петербургѣ проекты, въ 1811 году, удостоились одобренія Императора. Но Правительствующій Совѣтъ, которому эти

*) Поучительно здѣсь напомнить о слѣдующихъ словахъ Сперанскаго въ письмѣ на французскомъ языкѣ къ генералъ-губернатору Барклай де Толли отъ 27 іюня 1809 г.: „Императоръ рѣшился сохранить ихъ констуицію. Ничто не докажетъ лучше это великодушное намѣреніе, какъ собраніе сейма, сообразно съ законами края . . .“

инструкціи были переданы для обнародованія, нашелъ, что нѣкоторыя постановленія ихъ не были согласны съ основнымъ и общимъ законами, а потому донесъ объ этомъ Государю. Вслѣдствіе сего Государь назначилъ коммиссію изъ нѣсколькихъ членовъ Правительствующаго Совѣта, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, для разсмотрѣнія „какія именно несходства могутъ быть въ нѣкоторыхъ статьяхъ сихъ инструкцій съ существующими законами, разумѣя законы коренные, а не временныя учрежденія, кои по существу своему всегда подлежали перемѣнамъ правительства". (Отношеніе Сперанскаго къ Штейнгейлю отъ 17 мая 1811 г.) Въ своемъ заключеніи коммиссія донесла, что нѣкоторыя постановленія инструкцій противорѣчатъ отчасти общему закону, отчасти нѣкоторымъ постановленіямъ Формы Правленія 1772 г. и Акта Соединенія и Безопасности 1789 г., причемъ коммиссія указала что названные акты, какъ относящіеся къ числу основныхъ законовъ края, удостовѣреніемъ Императора отъ 15 (27) марта 1809 года утверждены. При докладѣ Императору заключенія коммиссіи, учрежденный между тѣмъ комитетъ по финляндскимъ дѣламъ объяснилъ, что замѣчанія коммиссіи найдены имъ вполнѣ основательными и что проектируемыя коммиссіей измѣненія согласны съ конституціею и съ дѣйствующими законами. Императоръ тогда окончательно отмѣнилъ ранѣе одобренныя инструкціи и 31 января (12 февраля) 1812 г. утвердилъ новыя, сообразно съ проектами коммиссіи.

бб) инструкція отъ 25 октября (6 ноября) 1811 г., для учрежденной въ С.-Петербургѣ коммиссіи финляндскихъ дѣлъ. Докладъ по такимъ дѣламъ, „кои по кореннымъ законамъ сей страны принадлежатъ къ непосредственному рѣшенію Верховной власти", былъ установленъ въ порядкѣ, свидѣтельствующемъ, что Императоръ вполнѣ признавалъ необходимость осуществленія управленія Финляндіей по законамъ ея.

в) послѣ рѣшенія Императора, чтобы Выборгская губернія („Финляндская губернія“) была присоединена къ Великому Княжеству Финляндіи, 31 декабря 1811 года было издано постановленіе о томъ, что именно должно было быть соблюдаемо при этомъ присоединеніи. Въ составленномъ проектѣ сего постановленія Императоръ собственноручно сдѣлалъ нѣсколько исправленій. Было между прочимъ постановлено:

„I. 1. Порядокъ представленія всѣхъ сословій на Сеймѣ Государственныхъ Чиновъ, учреждается въ Выборгской губерніи на общихъ правилахъ въ конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ“.

Также и въ прочихъ опредѣленіяхъ, относительно управленія и устройства судовъ, а также правъ и обязанностей землевладѣльцевъ и пр., сдѣланы ссылки или на конституцію Финляндіи или же вообще на финляндскіе законы.

г) Манифестомъ 17 (29) декабря 1809 г. монетная система Финляндіи была упорядочена на основаніяхъ, одобренныхъ Боргоскимъ сеймомъ, слѣдовательно, въ порядкѣ установленнымъ въ § 44 Ф. Пр. 1772 года.

д) Одно изъ Высочайшихъ предложеній на Боргоскомъ сеймѣ касалось устройства военныхъ силъ края. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ манифестомъ 15 (27) марта 1810 г., гдѣ между прочимъ говорится:

Du moment que la Providence Nous a remis le sort de la Finlande, Nous résolûmes de gouverner ce pays comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit.

— — — — — — — — — — — — —

Parmi les institutions qui ont dû fixer toute Notre attention, l'organisation de la force militaire est une des plus importantes. Ayant résolu de ne rien introduire qui ne soit conforme aux lois existantes, Nous sommes décidés à conserver en Finlande l'organisation militaire telle qu'elle a existé avant ce temps“.

Такимъ образомъ главный вопросъ былъ, при участіи Земскихъ Чиновъ, разрѣшенъ въ смыслѣ сохраненія поселенной системы, въ видѣ базиса для формированія національной милиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императоръ исполнилъ желаніе Земскихъ Чиновъ, объявивъ въ томъ же манифестѣ, что не будетъ призывать поселенныхъ войскъ на службу, пока обстоятельства не того потребуютъ и пока благосостояніе края не изгладитъ слѣды опустошеній войны.

Землевладѣльцы обязывались между тѣмъ уплачивать т. н. ваканціонный сборъ, въ замѣнъ обязанности поставлять солдатъ по поселенной системѣ. Высочайшимъ предложеніемъ было предоставлено Земскимъ Чинамъ опредѣлить размѣръ этого сбора. Результатомъ обсужденій этого вопроса на сеймѣ были два альтернативныхъ проекта, изъ коихъ одинъ былъ утвержденъ манифестомъ 20 іюля (1 августа) 1810 г. Порядокъ разсмотрѣнія даннаго вопроса представляетъ, правда (если судить по болѣе строгимъ мѣриламъ позднѣйшаго времени), нѣкоторую неправильность. Но если принять въ соображеніе, что Земскимъ Чинамъ приходилось разсмотрѣть какъ это, такъ и два прочихъ, финансовыхъ предложенія, не получивъ отъ Монарха никакого положительнаго проекта или ближайшей разработки — что объясняется неимѣніемъ въ то время еще финляндскаго органа правленія, коимъ предложенія могли бы быть предварительно подготовлены — то отступленіе отъ формальнаго порядка, заключающееся въ представленіи двухъ альтернативныхъ отвѣтовъ на пропозиціи, не можетъ быть признано особенно знаменательнымъ.

Прочая законодательная дѣятельность сего царствованія касалась предметовъ, по которымъ на основаніи государственнаго права Финляндіи, Монархъ властенъ издавать постановленія безъ содѣйствія сейма. Я уже раньше на стр. 27 замѣтилъ, что преобладающія стороны дѣятель-

ности финляндскаго правительства того времени заключались въ образованіи центральнаго управленія и въ устройствѣ Выборгской губерніи. Нельзя также не упомянуть о томъ что обстоятельства въ Выборгской губерніи, равно и расквартированіе русскихъ войскъ въ различныхъ мѣстностяхъ Финляндіи предполагали урегулированіе такихъ правовыхъ вопросовъ, которые не могли быть предметомъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ законоположеній шведскаго времени. Всѣ эти вопросы были разрѣшены въ полномъ соотвѣтствіи съ содержащимися въ названныхъ законахъ правовыми нормами; изданныя въ сихъ цѣляхъ постановленія свидѣтельствуютъ также, въ своей мѣрѣ, о неуклонномъ желаніи Императора соблюдать конституцію Финляндіи. Въ видѣ примѣра приведу постановленіе о воинскомъ постоѣ отъ 31 января 1812 г., въ § 2 котораго сказано, что существующая по законамъ и привилегіямъ свобода отъ военнаго постоя остается въ силѣ „до тѣхъ поръ пока Намъ не представится возможность, по соглашеніи съ Земскими Чинами, иначе о томъ постановить". Приведенныя слова самимъ Императоромъ добавлены.

Случалось нѣсколько разъ въ продолженіи этого періода времени, что Правительствующій Совѣтъ доносилъ о желательности нѣкоторыхъ реформъ, по отношенію къ которымъ необходимо было содѣйствіе сейма. Императоръ по такому поводу — по свидѣтельству историческихъ документовъ — и намѣревался на дѣлѣ созвать сеймъ. Но этотъ планъ однако рушился по разнымъ препятствіямъ, вынудившимъ отложить осуществленіе его. Императоръ, поэтому, приказалъ повременить съ означенными реформами, опись коимъ сохранилась. Въ связи съ этимъ, — хотя и въ сторонѣ отъ разматриваемаго предмета, — считаю нужнымъ указать на слѣдующее. Тотъ фактъ, что откладываніе законодательныхъ реформъ, не только въ это время, но и во все послѣдующее царствова-

ніе хотя и не обошлось безъ вреда краю, однако не повело къ болѣе серьезнымъ послѣдствіямъ, объясняется тѣмъ, что „Уложеніе королевства Швеціи“ отъ 1734 года, т. е. обширный кодексъ, о которомъ мною раньше говорено, былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ сводовъ законовъ, который въ какой-либо странѣ удалось создать; потому это уложеніе, еще по истеченіи столѣтія послѣ его изданія, не оказалось въ бо̀льшей степени устарѣлымъ или неудобопримѣнимымъ. Слѣдуетъ при этомъ также замѣтить: отчасти право смягченія наказанія и право помилованія до нѣкоторой степени давали возможность уменьшать мѣру слишкомъ строгихъ наказаній, присужденныхъ по старому закону, отчасти также многосторонняя хозяйственная предпріимчивость, — для которой новыя правовыя нормы позже стали необходимыми, — еще не сказалась въ первой половинѣ столѣтія.

Отмѣною послѣдовавшаго уже Высочайшаго повелѣнія, по полученіи освѣдомленія о томъ, что оно не правомѣрно, монархъ выказываетъ, пожалуй, еще въ большей степени свое уваженіе къ конституціи, нежели положительными мѣропріятіями. Я выше, въ пунктѣ 6, аа, указалъ на одинъ такой случай въ царствованіе Императора Александра I. Другой такой же инцидентъ произошелъ въ концѣ его царствованія. Генералъ-губернаторъ Закревскій въ 1824 году, вскорѣ послѣ его назначенія, исходатайствовалъ утвержденіе Императоромъ нѣкоторыхъ постановленій, имъ выработанныхъ, не посовѣтовавшись о томъ ни съ Сенатомъ ни съ финляндскимъ комитетомъ въ С.-Петербургѣ. Когда зятѣмъ эти постановленія были сообщены Сенату для обнародованія и исполненія, Сенатъ вошелъ съ сильно мотивированнымъ представленіемъ объ отмѣнѣ ихъ, такъ какъ они не были въ установленномъ порядкѣ подготовлены, а также по своему содержанію возбуждали недоумѣніе. Результатомъ сего представле-

нія было, что импровизированныя генералъ-губернаторомъ постановленія были оставлены безъ послѣдствія.

Къ числу поименованныхъ въ пунктахъ а—д фактовъ можно присовокупить еще слѣдующіе.

е) Положенія основнаго закона о порядкѣ назначенія на должности и о правѣ финляндскаго гражданства, какъ условіи компетенціи для поступленія на финляндскую государственную службу, были постоянно соблюдаемы въ царствованіе Александра I. Назначеніе русскихъ на должность генералъ-губернатора составляетъ, правда, исключеніе. Но право Императора назначать на должность генералъ-губернатора какъ русскаго такъ и финляндца, признавалось съ самаго 1809 года финляндскимъ правовѣдѣніемъ столь естественнымъ послѣдствіемъ политическаго положенія Финляндіи, что означенное исключительное обстоятельство разсматривалось правомѣрнымъ, независимо даже отъ вопроса о примѣнимости того пункта § 10 Ф. Пр., въ которомъ постановляется о возможныхъ исключеніяхъ изъ общаго по сему предмету правила.

ж) Никакого отступленія, наконецъ, не имѣло мѣсто отъ законоположеній конституціи, гарантирующихъ привилегіи отдѣльныхъ сословій и положеніе лютеранской церкви.

На основаніи всѣхъ этихъ вкратцѣ сопоставленныхъ фактовъ, и принимая въ соображеніе, что въ означенный періодъ времени приходилось разрѣшить не легкую задачу упроченія новаго положенія, въ которое Финляндія вступила съ 1809 года, мы на самомъ дѣлѣ вполнѣ въ правѣ, — въ противность г. Сергѣевскому, — вывести заключеніе, что Императоръ Александръ I царствовалъ въ Финляндіи согласно той самой конституціи, которую онъ великодушно обѣщалъ сохранить сей странѣ. Финляндскій статсъ-секретарь Александра I, графъ Ребиндеръ, пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Императоръ, передъ алтаремъ и въ при-

сутствіи Земскихъ Чиновъ, далъ торжественную клятву сохранить законы и конституцію Великаго Княжества, а также привилегіи всѣхъ корпорацій. Эту клятву онъ добросовѣстно соблюдалъ съ того момента, когда принесъ ее и вплоть до конца своей жизни". Въ другомъ мѣстѣ Ребиндеръ пишетъ: „Все, что онъ обѣщалъ, онъ добросовѣстно сдержалъ; я торжественно свидѣтельствую объ этомъ предъ небомъ и исторіей — безпристрастнымъ судьей государей и народовъ". Это свидѣтельство государственнаго человѣка, содѣйствовавшаго Александру I во всѣхъ его, Финляндіи касавшихся правительственныхъ мѣропріятіяхъ, одно по себѣ достаточно, чтобъ обнаружить несостоятельность образа сужденія г. Сергѣевскаго, — подражающаго, впрочемъ, Ордина, — о финляндской политикѣ этого Государя.

Возвращусь теперь къ изложенію г. Сергѣевскаго.

„Во избѣжаніе обвиненій въ односторонности", онъ, какъ говоритъ, пробуетъ допустить предположительно, что Императоръ Александръ I, „хотя и не утвердилъ Форму Правленія и Актъ Соединенія въ полномъ ихъ составѣ, но тѣмъ не менѣе принялъ ихъ и одобрилъ въ извѣстныхъ частяхъ, именно, въ тѣхъ частяхъ, которыя примѣнимы къ Финляндіи и не противорѣчатъ интересамъ Россіи". Авторъ однако находитъ очевиднымъ, что эти тексты законовъ, даже при такомъ предположеніи, „не могутъ имѣть никакого особаго значенія, доколѣ Верховная власть не укажетъ съ точностью, какія именно статьи или правила этихъ документовъ должны получить силу дѣйствующаго закона и какія отвергаются, за непримѣнимостью ихъ или несогласіемъ съ интересами Россіи".

Такъ какъ авторъ законовѣдъ и, слѣдовательно, долженъ бы имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія объ основахъ толкованія законовъ, приходится тутъ опять сомнѣваться въ его bona fides. Переходъ правительствен-

ной власти Финляндіи къ россійскому государю былъ такой политическій фактъ, который естественно имѣлъ послѣдствіемъ, что сказанное въ утвержденныхъ Императоромъ основныхъ законахъ о вѣроисповѣданіи короля, о порядкѣ престолонаслѣдія и о принцахъ шведской династіи (Ф. Пр. 1772 г., §§ 1, 3, 34—36) не могло имѣть дальнѣйшаго примѣненія. Для установленія этого послѣдствія не требуется никакого особаго объясненія въ законахъ. Дѣло это вполнѣ очевидно и всегда считалось такимъ; до послѣдняго времени никому не вздумалось оспаривать состоявшееся утвержденіе основныхъ законовъ, въ виду непримѣняемости помянутыхъ постановленій. Также само собой разумѣется, что установленіе 1809 года о Финляндскомъ Правительствующемъ Совѣтѣ замѣнило тѣ постановленія въ законахъ 1772 и 1789 годовъ, которыя были примѣнимы только къ центральнымъ органамъ правленія въ Стокгольмѣ.

Едва ли найдется хотя одна конституція въ мірѣ, которая не давала бы повода къ различнымъ толкованіямъ. Финляндскіе основные законы въ этомъ отношеніи не представляютъ исключенія. Но если вообще какое-нибудь опредѣленіе въ законѣ оказывается неточнымъ, то это можетъ повести лишь къ нѣкоторой непослѣдовательности въ примѣненіи его, но отнюдь не поколебать дѣйствительность закона.

Что же касается вопроса о совмѣстимости или несовмѣстимости означенныхъ основныхъ законовъ съ интересами Россіи — или, какъ авторъ выражается, согласно ли „конституціонное устройство одной окрайны съ самодержавнымъ строемъ всей Россіи", — то это нынѣ болѣе не открытый вопросъ; онъ былъ окончательно разрѣшенъ Императоромъ Александромъ I 15 (27) марта 1809 года. Императоръ при этомъ поступилъ не только по праву завоевателя, но также какъ обладатель государственной власти въ Россіи, и въ

этомъ послѣднемъ качествѣ онъ рѣшился, при упорядоченіи отношенія Финляндіи къ Россіи, не распространять на Финляндію самодержавіе. Онъ считалъ, что сохраненіе за Финляндіей ея прежней конституціи было согласно съ интересами Россіи. И исторія оправдала это. Но если бы въ русской государственной жизни возникли новые интересы того или другого рода, ради коихъ какое-либо измѣненіе въ основныхъ законахъ Финляндіи оказывалось бы нужнымъ или желательнымъ, то таковое измѣненіе можетъ быть достигнуто при содѣйствіи финляндскаго сейма. Впрочемъ, г. С. нигдѣ въ своихъ очеркахъ, ни однимъ словомъ не пояснилъ какого именно рода суть тѣ интересы, которымъ финляндская конституція является препятствіемъ. Онъ только общими мѣстами объ интересахъ Россіи пожелалъ затемнить для читателя значеніе правовыхъ вопросовъ, при чемъ онъ совершенно упустилъ изъ виду, что народъ Финляндіи, какъ народъ культурный, тоже имѣетъ право жить своею собственною національною жизнью.

Г. С., конечно, жалѣетъ о томъ, что во многихъ, Императорами подписанныхъ или изданныхъ съ ихъ одобренія постановленіяхъ и другихъ актахъ встрѣчаются прямыя ссылки на основные законы 1772 и 1789 годовъ или на отдѣльныя постановленія ихъ; онъ выставляетъ правдоподобнымъ, будто, по мнѣнію финляндцевъ, эти ссылки замѣняютъ собой сомнительное безъ этого утвержденіе упомянутыхъ законовъ. Но онъ забываетъ логику ради своихъ тенденцій: въ практической государственной жизни нельзя ссылаться на другіе законы, кромѣ фактически имѣющихъ дѣйствительную силу; только потому, что утвержденіе названныхъ основныхъ законовъ въ 1809 г. не подлежало никакому сомнѣнію, и представлялось въ оффиціальныхъ актахъ возможнымъ дѣлать ссылки на эти законы или на отдѣльныя постановленія въ нихъ, частью въ видахъ об-

основанія какой-либо мѣры, частью же при измѣненіи ихъ новымъ законодательнымъ актомъ, или же, какъ случилось при утвержденіи Сеймового Устава 1869 года, для того чтобы подчеркнуть — во избѣжаніи недоразумѣнія — что принадлежащее Монарху право, въ томъ видѣ какъ оно установлено въ основныхъ законахъ 1772 и 1789 годовъ, сохраняется и впредь во всемъ, что не измѣнено точными словами Сеймоваго Устава.

Затѣмъ слѣдуетъ въ книжкѣ г. Сергѣевскаго мѣсто, гдѣ онъ, опираясь на свою юридическую ученость, старается окончательно разгромить финляндскую конституцію:

„Въ дѣйствительности все недоразумѣніе по вопросу о „конституціи" разъясняется довольно легко: слово „конституція" получило значеніе строгаго термина, обозначающаго парламентарное устройство, ограничивающее верховную власть волею представителей населенія, лишь въ 30-хъ годахъ; ранѣе же этого времени слово „конституція" на всѣхъ языкахъ означало не болѣе, какъ установленный закономъ порядокъ управленія вообще и, сообразно этому, вполнѣ соотвѣтствовало русскимъ словамъ: установленіе или учрежденіе, а также уставъ, уложеніе. Конституціями же назывались всегда постановленія польскихъ и литовскихъ сеймовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ I и, конечно, Николай I употребляли это слово лишь въ приведенномъ общемъ смыслѣ, а никакъ не въ смыслѣ термина современнаго государственнаго права. Это вполнѣ подтверждается, во первыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Манифестахъ слово „конституція" употребляется во множественномъ числѣ: „по конституціямъ", а во вторыхъ, тѣмъ, что въ Манифестѣ Императора Александра II это слово замѣнено словомъ „установленіе", каковой оборотъ рѣчи сохраняется и въ позднѣйшихъ Манифестахъ Императора Алексан-

дра III и Императора Николая II. Таково дѣйствительное положеніе вещей".

„Дѣлая выводъ изъ сказаннаго, мы въ правѣ сказать, что въ Манифестахъ или „Удостовѣреніяхъ" идетъ рѣчь вовсе не о конституціи, въ современномъ смыслѣ этого слова, а лишь о законномъ основаніи правъ и преимуществъ вообще".

Всякій, кто только ознакомился съ политическимъ развитіемъ новѣйшихъ временъ и съ государственно-научною литературой, знаетъ отлично, что государственно-правовое понятіе „конституція" установилось не такъ поздно, какъ утверждаетъ г. С. 30-ые годы не имѣли въ этомъ отношеніи никакого особаго значенія. Юльская революція 1830 года была вызвана нарушеніемъ Карломъ X французской „Charte constitutionnelle" 4 іюня 1814 года, измѣнной только отчасти конституціею 6 августа 1830 года. Бельгійская конституція 1831 года имѣла, правда, значеніе образца для нѣкоторыхъ конституцій, созданныхъ во время революціоннаго 1848-го года и позже. Но задолго до 1830 года конституціи были введены въ Испаніи, Португаліи, Голландіи, Норвегіи и въ южно-германскихъ государствахъ. Всѣмъ этимъ государствамъ послужила образцомъ Франція; такъ было и съ бельгійскою конституціею, при учрежденіи которой руководствовались также и конституціей Англіи.

Въ научной литературѣ выступаютъ уже въ XVI-мъ столѣтіи голоса о необходимости lex fundamentalis съ бо̀льшею силою, нежели прочіе законы. Французъ Луазо во времена Генриха IV, объясняетъ, что „les lois fondamentales de l'Estat" должны прочно ограничивать королевскую власть. Конституціей обозначается государственное устройство Англіи Монтескье и другими учеными, которые развивали въ 18-мъ столѣтіи идею о государственной организаціи съ распредѣленіемъ власти, ограничивающимъ полномочіе монарха соучастіемъ

въ законодательствѣ народнаго представительства и обезпечивающимъ самостоятельность судопроизводства. Американскія колоніи, отвоевавъ себѣ независимость отъ Англіи, устроились какъ конституціонныя государства. Отдѣльныя конституціи ихъ, равно какъ и установленная для уніи союзная конституція были построены отчасти на началахъ англійской конституціи, отчасти же на теоріяхъ французскихъ ученыхъ. Эти американскія же конституціи, въ свою очередь, остались не безъ вліянія на пренія, изъ которыхъ исходила конституція Франціи 14 сентября 1791 года. Вмѣстѣ съ этимъ первымъ основнымъ закономъ Франціи утвердилось значеніе термина „constitution“ въ офиціальной французской рѣчи, установившись уже до того въ научной литературѣ. Извѣстно, какъ быстро распространялись въ другихъ странахъ политическія идеи и термины, господствовавшіе во Франціи послѣ 1789 года.

Для Императора Александра I, даже если бы онъ не былъ ученикомъ Лагарпа, не могло быть безъизвѣстнымъ, что означали слова — конституція страны. Г. Сергѣевскій, конечно, не потерялъ этого обстоятельства изъ виду, хотя онъ въ этомъ мѣстѣ своей книжки изволитъ приписывать возникновеніе термина „конституція“ къ 30-мъ годамъ. Онъ вѣдь самъ нѣсколько раньше, въ приведенномъ мною на стр. 41 мѣстѣ, говоритъ о намѣреніи Императора ввести конституцію не только въ Финляндіи и въ Польшѣ, но и въ Россіи. Какъ могла бы возникнуть у Императора такое намѣреніе въ началѣ вѣка, если только въ 30-хъ годахъ, послѣ его смерти, стало извѣстнымъ что собственно подразумѣвается подъ конституціей? Такія противорѣчія, по правдѣ, не способны усиливать аргументацію автора *).

*) Не мѣшаетъ въ связи съ этимъ напомнить о слѣдующихъ характерныхъ обстоятельствахъ. Нѣкоторые русскіе писатели силились въ поискахъ за доводами выступить съ козыремъ, будто

Г. С., впрочемъ, даетъ невѣрное опредѣленіе термина „конституція“, смѣшивая это понятіе съ парламентаризмомъ. Парламентарный образъ правленія существуетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ правительственная власть, не только по законодательству и по финансовой части, но и по отношенію ко всей своей программѣ управленія находится въ зависимости отъ народнаго представительства, и гдѣ, вслѣдствіе этого, министерство должно состоять изъ людей, пользующихся довѣріемъ парламентскаго большинства. Въ такомъ видѣ развился конституціонный государственный строй сначала въ Англіи и затѣмъ также во многихъ другихъ странахъ. Развитію этому способствовали основныя законоположенія о правѣ парламента возбуждать судебныя преслѣдованія противъ министровъ, а также о ежегодномъ вотированіи имъ бюджета. Конституціоннымъ же является государственный строй, коль скоро основнымъ закономъ опредѣлено, что законодательная власть, по крайней мѣрѣ по болѣе важнымъ областямъ права, не принадлежитъ одному лишь монарху, а исполняется при содѣйствіи народнаго представительства, коему также присвоено право, отъ имени народа, установлять подати. Эти основныя начала конституціонализма водворились во Швеціи уже въ среднихъ вѣкахъ. На нихъ, а не на идеяхъ парламентаризма, было основано то шведское государственное устройство, которое въ 1809 году было обезпечено за Финляндіей.

французское слово constitution не имѣетъ того, самаго, строго опредѣленнаго въ государственномъ правѣ, значенія, какъ русское слово конституція въ единственномъ числѣ. Но г. С., не будучи въ состояніи стушевать тотъ фактъ, что Александръ I употреблялъ этотъ „строгій терминъ“ (напр., въ манифестѣ 1816 года, и, въ русскомъ экземплярѣ Высочайше утвержденнаго церемоніала принесенія присяги 29 марта въ г. Борго, см. выше, стр. 43), теперь же счелъ удобнымъ утверждать, что онъ не имѣетъ такого значенія!

Почти невѣроятно, что вышеозначенное различіе между конституціонализмомъ, въ его болѣе простомъ видѣ, и парламентарнымъ образомъ правленія могло быть неизвѣстнымъ г-ну С. Но его тенденціямъ болѣе соотвѣтствовало выставленіе только этой послѣдней формы, чтобы тѣмъ сдѣлать правдоподобнымъ, что Александръ I не могъ, яко-бы, имѣть намѣреніе даровать конституцію Финляндіи. — „Цѣль оправдываетъ средства".*)

Чтобы окончательно и еще болѣе явственно свести счеты съ г. С. относительно его главы о конституціи, считаю необходимымъ представить слѣдующій наглядный анализъ торжественнаго манифеста Императора Александра I жителямъ Финляндіи, 15 (27) марта 1809 г. Императоръ объявилъ, что призналъ за благо утвердить и удостовѣрить:

а) „религію" страны. Это значило, что положеніе лютеранской церкви въ Финляндіи должно оставаться неизмененнымъ и что право населенія исповѣдывать это вѣроученіе должно быть уважено;

б) „коренные законы" страны. Это означало, что государственное устройство или конституція, дѣйствовавшая до того времени въ Швеціи и Финляндіи сообща, должна была — несмотря на отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи — оставаться въ силѣ въ Финляндіи, ибо вслѣдствіе утвержденія коренныхъ (=основныхъ) законовъ, и конституція, заключающаяся въ этихъ законахъ, тѣмъ самымъ была утверждена;

---

*) Что, впрочемъ, русскому правительству въ 1808 году была известна конституція Финляндіи доказывается, между прочимъ, русскою прокламаціею жителямъ Финляндіи отъ 18 (6) февраля 1808 г., въ которой сказано, что Король Швеціи въ 1788 г. „вопреки Вашей конституціи" началъ войну съ Россіей. — На самомъ дѣлѣ, въ § 48 Формы Правленія было постановлено, что Король не имѣетъ права объявлять войну безъ согласія Государственныхъ Чиновъ.

в) „права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались“. Это значило, что Императоръ утвердилъ всѣ права и преимущества, которыя были основаны на постановленіяхъ въ законахъ и къ числу которыхъ относились также политическія права всѣхъ четырехъ сословій. Если вмѣсто выраженія „по конституціямъ“ вставить соотвѣтствующее выраженіе въ манифестѣ 1855 года „по прежнимъ установленіямъ“ или употребленное въ манифестахъ 1881 и 1894 годовъ выраженіе „по установленіямъ этого края“, то содержаніе настоящаго пункта въ манифестѣ этимъ не подвергается ни малѣйшему измѣненію. Также мало вліяетъ такое измѣненіе выраженій на значеніе приведеннаго выше, подъ лит. б, главнаго пункта въ манифестѣ.

Я назвалъ п. 6 о утвержденіи основныхъ законовъ — главнымъ пунктомъ въ манифестѣ. Дѣйствительно можно сказать, что если бы въ актѣ, которымъ Императоръ Александръ I положилъ основаніе правовому положенію Финляндіи въ ея соединеніи съ Россійскою Имперіею, одни только основные законы были предметомъ утвержденія и удостовѣренія, то логическимъ послѣдствіемъ сего было бы, что и церковное устройство, сословныя привилегіи, права гражданъ, словомъ сказать, весь прежній правовой строй оставался бы въ своей силѣ. Ибо существованіе основныхъ законовъ, конституціи, составляетъ условіе для сохраненія всего прочаго дѣйствующаго въ странѣ права.

Характерно для г. Сергѣевскаго, что онъ въ своей главѣ о конституціи обращался съ помянутымъ главнымъ факторомъ, какъ съ — quantité négligeable.

V.

Основные законы.

Въ часто упоминаемомъ манифестѣ 15 (27) марта 1809 г. Императора Александра I вслѣдъ за утвержденіемъ религіи и основныхъ законовъ края, правъ и преимуществъ каждаго сословія и отдѣльныхъ лицъ слѣдуютъ слова: „обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи". По поводу этого обѣта, который повторяли преемники Александра въ даваемыхъ ими при восшествіи на престолъ удостовѣреніяхъ, г. С. выражается такъ:

„Если принять эти слова въ узко-буквальномъ смыслѣ, то, конечно, въ нихъ нельзя не видѣть извѣстнаго ограниченія Верховной Власти. Однако, останавливаясь на узко-буквальномъ смыслѣ, придется идти далѣе: придется признать абсолютную, т. е. внѣ чьей бы то ни было воли лежащую, неизмѣнность существующаго порядка, если не на вѣчныя времена, то, по крайней мѣрѣ, на время царствованія Монарха, издавшаго Манифестъ. Совершенно очевидно, что такая концепція есть нѣчто невозможное и съ теоретической и съ практической точки зрѣнія, а между тѣмъ она есть неизбѣжное послѣдствіе буквальнаго толкованія".

Если бы г. С. справился съ общепринятыми правилами толкованія правовыхъ документовъ, то онъ не на-

писалъ бы такого вздора. Упомянутое Высочайшее обѣщаніе не обозначаетъ неизмѣняемости утвержденныхъ финляндскихъ основныхъ законовъ и привилегій; оно означаетъ, что они не могутъ измѣняться Монархомъ единовластно. Монархъ, обѣщая хранить эти законы въ ихъ непреложной силѣ, тѣмъ самымъ обѣщалъ хранить и тѣ постановленія въ нихъ, коими опредѣляется порядокъ измѣненія основнаго закона, прочихъ законовъ или привилегій, — а именно §§ 40 и 52 Формы Правленія 1772 г.; по этимъ параграфамъ для такого измѣненія требуется согласіе Земскихъ Чиновъ. Это является не однимъ лишь „теоретическимъ“ толкованіемъ; съ 1863 г. неоднократно происходили измѣненія основныхъ законовъ и сословныхъ привилегій, не говоря уже о прочихъ реформахъ законовъ, и вплоть до 1899 г. всегда въ установленномъ порядкѣ — съ вѣдома и съ согласія Земскихъ Чиновъ.

Въ этомъ-то обстоятельствѣ, т. е. въ томъ, что Монархъ не имѣетъ права единовластно, по своему усмотрѣнію, измѣнять утвержденные въ 1809 г. законы, заключается на самомъ дѣлѣ ограниченіе Монаршей власти, и отъ этого нельзя отдѣляться попыткой г. Сергѣевскаго истолковать Высочайшія обѣщанія in absurdum.

Такъ какъ г. С. хочетъ вызвать впечатлѣніе, что обязательная сила Монаршаго обѣта о ненарушимости основныхъ законовъ распространяется, быть-можетъ, лишь на время царствованія каждаго монарха въ отдѣльности и такъ какъ онъ, повидимому, придаетъ удостовѣреніямъ, даннымъ преемниками Александра I, совершенно такое же значеніе, какъ манифесту 15 (27) марта 1809 г., то здѣсь умѣстно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Дѣйствительность основныхъ законовъ не ограничена во времени, они не лишаются своей силы вслѣдствіе смерти монарха, такъ какъ отмѣна или измѣненіе ихъ можетъ состояться

лишь посредствомъ особаго законодательнаго акта, одобреннаго, по предложенію монарха, Земскими Чинами, и вслѣдъ за тѣмъ, согласно рѣшенію Земскихъ Чиновъ, санкціонированнаго монархомъ. Вслѣдствіе даннаго Александромъ I въ манифестѣ 1809 г. утвержденія прежніе основные законы получили эту незыблемую силу, его утвержденіе имѣло такое же значеніе, какъ санкція законодательнаго акта. Онъ могъ съ полнымъ основаніемъ сказать что онъ „довольно удостовѣрилъ на всегдашнія времена" данное имъ „обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ". (См. манифестъ 1816 г., стр. 53.) Его манифестъ 15 (27) марта 1809 г. имѣетъ для государственнаго права Финляндіи учредительное, рѣшающее значеніе. Иначе дѣло обстоитъ съ удостовѣреніями, данными его преемниками: послѣднія имѣютъ свое важное этическиполитическое значеніе, преподнося народу обѣщаніе новаго монарха, при вступленіи его въ управленіе, о сохраненіи, и съ его стороны, дѣйствующихъ государственныхъ установленій; но они не заключали въ себѣ правового условія продолжающейся дѣйствительности основныхъ законовъ. Если бы одинъ изъ послѣдующихъ Государей не далъ подобнаго удостовѣренія, то такое отступленіе отъ традиціоннаго порядка могло бы вызвать въ народѣ опасенія относительно его характера и образа мыслей, не освобождая его, однако, отъ обязанности въ управленіи Финляндіей руководиться финляндскими законами. Аналогичный съ юридической точки зрѣнія случай представляетъ собой присяга ва вѣрноподданничество: бываетъ по различнымъ причинамъ, что множество гражданъ лишено возможности принять участіе въ принесеніи присяги новому монарху; но ихъ долгъ вѣрности и повиновенія по отношенію къ монарху и законамъ, несмотря на это, не подлежитъ сомненію и неоспоримъ.

Г. С. продолжаетъ: „При этомъ нельзя не замѣтить, что даже существеннѣйшій вопросъ о формальной сторонѣ дѣла — о порядкѣ отмѣны старыхъ законовъ и изданія новыхъ — не былъ выясненъ вплоть до Сеймоваго Устава 1869 г.; въ теченіи болѣе пятидесяти лѣтъ законы для Финляндіи издавались и измѣнялись Верховною Властью безъ всякаго стѣсненія съ точки зрѣнія обѣщанія о ихъ ненарушимости и притомъ безъ участія Сейма, который за все время царствованія Императора Николая I даже и не собирался".

Все это, за исключеніемъ послѣднихъ словъ, невѣрно. Порядокъ изданія или отмѣны законовъ существовалъ и до 1869 г.; — неопредѣленнымъ являлся лишь вопросъ, было-ли единогласное рѣшеніе трехъ сословій достаточно для наличности дѣйствительнаго сеймоваго рѣшенія и по вопросамъ объ основныхъ законахъ, — какъ и по прочимъ законодательнымъ дѣламъ, — или же требовалось по вопросамъ объ основныхъ законахъ согласіе всѣхъ четырехъ сословій. Такъ какъ на практикѣ придерживались послѣдняго мнѣнія, то эта неопредѣленность не представляла въ правовомъ отношеніи никакой опасности. Интенсивная законодательная работа на сеймахъ 1863—64 гг. и 1867 г. происходила въ отличномъ порядкѣ съ соблюденіемъ установленій XVII и XVIII столѣтій. Я уже выше указывалъ, какъ обстояло дѣло относительно исполненія законодательной власти въ длинный пятидесятилѣтній періодъ времени, за который не собирался сеймъ; я упоминалъ о томъ, что монархъ по финляндской конституціи имѣетъ право безъ участія Земскихъ Чиновъ издавать законы по вопросамъ, касающимся т. н. общественнаго хозяйства и государственнаго управленія, и что постановленія этого времени, за немногочисленными изъятіями, касались лишь вопросовъ означеннаго рода. Сославшись на мой обзоръ (стр. 62—68) свѣдѣній о соблюденіи основныхъ законовъ

въ царствованіе императора Александра I, я долженъ здѣсь привести тѣ относящіеся къ царствованію императора Николая I факты, которые доказываютъ, насколько правъ г. Сергѣевскій въ своемъ общемъ утвержденіи, будто Верховная власть тогда не считала себя связанной обѣтомъ о соблюденіи основныхъ законовъ Финляндіи. Отступленія отъ правильнаго порядка законодательства имѣли мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ.

14-го августа 1827 г. было издано постановленіе, по которому лица грекороссійскаго исповѣданія, пріобрѣвшія уже право гражданства въ Великомъ Княжествѣ, или впредь его пріобрѣтающія, допускались на финляндскую гражданскую или военную службу и могли, соразмѣрно способностямъ и заслугамъ, получать повышеніе по службѣ, подъ условіемъ выполненія предписанныхъ законами страны требованій компетентности для занятія данной должности.

Государь не упустилъ изъ виду, что это постановленіе, измѣнявшее § 1 Формы Правленія 1772 г., требовало согласія сейма. Поэтому въ введеніи къ постановленію излагались тѣ вѣскія причины, а именно, требованія истинной терпимости и несправедливость устраненія отъ государственныхъ должностей финляндскихъ гражданъ одного и того же вѣроисповѣданія съ самимъ Монархомъ, которыя побудили Государя издать постановленіе по этому вопросу, въ виду того, „что обстоятельства и попеченія Наши по прочимъ частямъ управленія не дозволяютъ Намъ нынѣ созвать Земскихъ Чиновъ Великаго Княжества“. . .

Въ объявленіи отъ 21 мая 1830 г., касающемся основанія въ Финляндіи Морского корпуса подъ названіемъ Перваго Финляндскаго Морскаго Экипажа, пунктъ 2-ой гласитъ такъ: Хотя Его Императорскому Величеству угодно, чтобы офицеры финскаго морскаго экипажа впредь состояли изъ финляндскихъ уроженцевъ,

но какъ при первомъ составленіи экипажа необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ командиръ и большая часть офицеровъ имѣли опытность и способности по морской службѣ, потребныя какъ для образованія нижнихъ чиновъ, такъ и устройства экипажа, а достаточнаго числа морскихъ офицеровъ финской націи не имѣется, то тотчасъ въ началѣ устройства экипажа, какъ командира такъ и по меньшей мѣрѣ третью часть офицеровъ, или сколько потребуется ихъ для пополненія комплекта, избрать изъ способныхъ офицеровъ россійскаго флота, преимущественно филяндцевъ и такихъ, кои по долговременному служенію въ финляндскихъ портахъ ознакомились съ языкомъ того края.

Приведенное постановленіе заключаетъ въ себѣ отступленіе отъ опредѣленія основнаго закона относительно допущенія на финляндскую государственную службу лишь финляндскихъ гражданъ. Но это отступленіе было лишь временнымъ, не имѣя въ виду ввести измѣненіе закона на будущее время.

Въ противоположность этому, постоянное отступленіе отъ дѣйствующаго права предписалось уставомъ финляндскаго кадетскаго корпуса 26 января 1831 г., по которому это финляндское учрежденіе объявлялось подчиненнымъ начальнику русскаго Главнаго штаба (по позднѣйшему уставу 1850 г., главному управленію военныхъ учебныхъ заведеній въ Имперіи). Это отступленіе объясняется тѣмъ, что уже съ самаго 1809 г., въ видѣ слѣдствія соединенія Финляндіи съ Россіей, русское военное министерство признавалось, какъ бы, органомъ Государя и въ Финляндіи по дѣламъ государственной обороны, по аналогіи съ компетенціей министерства иностранныхъ дѣлъ по международнымъ вопросамъ касающимся Финляндіи. Боргоскій сеймъ ничего не возражалъ противъ исключенія изъ компетенціи милиціонной экспедиціи Правительствующаго Совѣта

чисто военныхъ, т. н. строевыхъ дѣлъ. Согласно съ этимъ, и при введеніи воинской повинности по закону 1878 г. было постановлено о компетенціи военнаго министра по отношенію къ финскимъ войскамъ.

Вопросъ объ упрощеніи основаній для исчисленія и уплаты поземельнаго окладнаго оброка (важнѣйшая часть поземельнаго налога, выраженная при старинныхъ распредѣленіяхъ податей во множествѣ продуктовъ или т. н. статей) обсуждался уже на сеймѣ въ Борго 1809 г. Однако, составленный тогда проектъ не удостоился Высочайшаго утвержденія. Практическое значеніе этого вопроса побудило Сенатъ составить новый проектъ, и 28 марта (9 апрѣля) 1840 г. былъ изданъ манифестъ относительно обращенія статей оброка. Такъ какъ при этомъ не имѣлось въ виду повышеніе поземельнаго налога, а лишь упрощеніе старинныхъ опредѣленій, и въ виду того, что оброчные, коимъ предоставлялась возможность высказаться о проектѣ, не заявляли замѣчаній противъ него, Сенатъ, повидимому, держался мнѣнія, что это мѣропріятіе не заключалъ въ себѣ превышенія правъ правительственной власти. Таковая точка зрѣнія была, однако, сомнительна, и послѣ созыва вновь сейма въ 1863 г., это дѣло было окончательно урегулировано при содѣйствіи Земскихъ Чиновъ.

8 сентября 1842 г. было издано постановленіе о пошлинѣ съ гербовыхъ бумагъ, при чемъ этотъ налогъ былъ повышенъ безъ согласія сейма. Это отступленіе отъ основного закона — до нѣкоторой степени объяснимое исторіей гербоваго сбора — было устранено лишь посредствомъ правительственнаго предложенія сейму 1863 г.

Постановленіемъ 15 мая 1848 г. изданнымъ, кажется, по представленію Сената, объявлена отмѣна сажанія въ колодки и опредѣлено, какое должно, вмѣсто этого,

примѣняться другое упомянутое въ законѣ менѣе позорное наказаніе*).

Въ прочихъ постановленіяхъ относящихся къ этому тридцатилѣтнему царствованію, не встрѣчается какого-либо измѣненія закона, изданнаго совмѣстно Монархомъ и Земскими Чинами, или какихъ-либо повелѣній, касающихся такихъ предметовъ, по которымъ законодательство должно состояться лишь при соучастіи Земскихъ Чиновъ. Правда, изслѣдованіе экономическимъ и административнымъ законодательнымъ правомъ достигло крайнихъ предѣловъ, и можетъ даже возникнуть вопросъ о томъ, не были ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ переступлены эти предѣли. Здѣсь имѣются въ виду постановленія 18 марта 1829 г. противъ пьянства и 15 іюля 1834 г. относительно отвѣтственности за невозвращеніе къ опредѣленному сроку финляндскихъ подданныхъ, получившихъ паспортъ для проѣзда за границу; въ этихъ постановленіяхъ опредѣляется болѣе строгая отвѣтственность, чѣмъ теперь считается возможнымъ назначать административнымъ путемъ; также въ межевомъ уставѣ 15 мая 1848 г. часть постановленій должна была бы, по болѣе строгому толкованію, разсматривать-

---

*) Для полноты слѣдуетъ здѣсь прибавить, что постановленіе 25 ноября 1826 г., о природѣ пожалованныхъ имѣній Выборгской губерніи, заключало въ себѣ опредѣленія, послѣдствіемъ которыхъ было, что часть крестьянъ, жившихъ на нѣкоторыхъ пожалованныхъ имѣніяхъ, лишались права собственности на возделанные ими гемманы. При регулированіи относящихся сюда вопросовъ было больше обращено вниманія на интересы владѣльцевъ пожалованныхъ земель, нежели на право, которое, строго говоря, должно было бы примѣняться послѣ присоединенія Выборгской губерніи къ остальной Финляндіи. Такимъ образомъ возникла нѣкоторая неопредѣленность въ правовыхъ отношеніяхъ части пожалованныхъ имѣній, которая была устранена лишь посредствомъ выкупа финляндскимъ государствомъ пожалованныхъ имѣній послѣ ассигнованія сеймомъ 1867 г. средствъ для этой цѣли.

ся, какъ сеймовое дѣло. Но при оцѣнкѣ этихъ вопросовъ слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: предѣлы законодательной компетенціи не опредѣлены, да и не могутъ быть точно опредѣлены, для каждаго отдѣльнаго рода встрѣчающихся вопросовъ; государственно-правовая практика въ Швеціи не только второй половины XVIII столѣтія, но и значительной части XIX столѣтія не была вполнѣ послѣдовательна, подавая, такимъ образомъ, примѣры расширеннаго примѣненія административнаго законодательнаго права Монарха; наконецъ, только что упомянутыя постановленія изданы по представленію Сената, не находившаго въ нихъ превышенія прерогативъ правительственной власти.

При объективномъ обсужденіи значенія вышеприведенныхъ фактовъ съ точки зрѣнія вопроса о томъ, насколько законодательная власть въ царствованіе Императора Николая I исполнялась при соблюденіи основныхъ законовъ невозможно согласиться съ утвержденіемъ г. Сергѣевскаго, что Верховная власть за это время безъ всякаго стѣсненія издавала и измѣняла законы. Наоборотъ, непремѣнно должно прійти къ тому заключенію, что Государь признавалъ ограниченіе своей законодательной власти въ Финляндіи основными законами и что онъ желалъ уважать, да фактически и уважалъ права Земскихъ Чиновъ.

Этотъ выводъ подтверждается и слѣдующимъ знаменательнымъ эпизодомъ.

Высочайшимъ рескриптомъ 29 мая (10 іюня) 1835 г. Государь повелѣлъ назначеніе коммиссіи для составленія „систематическаго свода, заключащаго подъ различными отдѣлами, по свойству предметовъ, всѣ тѣ постановленія относительно судопроизводства и гражданской администраціи Финляндіи, которыя нынѣ дѣйствуютъ въ краѣ, каковой сводъ, послѣ надлежащаго разсмо-

трѣнія, могъ бы быть утвержденъ къ общему руководству, съ тѣми добавленіями, которыя въ послѣдствіи могутъ быть вызваны издаваемыми послѣ сего постановленіями"*).

Когда эта Коммиссія Законовъ заявила въ 1842 г., что ея труды настолько подвинулись впередъ, что могъ начаться пересмотръ ихъ, Государь поручилъ назначенному съ этой цѣлью Комитету для ревизіи законовъ произвести этотъ пересмотръ, согласно Высочайшей инструкціи.

Ревизіонный комитетъ вошелъ въ октябрѣ 1843 г. къ Его Императорскому Величеству съ обстоятельной критической оцѣнкой, полученнаго имъ отъ Коммиссіи Законовъ проекта кодифицированнаго гражданскаго уложенія. Въ докладѣ комитета, кромѣ множества замѣчаній относительно подробностей, указывалась слѣдующая вредная и нецѣлесообразная сторона образа дѣйствій Коммиссіи: съ отступленіемъ отъ того порядка, на которомъ построенъ общій законъ 1734 г., было проведено раздѣленіе и группировка его постановленій по теоретической системѣ, которая въ формальномъ отношеніи совершенно передѣлала бы древнее уложеніе, возникшее на народной почвѣ и извѣстное самому народу. Какъ комитетъ, такъ и два законовѣда, заключенія которыхъ были приложены къ представленію комитета, сославшись на удостовѣренія, данныя Монархами финскому народу, относительно сохраненія въ ненарушимой силѣ закона согласно дѣйствующей въ краѣ Формѣ Правленія, подчеркивали при этомъ, что законъ 1734 г. не можетъ быть даже и въ формальномъ отношеніи измѣняемъ безъ согласія Земскихъ Чиновъ. Комитетъ ходатайствовалъ, поэтому, о воспослѣдованіи повелѣнія Коммиссіи такъ переработать свой проектъ, чтобы законъ 1734 г.

*) Переводъ.

„остался ненарушимымъ, какъ особое цѣлое само по себѣ“ и чтобы былъ составленъ основанный на системѣ этого закона сводъ лишь тѣхъ постановленій, которыя измѣняютъ или поясняютъ положенія въ упомянутомъ законѣ.

Прошло много времени, пока это дѣло поступило на окончательное рѣшеніе Государя. 10 (22) января 1847 г. въ отношеніи Статсъ-секретаріата генералъ-губернатору была объявлена новая инструкція Его Величества Коммиссіи законовъ. Эта инструкція была составлена въ полномъ соотвѣтствіи съ принципами, приведенными въ вышеизложенномъ ходатайствѣ Ревизіоннаго комитета: Законъ 1734 г. долженъ быть оставленъ неизмѣннымъ, а также и въ сводѣ спеціальныхъ установленій должно дѣлать никакихъ дополненій или измѣненій*).

Этимъ Императоръ Николай I несомнѣнно доказалъ, что онъ, освѣдомленный о законныхъ предѣлахъ своей власти въ финляндскомъ законодательствѣ, не желалъ преступать эти предѣлы.

Отъ цитированныхъ на стр. 81 утвержденій, опровергнутыхъ теперь мною, г. С. приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Очевидно, что въ дѣйствительности содержаніе манифестовъ (удостовѣреній Александра I и его преемниковъ) сводится къ обѣщанію не нарушать законовъ распоряженіями и мѣропріятіями по управленію и не отмѣнять ихъ дѣйствія во вредъ интересамъ

*) Кодификація, которая согласно съ этимъ была выработана и въ 50-хъ годахъ напечатана, никогда не подвергалась окончательному пересмотру и не имѣла никакого оффиціальнаго значенія. Наступило новое время, когда заботы обратились на производительныя законодательныя реформы при участіи сейма. По сравненію съ ними формальное сопоставленіе старинныхъ постановленій должно было казаться дѣломъ не особенно важнымъ.

населенія; другими словами — не распоряжаться такъ, какъ могутъ распоряжаться и очень часто распоряжаются завоеватели".

На это слѣдуетъ возразить, что лишь Императоръ Александръ I былъ завоевателемъ Финляндіи и могъ дѣйствовать по праву, которое въ международномъ правѣ именуется „правомъ завоевателя". Его манифестъ 15 (27) марта 1809 г., дѣйствительно, начинается словами: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндскаго". Въ манифестахъ или удостовѣреніяхъ же всѣхъ его преемниковъ при восшествіи на престолъ эти напечатанныя курсивомъ слова замѣнены слѣдующими: „вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великаго Княжества Финляндскаго". Г. С. долженъ былъ бы знать, что наслѣдственное право не является тождественнымъ съ правомъ, которымъ можетъ пользоваться завоеватель. Онъ долженъ былъ бы также знать, что право завоевателя не есть постоянное, неограниченное временемъ право: оно находитъ себѣ примѣненіе лишь въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыми, по прекращеніи войны, установляется будущее правовое положеніе завоеванной страны. Послѣ совершенія сего, основанное такимъ образомъ право, а не право завоеванія, является нормой, обязательной не только для завоеванной страны, но и для новаго монарха и его преемниковъ. Императоръ Александръ I не объявилъ, что онъ намѣренъ соблюдать прежніе финляндскіе законы, насколько онъ находитъ ихъ полезными для народа: онъ обѣщалъ безъ всякой оговорки сохранять эти законы въ полной ихъ силѣ, самъ подлинно объявляя, что онъ утвердилъ также политическіе законы; а это онъ сдѣлалъ, хотя они и заключаютъ въ себѣ ограниченіе власти монарха. Послѣ того какъ онъ торжественно далъ финскому народу этотъ обѣтъ, а народные представители, принявъ его удостовѣреніе въ Боргоскомъ соборѣ,

чествовали его, какъ Великаго Князя Финляндскаго, причемъ и они, въ свою очередь, обѣщали неизмѣнно сохранять конституцію края, право завоевателя прекратилось для него; съ этого момента онъ былъ конституціоннымъ монархомъ Финляндіи.

Вслѣдъ за этимъ г. С. старается въ длинномъ толкованіи прійти къ умозаключенію, будто употребленный въ удостовѣреніяхъ монарховъ терминъ „коренные законы", замѣненный впослѣдствіи терминомъ „основные законы", не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія, будто по этому вопросу господствуетъ полное разногласіе, выразившееся и въ конференціи подъ предсѣдательствомъ Бунге, будто даже Сеймовый Уставъ 1869 г. не опредѣлилъ этого понятія, и наконецъ, что терминъ „коренные законы" должно понимать на почвѣ того русскаго словоупотребленія, которое господствовало во время изданія манифестовъ Императора Александра I; при этомъ мы, якобы, находимъ, что этотъ терминъ не имѣлъ никакого строго опредѣленнаго юридическаго значенія, а былъ простымъ житейскимъ оборотомъ рѣчи, обозначившимъ важность или древность происхожденія закона, и что вотъ почему до сихъ поръ никому не удалось, да и впредь, вѣроятно, не удастся съ точностью опредѣлить, какіе именно изъ старыхъ шведскихъ законовъ разумѣлись въ манифестахъ Императора Александра I подъ названіемъ „коренныхъ".

Авторъ и въ этомъ объясненіи не доказалъ ничего другого, кромѣ своего чрезвычайнаго желанія разрушить основаніе финляндскаго государственнаго права. Какъ русскіе государственные акты, такъ и русскіе словари, относящіеся къ концу XVIII и началу XIX столѣтія, свидѣтельствуютъ, что выраженіе „коренные законы" въ то время употреблялось для обозначенія законовъ о государственныхъ организаціяхъ. Впослѣдствіи вмѣсто него стало употребляться выраженіе

„основные законы". Впрочемъ, вполнѣ естественно, что въ русскомъ языкѣ не могло быть особаго оффиціальнаго термина для обозначенія конституціонныхъ основныхъ законовъ. Какое-либо сомнѣніе относительно того смысла, въ какомъ употребленъ терминъ „коренные законы" въ манифестѣ 15 (27) марта 1809 г., тѣмъ менѣе можетъ возникнуть въ тѣхъ, кто желаетъ правильно понять этотъ источникъ права, въ виду того, что Императоръ Александръ I самъ по французски передалъ упомянутый терминъ выраженіемъ „lois fondamentales". Въ своемъ манифестѣ 23 марта (4 апрѣля) 1809 г. къ жителямъ Финляндіи Государь говоритъ: „Соединивъ сословія Финляндіи на общемъ сеймѣ и принявъ ихъ присягу вѣрности, мы пожелали при этомъ случаѣ торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи, въ святилищѣ Всевышняго подтвердить и удостовѣрить сохраненіе религіи, основныхъ законовъ" (lois fondamentales) и т. д. Въ своихъ рѣчахъ къ Земскимъ Чинамъ и въ другихъ актахъ Государь употреблялъ термины „lois fondamentales", „constitution" и „lois politiques" въ качествѣ синонимовъ; это еще болѣе доказываетъ, что онъ подразумѣвалъ подъ „коренными законами". Шведскій и финскій тексты его удостовѣренія вполнѣ правильны, когда въ нихъ это выраженіе передается словами „grundlagar, perustuslait".

Слѣдуетъ добавить, что выше цитированныя заключительныя слова въ этой главѣ г. Сергѣевскаго относительно невозможности, якобы, опредѣлить, что Александръ I разумѣлъ подъ названіемъ „коренные законы", совершенно не выдерживаетъ критики, даже если бы г. С. и былъ правъ въ своей посылкѣ, гдѣ онъ говоритъ, что это выраженіе употреблялось для обозначенія вообще важныхъ, старыхъ законовъ. Если предположить, что Государь употребилъ терминъ „коренные" въ столь широкомъ смыслѣ, то было бы немыслимо, что онъ все-таки желалъ изъ утвержденія исклю-

чить именно „les lois fondamentales“, которые, безспорно, отличались важностью и древностью происхожденія и утвержденіе которыхъ онъ особенно отчетливо выставлялъ какъ основаніе политическаго существованія финской націи.

Я предоставляю читателю самому судить, насколько можно считать способъ доказательствъ г. Сергѣевскаго честнымъ и безпристрастнымъ.

VI.

Сеймовый Уставъ.

Авторъ намекнулъ уже въ предыдущей главѣ, будто Сеймовый Уставъ 1869 г. вводитъ спеціальное понятіе основного закона. Повторяя это и добавляя, что самый Сеймовый Уставъ признается тоже основнымъ закономъ, онъ говоритъ здѣсь:

„Понятіе основнаго закона опредѣляется въ § 71 посредствомъ формальнаго признака, а именно: основнымъ закономъ называется такой законъ, котораго „изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна можетъ послѣдовать не иначе какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій".

Г. С. изволилъ неправильно передать § 71 Сеймового Устава. Въ немъ вовсе не говорится: основнымъ закономъ называется такой законъ и т. д. Тамъ только сказано: изданіе, измѣненіе . . . . основнаго закона и т. д. Сеймовый Уставъ не ввелъ понятіе основнаго закона, не опредѣлилъ, да и не долженъ былъ опредѣлить этого понятія, такъ какъ до изданія Сеймоваго Устава было уже вполнѣ извѣстно, какіе законы Финляндіи принадлежали тогда къ категоріи основныхъ законовъ. Сеймовый Уставъ лишь опредѣлилъ, какой порядокъ долженъ соблюдаться при изданіи, измѣненіи и т. д. основнаго закона.

Авторъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „Ближайшее разсмотрѣніе формулъ Сеймоваго Устава не приводитъ однако къ сколько-нибудь яснымъ и отчетливымъ выводамъ. Прежде всего нельзя не видѣть, что это понятіе „основнаго" закона есть совершенно новое, котораго до 1869 года не было и не могло быть за отсутствіемъ въ законахъ опредѣленія подобнаго § 71 Сеймоваго Устава. Затѣмъ, самое правило § 71, устанавливающее повидимому строго-формальный признакъ основнаго закона, въ дѣйствительности, оказывается далеко неточнымъ. Такъ нельзя не обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: по буквальному смыслу § 71 изданіе основнаго закона можетъ послѣдовать лишь съ согласія всѣхъ сословій; между тѣмъ, самъ Сеймовый Уставъ признанъ основнымъ закономъ не только въ текстѣ статей, выработанныхъ и одобренныхъ на Сеймѣ, но сверхъ того и въ заключительной формулѣ, присоединенной къ Уставу послѣ подписей представителей сословій и, слѣдовательно, не бывшей на разсмотрѣніи Сейма. Такимъ образомъ, должно придти къ выводу, что для признанія Сеймоваго Устава основнымъ закономъ недостаточно было соблюденія порядка, указаннаго въ § 71, т. е. простаго утвержденія устава, а требовалось еще особое выраженіе непосредственной личной воли Императора. Далѣе, въ послѣдней части того же § 71, по весьма важному вопросу о сословныхъ привилегіяхъ, сдѣлана ссылка на „Форму Правленія". Какая эта „Форма Правленія"? Каково ея отношеніе къ основнымъ законамъ? — Отвѣта на эти вопросы текстъ Сеймоваго Устава не даетъ. Между тѣмъ это не есть Форма Правленія 1772 года, такъ какъ въ ней соотвѣтствующихъ правилъ не заключается".

Если бы г. С. потрудился перечитать основные законы или конституціи другихъ странъ, то онъ нигдѣ не нашелъ бы постановленія, опредѣляющаго, что слѣ-

дуетъ понимать подъ основнымъ закономъ или конституціей; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ, разумѣется, встрѣтилъ бы установленіе особой процедуры для изданія или измѣненія основнаго закона. Они носятъ, въ видѣ заглавія, названіе конституціи или основнаго закона или конституціонной хартыили формы правленія и т. п. обозначенія, которыя немедленно освѣдомляютъ о свойствѣ настоящаго закона даже если въ текстѣ, какъ это иногда бываетъ, и не сказано особо, что этотъ законъ — основной законъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ существуетъ одинъ лишь основный законъ, въ другихъ же странахъ относящаяся сюда правовая область распредѣлена на болѣе нежели одинъ законъ. Въ образцовой странѣ конституціонной системы, въ Англіи, никогда не состоялось изданіе всеобъемлющаго основнаго закона послѣ неудавшейся попытки Кромвеля въ 1653 г. придать силу закона „Instrument of Government"; конституціонныя постановленія разсѣяны въ средневѣковыхъ актахъ, въ парламентскихъ рѣшеніяхъ, въ принятыхъ въ силу обычая правилахъ, а также въ избирательныхъ законахъ новаго времени и, тѣмъ не менѣе, англійское государственное право не является шаткимъ, или двусмысленнымъ. Франція, конституція 1791 г. которой въ формальномъ отношеніи послужила образцемъ государственнаго устройства для столь многихъ европейскихъ странъ и которая въ другихъ правовыхъ областяхъ создала образцовыя кодификаціи, не имѣетъ по настоящее время единичнаго кодифицированнаго основнаго закона а нѣсколько конституціонныхъ законовъ, изъ которыхъ позднѣйшіе измѣнили и дополнили первоначальный законъ.

Опредѣленіе легислативныхъ понятій является вообще задачей правовѣдѣнія, а не законодательства. Всѣ конституціи представляютъ извѣстныя черты сходства, на которыхъ общее государственное право основываетъ свое теоретическое изложеніе типичныхъ свойствъ кон-

ституціонной системы. На-ряду съ послѣдними встрѣчаются различія и спеціальные признаки, въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ конституція покоится на древней исторической основѣ а не была создана внезапно по иностраннымъ образцамъ.

Объ основныхъ законахъ Финляндіи не слѣдуетъ судить, руководствуясь государственнымъ устройствомъ Бельгіи или какой-либо другой новой конституціей. Для того чтобы правильно понять ихъ, требуются познанія по исторіи шведско-финляндскаго права. Но и для менѣе знакомаго съ этимъ вопросомъ не встрѣчается никакой трудности узнать, какіе законы Финляндіи являются основными и что въ финляндскомъ государственномъ правѣ характеризуетъ эту область права. Для подтвержденія сказаннаго служатъ слѣдующія замѣтки.

Въ введеніи къ Формѣ Правленія 1772 г. она объявляется „ненарушимымъ и священнымъ основнымъ закономъ“*). Синонимъ этого выраженія „fundamental-lag“ употребленъ въ королевскомъ утвержденіи Формы Правленія.

Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. имѣетъ уже потому значеніе основнаго закона, что его постановленія заключаютъ въ себѣ измѣненіе части постановленій Формы Правленія, а, кромѣ того, онъ опредѣленно утвержденъ для дѣйствія въ качествѣ основнаго закона.

Здѣсь нѣтъ надобности перечислять древнихъ основныхъ законовъ, касающихся организаціи риксдага (= сейма), такъ какъ они отмѣнены и замѣнены Сеймовымъ Уставомъ 1869 г.

Спеціальные законы со свойствомъ основнаго закона были, кромѣ того, слѣдующіе:

*) Въ русскомъ переводѣ Формы Правленія 1772 г., который г. С. приводитъ въ приложеніи къ своей брошюрѣ, вышецитированныя слова переданы неточно выраженіемъ „непремѣный законъ“ = „oföränderlig lag“.

Постановленіе 21 февраля 1789 г. о выкупѣ казенныхъ гейматовъ въ податные и о льготахъ и условіяхъ владѣнія податными гейматами. Относительно этого постановленія объявлено въ послѣднемъ пунктѣ третьяго параграфа Акта Соединенія и Безопасности 1789 г., что его опредѣленія имѣютъ „такую же силу, какъ если бы оно было внесено сюда". Упомянутое постановленіе составляетъ, такимъ образомъ, то, что въ теоріи можно было бы назвать „appendix" основнаго закона. Постановленіе 2 апрѣля 1864 г., измѣнившее третій пунктъ Акта Соед. и Безоп. 1789 г. и 27-й пунктъ привилегій дворянства, предоставляетъ не только дворянамъ, но и всѣмъ финляндскимъ гражданамъ безъ различія сословій и общественныхъ классовъ права пріобрѣтенія также дворянскихъ усадебныхъ имѣній.

Изъ законовъ, изданныхъ послѣ 1869 г., слѣдуетъ упомянуть:

Важнѣйшія положенія Устава о воинской повинности 1878 г. (§§ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 13, 19, 20, 120, 121, 122 и 123), о которыхъ въ манифестѣ 6/18 декабря 1878 г. объявлено, что они должны считаться основными законоположеніями;

Манифестъ 8/20 марта 1879 г., о расширеніи избирательнаго права въ городское сословіе, съ измѣненіемъ § 12 Сеймоваго Устава 1869 г.;

Манифестъ 13/25 іюня 1886 г. о предоставленіи Земскимъ Чинамъ права моціи, причемъ, ст. отмѣною параграфа 6 Акта С. и Б. 1789 г., измѣненъ текстъ §§ 51 и 52 Сеймоваго Устава 1869 г.;

Постановленіе 11 ноября 1889 г. о правѣ финляндскихъ гражданъ другого христіанскаго исповѣданія нежели евангелическо-лютеранскаго, занимать государственныя должности и служебныя мѣста въ краѣ; въ послѣднемъ его параграфѣ говорится: „Это постановленіе должно имѣть силу основнаго закона".

Когда лежащій нетронутымъ въ С.-Петербургѣ съ 1891 г. проектъ кодификаціи положеній Формы Правленія 1772 г. и Акта Соед. и Безоп. 1789 г. будетъ окончательно разсмотрѣнъ, то вмѣстѣ съ этимъ не могутъ не поднимать и нерѣшеннаго до сихъ поръ точнымъ закономъ вопроса о томъ, какія изъ важнѣйшихъ положеній организаціи Сената принадлежатъ по праву къ области основныхъ законовъ.

Откровеніе г. С., будто совершенно невыясненно, что въ Финляндіи должно подразумѣваться подъ основнымъ закономъ, зависитъ, какъ видно изъ вышесказаннаго, отнюдь не отъ какого-либо несовершенства финляндскихъ правовыхъ источниковъ; — оно, очевидно, проистекаетъ отъ предвзятаго намѣренія автора, либо отрицать существованіе основныхъ законовъ Финляндіи, либо, гдѣ это было невозможно, набросить на нихъ покровъ туманности.

По поводу курьезнаго комментированія авторомъ заключительной формулы въ С. У. 1869 г. достаточно напомнить, что подписи ландмаршала и тальмановъ лишь подтверждали принятіе Земскими Чинами этого закона; но чтобы быть законченнымъ, данный законодательный актъ, подобно всякому другому, долженъ былъ получить санкцію Государя и Великаго Князя. § 71 С. У. не заключаетъ опредѣленія о санкціи или утвержденіи, такъ какъ необходимость сего — для того, чтобы законъ вошелъ въ силу —, ясна уже изъ §§ 40—42 Ф. Пр. 1772 г. Утвержденіе Александромъ II С. Устава, впрочемъ, въ формальномъ отношеніи аналогично съ начертанными королемъ Густавомъ III утвержденіями Формы Пр. 1772 г. и Акта С. и Б. 1789 г. Я повторю здѣсь то, на что я уже по другому поводу указывалъ выше, а именно: § 71 С. У. не давалъ Земскимъ Чинамъ какого-либо новаго правамочія, а лишь ближе опредѣляетъ порядокъ, который необходимъ для наличности сеймового рѣшенія по вопросамъ объ основныхъ законахъ.

Вопросы автора въ концѣ цитированнаго мѣста являются вполнѣ излишними, а собственный его отвѣтъ на нихъ совершенно неправиленъ. Когда въ послѣднемъ пунктѣ § 71 С. У. говорится о Формѣ Правленія, то подъ этимъ само собой не можетъ подразумѣваться ничто иное, какъ Форма Правленія 1772 г., такъ какъ никакой другой не существовало. Въ § 52 Ф. П. 1772 г. сказано, что никакія новыя привилегіи не должны дароваться какому-либо сословію безъ вѣдома и согласія всѣхъ четырехъ сословій; это, стало быть, какъ разъ то „соотвѣтствующее правило", существованіе коего въ Ф. П. г. С. отрицаетъ.

Упорный въ своей тенденціи, г. С. продолжаетъ свои старанія вселить въ читателей представленіе, что С. У. 1869 г. — сплошная неясность. Онъ полагаетъ, что если § 71 С. У. не опредѣлилъ понятія основного закона, то онъ долженъ бы, по крайней мѣрѣ, перечислить основные законы. Это дѣйствительно, было бы весьма легко. Но, быть можетъ, и г. С. согласится съ тѣмъ, что это перечисленіе не могло бы обнять тѣ законы, имѣющіе свойства основного закона, изданіе которыхъ воспослѣдуетъ послѣ 1869 г.; а потому это перечисленіе могло бы имѣть лишь временное значеніе.

Г. С. говоритъ далѣе, что „при внимательномъ сопоставленіи отдѣльныхъ мѣстъ между собою", у него получаются „новыя, неожиданныя недоразумѣнія. Такъ, напримѣръ, прямой смыслъ §§ 34 и 35 даетъ возможность заключить, что основными законами признаются всѣ бывшіе на разсмотрѣніи сейма, за исключеніемъ вошедшихъ въ общее гражданское, уголовное, церковное и морское уложенія, а также законовъ народнаго хозяйства."

При менѣе поверхностномъ сопоставленіи отдѣльныхъ мѣстъ такой выводъ невозможенъ. §§ 34 и 35 опредѣляютъ, какого рода дѣла должны подготовляться коммиссіей законовъ и хозяйственной коммиссіей. Когда

въ § 34 говорится, что коммиссія законовъ должна давать заключенія по вопросамъ о проектахъ изданія или измѣненія основного закона, то выраженіе основной законъ здѣсь такъ же ясно и точно, какъ въ § 71. Монархъ, надо полагать, никогда не предлагаетъ изданіе новаго основнаго закона, не указывая при семъ, что данный законъ предназначается для дѣйствія съ силой основного закона. Если дѣло касается лишь частичнаго измѣненія такого закона, то не могутъ же быть не указаны тѣ дѣйствующія опредѣленія основного закона, которыя предполагается измѣнить или отмѣнить. Въ этихъ различныхъ случаяхъ не можетъ возникнуть сомнѣніе въ томъ, что пропозиція должна передаваться на заключеніе коммиссіи законовъ и что рѣшеніе вопроса на сеймѣ должно состояться на основаніи § 71, а не — какъ по прочимъ вопросамъ о законахъ — на основаніи § 73, посредствомъ единогласнаго рѣшенія трехъ сословій. Въ случаѣ же, если бы сеймъ получилъ законопроектъ по какому-либо вопросу, не относящемуся ни къ одной изъ указанныхъ въ §§ 34 и 35 категорій законовъ, то Земскіе Чины имѣютъ право, на основаніи § 30 С. У., для подготовки такого проекта учредить особую коммиссію. Область основныхъ законовъ строго ограничена, такъ какъ къ ней относятся лишь тѣ законы, которые точно обозначены какъ основные законы; эта область никогда не можетъ превратиться въ резервуаръ, куда можно бы отнести любой законопроектъ сомнительной категоріи. Г. С. самъ сознается въ томъ, что сдѣланный имъ выводъ является „нелѣпымъ“; но онъ не могъ не видѣть, что опредѣленія С. У. не даютъ ему права на такой выводъ.

§ 7 С. У. гласитъ: „Сеймовый депутатъ, при исполненіи сей своей обязанности, не подлежитъ никакимъ другимъ предписаніямъ, кромѣ основныхъ законовъ края“. Для всякаго, нѣсколько знакомаго съ государ-

ственнымъ правомъ, ясно, что это постановленіе имѣетъ цѣлью гарантировать независимость сеймового депутата при обсужденіи всѣхъ разсматриваемыхъ сеймомъ вопросовъ. Это постановленіе исключаетъ т. н. непремѣнный мандатъ, т. е. право избирателей возлагать на депутата обязанность держаться извѣстнаго направленія по отношенію къ одному или нѣсколькимъ вопросамъ, другими словами — говорить и голосовать согласно ихъ мнѣнію, даже если бы онъ самъ былъ другого взгляда. Настоящее постановленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляетъ, что сеймовый депутатъ, состоящій на государственной службѣ, не обязанъ въ своихъ дѣйствіяхъ на сеймѣ подчиняться побужденіямъ или приказаніямъ лицъ, являющихся на службѣ его начальствомъ. Но онъ обязанъ руководиться предписаніями Сеймоваго Устава и прочихъ основныхъ законовъ, поскольку и въ послѣднихъ заключаются постановленія, кои должны примѣняться при разсмотрѣніи сеймовыхъ дѣлъ.

Г. С. было угодно передать § 7, исключивъ слова: „при исполненіи сей своей обязанности“, и засимъ восклицаетъ: „Что это значитъ? — Слѣдующій параграфъ (8) прямо говоритъ, что депутатъ подлежитъ суду и предварительному аресту за преступныя дѣянія и лишь не можетъ быть посаженъ въ тюрьму несостоятельныхъ должниковъ на время засѣданій сейма. Очевидно, если депутатъ будетъ преданъ суду на основаніи § 8, то къ нему будутъ примѣняться всѣ законы о порядкѣ суда и наказаніи“.

Да, послѣднее, правда, очевидно, но, вѣдь, въ немъ вопросъ о нарушеніи законовъ, совершенномъ сеймовымъ депутатомъ въ качествѣ частнаго лица. § 7 же относится лишь къ его образу дѣйствія при исполненіи званія сеймоваго депутата, т. е. къ выраженіямъ его и прочимъ дѣйствіямъ на общихъ собраніяхъ сейма и въ коммиссіяхъ. И въ этой области онъ можетъ на-

рушать велѣнія закона, но лишь основныя законоположенія, ибо въ другихъ законахъ не содержатся нормы исполненія обязанностей сеймового депутата. Первая половина § 8 постановляетъ, какъ должно поступать, если сеймовый депутатъ переступитъ эти нормы. Послѣдняя изложенная г. С. часть упомянутаго § 8 показываетъ, какъ гарантированная посредствомъ § 7 независимость сеймового депутата отъ другихъ предписаній, кромѣ постановленій основного закона, не простирается такъ далеко, чтобы онъ въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ не подчинялся общему закону.

Какую выгоду надѣялся г. С. извлечь изъ такого искаженія простыхъ и легко понятныхъ постановленій закона?*)

Авторъ говоритъ далѣе: „Порядокъ дѣятельности дворянства на Сеймѣ опредѣляется особымъ Уставомъ Рыцарскаго Дома 9 (21) апрѣля 1869 г. который представляетъ собою, въ значительной своей части, какъ бы дополненіе Сеймоваго Устава, а иногда и повтореніе правилъ послѣдняго. Между тѣмъ, по силѣ § 41 Устава Рыцарскаго Дома, измѣненіе его не только не подчиняется правиламъ § 71 Сеймоваго Устава, но можетъ быть произведено помимо Сейма, по представленію одного Дворянскаго сословія и съ одобренія Государя Императора“.

Г. С. упустилъ при семъ изъ виду постановленіе въ § 10 С. У., гласящее: „Рыцарство и Дворянство являются на Сеймъ по Уставу Рыцарскаго Дома, ко-

---

*) Г. С. не соблюдалъ элементарной обязанности ознакомиться со своимъ предметомъ, раньше чѣмъ приступить къ гласному трактованію о немъ. Въ основательномъ трудѣ профессора Р. Германсона „Государственно-правовое положеніе Финляндіи“, стр. 100—103, помѣщено объективное расъясненіе отношенія Сеймоваго Устава къ болѣе старымъ основнымъ законамъ. Этотъ трудъ, вышедшій также на русскомъ языкѣ, былъ, безъ сомнѣнія, доступенъ и г-ну С.

торый имѣетъ быть составленъ сообразно съ основными законами". Уставъ Рыцарскаго Дома не есть основной законъ, при изданіи коего должно бы примѣняться постановленіе § 71 Сеймового Устава; онъ, согласно историческимъ традиціямъ, представляетъ собой спеціальный законъ, который примѣнимъ лишь въ дворянскомъ сословіи и въ который не можетъ войти никакое постановленіе, противорѣчащее Сеймовому Уставу или другому основному закону.

„Результатъ такихъ сопостановленій", — восклицаетъ засимъ г. С. — сколько бы мы ихъ ни старались дѣлать, получается всегда одинъ и тотъ же: остается совершенно неопредѣленнымъ, что именно разумѣетъ Сеймовый Уставъ подъ именемъ „основныхъ законовъ".

Въ этихъ его усиліяхъ я не могъ найти ничего другого, кромѣ стремленія сдѣлать ясное темнымъ, бѣлое чернымъ.

Далѣе авторъ излагаетъ слѣдующее: „Происхожденіе этихъ, столь неопредѣленныхъ, указаній Сеймоваго Устава на „основные законы" и „Форму Правленія" разъясняется историческою справкою, которая сама посебѣ не лишена общаго значенія. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: одновременно съ проектомъ Сеймоваго Устава, въ 1865 году, былъ составленъ финляндскимъ кодификаціоннымъ комитетомъ проектъ Уложенія или Свода Основныхъ Законовъ, называвшійся также Формою Правленія. Въ этомъ Уложеніи или Формѣ Правленія проектированы были всѣ тѣ постановленія, коимъ составители предполагали придать значеніе „основныхъ законовъ"; соотвѣтственно этому, въ проектѣ Сеймоваго Устава сдѣланы были ссылки и указанія на основные законы и Форму Правленія, подъ которыми разумѣлись не какіе либо прежніе „основные" или „коренные" законы, а именно изложенные въ новомъ проектѣ. По содержанію своему этотъ новый

проектъ представлялъ собою дѣйствительную конституцію Финляндіи и шелъ въ этомъ направленіи несравненно дальше Формы Правленія 1772 года и Акта Соединенія 1789 года въ ихъ совокупности. Онъ опредѣленно ограничивалъ Верховную Власть; рѣшительно устанавливалъ государственную обособленность Финляндіи; многократно давалъ опредѣленія о „столицѣ" Великаго Княжества и т. п. Противъ проекта выступилъ съ сильными возраженіями тогдашній Генералъ-Губернаторъ, баронъ Рокассовскій. Послѣ обсужденія въ особомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Высочайшемъ присутствіи, Императоръ Александръ II отвергъ проектъ. Между тѣмъ, проектъ Сеймоваго Устава былъ Государемъ одобренъ для внесенія въ Сеймъ. Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла всѣ вышеприведенныя ссылки должны были бы быть исключены изъ Сеймоваго Устава. Но тѣ должностныя лица и установленія, на обязанности которыхъ лежало ближайшее наблюденіе за точностью и правильностью текста издаваемыхъ законовъ, повидимому, не сочли нужнымъ этого сдѣлать. Такимъ образомъ, въ Сеймовомъ Уставѣ оказались ссылки на несуществующій законодательный актъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникъ пробѣлъ — отсутствіе указанія на то, какія именно законы должны считаться „основными".

Это историческое изложеніе неправи́лно; основанныя на немъ сужденія о Сеймовомъ Уставѣ совершенно произвольны; направленныя противъ образа дѣйствія финляндскихъ должностныхъ лицъ инсинуаціи во всѣхъ отношеніяхъ также неосновательны. — Это я докажу теперь.

Исходнымъ пунктомъ для трудовъ по реформамъ основныхъ законовъ послужила рѣчь Императора Александра II при открытіи сейма въ Гельсингфорсѣ 18 сентября 1863 года. Я уже выше, стр. 31, — чтобы исправить неправильный рефератъ г. С. — привелъ часть

того мѣста въ рѣчи, которое касается вопроса объ основныхъ законахъ. Вотъ полностью текстъ его:

„Многія поставленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія этого княжества къ Имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣлительности. Желая исправить эти недостатки, Я имѣю намѣреніе поручить составленіе проекта закона, который, заключая въ себѣ поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма, который Я предполагаю созвать черезъ три года. Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ право, принадлѣжащее уже сейму — опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законовъ, которымъ пользовался сеймъ въ прежнее время, причемъ Я оставляю за собой инициативу со всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненій кореннаго закона".

Этими словами, а также дальнѣйшимъ сообщеніемъ въ рѣчи относительно своего намѣренія періодически созывать Земскіе Чины Императоръ Александръ II намѣтилъ въ общихъ чертахъ программу предстоявшихъ тогда трудовъ по реформамъ основныхъ законовъ. Эта программа впослѣдствіи была подробнѣе разработана и 7 (19) декабря 1864 года утверждена Его Величествомъ; она гласила:

„Государю Императору благоугодно, чтобы Комитетъ, которому будетъ поручено составленіе проекта объясненій и дополненій основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго, признанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ при открытіи минувшаго Сейма необходимыми, при исполненіи сего порученія имѣлъ въ виду не только, чтобы Форма

Правленія отъ 21-го Августа 1722 г. и Актъ соединенія и безопасности отъ 21-го Февраля 1789 г., а также ниже сего указанныя Его Величествомъ узаконенія, были соединены въ одинъ актъ или основный законъ подъ названіемъ Уложеніе для Великаго Княжества Финляндскаго, но и чтобы законоположенія, вносимыя изъ прежнихъ законовъ въ новый актъ были съ точностью сохраняемы сколь это возможно при необходимомъ уясненіи выраженій, а также, чтобы при измѣненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться, былъ принятъ за правило основный принципъ, составляющій главное основаніе прежнихъ законоположеній и особо означенный въ § 1-омъ Акта безопасности. Вмѣстѣ съ симъ Его Императорское Величество изволилъ Высочайше предписать Комитету, для руководства при редакціи, слѣдующія правила и соображенія, а именно:

1) Великое Княжество Финляндское, составляя часть Россійскаго Государства, состоитъ съ нимъ въ неразрывномъ соединеніи.

2) Великое Княжество управляется согласно съ его формою правленія и законами.

3) Россійскій Императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Великій Князь Финляндіи, въ слѣдствіе чего, относительно порядка престолонаслѣдія, срока совершеннолѣтія Наслѣдника, управленія во время несовершеннолѣтія Императора или когда Онъ по другимъ причинамъ въ теченіе продолжительнаго времени не можетъ управлять государствомъ, а также относительно другихъ подобнаго рода вопросовъ для Финляндіи должно имѣть силу все что установлено или впредь будетъ установлено для Россіи.

4) Отношенія Финляндіи къ иностраннымъ державамъ зависитъ отъ отношеній Россійскаго Государства и съ ними одинаковы.

5) Высшее административное управленіе края поручается Сенату, состоящему изъ Предсѣдателя и потреб-

наго числа членовъ, въ каковыя должности Государь Императоръ назначаетъ финляндскихъ уроженцевъ.

6) Судебная власть Государя Императора возлагается на Верховный Судъ, составляемый изъ Предсѣдателя и необходимаго числа членовъ, которые безъ слѣдствія и суда или прошенія не могутъ быть ни увольняемы отъ должности, ни переводимы съ одного мѣста на другое и назначаются Государемъ Императоромъ изъ финляндскихъ уроженцевъ извѣстныхъ своими познаніями и опытностію въ судейскихъ дѣлахъ.

Кругъ дѣйствія Сената, Верховнаго Суда и подвѣдомственныхъ имъ присутственныхъ мѣстъ будетъ опредѣленъ особымъ Высочайшимъ Постановленіемъ.

7) Дѣла, требующія Высочайшаго рѣшенія, должны докладываться Государю Императору Министромъ Статсъ-Секретаремъ, долженствующимъ быть финляндскимъ уроженцемъ.

8) Министръ Статсъ-Секретарь и Члены Сената, а также прочія должностныя лица и чиновники края отвѣчаютъ одному Государю Императору за исполненіе служебныхъ обязанностей по своимъ должностямъ.

9) Земскіе Чины имѣютъ право . . . . собираться на ординарный Сеймъ.

10) Ни какой государственный заемъ впредь не долженъ быть заключаемъ безъ содѣйствія Земскихъ Чиновъ, если только это необходимо не потребуется въ слѣдствіе непріятельскаго нападенія или какого либо другаго непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія.

11) Право собственнаго наложенія на себя податей нынѣ уже предоставленное Земскимъ Чинамъ, можетъ, относительно экстраординарныхъ налоговъ, быть еще болѣе расширено въ такой мѣрѣ что не только законодательство о винокуреніи, первоначально принадлежавшее исключительно Монарху, но въ послѣдствіи по временамъ зависѣвшее отъ содѣйствія Земскихъ Чи-

новъ, должно на будущее время подлежать обоюдному обсужденію Государя Императора и Земскихъ Чиновъ, но и общія начала таможенныхъ налоговъ могутъ быть такимъ же порядкомъ установляемы, съ тѣмъ однако, что отъ Государя Императора одного будетъ зависѣть опредѣлять количество всякой таможенной пошлины; при чемъ Государь Императоръ также предоставляетъ Себѣ одному установлять основанія и количество таможенныхъ пошлинъ, кои могутъ быть опредѣляемы для издѣлій русскаго происхожденія, ввозимыхъ изъ Имперіи въ Финляндію.

12) Право предложенія законовъ или постановленій, издревле принадлежавшее Земскимъ Чинамъ, возвращается имъ въ такомъ видѣ, какъ оно ближе означено въ § 42 Формы правленія 1772 года; однако Государь Императоръ сохраняетъ за Собою право иниціативы по всѣмъ вопросамъ касающимся основныхъ законовъ.

13) Въ видахъ большей свободы религіи постановить, что каждый, кто исповѣдуетъ христіанскую вѣру, не взирая на форму исповѣданія, можетъ пріобрѣтать право гражданства и опредѣляться какъ въ гражданскую, такъ и въ военную службу въ Финляндіи.

За симъ Его Императорское Величество возлагаетъ на Комитетъ составленіе проекта полнаго Сеймоваго Устава, при чемъ Комитетъ прежде всего имѣетъ внести въ проектъ примѣнимыя узаконенія изъ устава Государственнаго Сейма отъ 24-го Января 1617 г., за тѣмъ включать въ оный изъ Устава для Государственнаго Сейма отъ 17-го октября 1723 г. правила, утвержденныя къ руководству рѣшеніями Государственныхъ Сеймовъ, послѣдовавшихъ послѣ 1772 года, далѣе изложить образовавшіеся на практикѣ порядки и обряды прежнихъ Сеймовъ, вошедшіе въ обычай и въ законъ, и наконецъ предложить правила, которыя по указаніямъ опыта послѣдняго сейма и по убѣжденію Комитета,

должны вести къ упрощенію и большей скорости въ производствѣ дѣлъ, безъ упущенія при томъ основательнаго и тщательнаго ихъ разсмотрѣнія.

Въ заключеніе Его Императорское Величество Высочайше повелѣваетъ Комитету до исхода Іюня мѣсяца 1865 года представить Его Величеству проекты какъ Уложенія, такъ и Сеймоваго Устава".

Сообразно съ этой программой комитетъ составилъ проекты новой Формы Правленія и новаго Сеймового Устава. Г. С., представляя дѣло такъ, будто комитетъ самовольно пытался добиться ограничивающихъ Верховную Власть основныхъ законоположеній, этимъ самымъ сдѣлался виновнымъ въ совершенно неосновательной инсинуаціи. Государь, высказавшій въ своей рѣчи къ Земскимъ Чинамъ свое желаніе оставить неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, а также (въ началѣ той же рѣчи), что рядъ важныхъ для края вопросовъ не могъ быть рѣшенъ, „такъ какъ для того требовалось участіе сейма", — этимъ безспорно призналъ, что власть монарха въ Финляндіи есть ограниченная власть. Также ясно онъ констатировалъ въ приведенномъ мѣстѣ своей рѣчи тотъ, оспариваемый лишь г. Сергѣевскимъ и другими извѣстными приверженцами ученій Ордина, факты, что Финляндія уже при своемъ соединеніи съ Имперіей обладала основными законами: онъ говорилъ не о созданіи несуществовавшаго раньше основного закона или о дарованіи такового, но лишь о необходимости улучшенія старыхъ основныхъ законовъ. А въ утвержденной Императоромъ программѣ 7 (19) декабря 1864 года опредѣленно говорится, что постановленія старыхъ основныхъ законовъ 1772 и 1789 гг. должны быть сведены въ проектѣ „Уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго", вмѣстѣ съ указанными особо въ программѣ новыми постановленіями; точно также перечисляются тамъ прежнія установленія о риксдагѣ.

Что же касается 13 пунктовъ программы, данныхъ для руководства комитету, то о нихъ надо замѣтить слѣдующее.

Пункты 1)—4), не заключая никакого новаго постановленія, составляли лишь формулированіе или точное опредѣленіе тѣхъ правовыхъ отношеній, которыя были установлены государственными актами въ Борго и которыя вслѣдъ затѣмъ продолжали и еще продолжаютъ de facto и de jure дѣйствовать.

5) и 6) намѣнена была реформа организаціи Сената, для каковой реформы въ тотъ же день, 7 (19) декабря 1864 года, Государемъ была утверждена особая программа для руководства назначенному на сей предметъ особому комитету.

Пунктъ 7) соотвѣтствовалъ опредѣленіямъ, находившимся какъ въ основномъ законѣ, такъ и въ административномъ постановленіи.

Пунктъ 8) передавалъ, существеннымъ распространеніемъ, принципъ, выраженный въ § 4 Формы Правленія 1772 г.

Пунктъ 9) имѣлъ въ виду введеніе періодичности сеймовъ, предоставляя комитету предложить опредѣленіе срока.

Пунктъ 10) подтверждалъ то толкованіе права самообложенія Земскихъ Чиновъ, въ силу котораго для заключенія государственнаго займа требуется согласіе Земскихъ Чиновъ въ виду того, что таковое заключеніе впредь можетъ вызвать необходимость наложенія новыхъ податей.

Пунктъ 11) заключалъ въ себѣ важную реформу, возвѣщенную уже въ часто упоминаемой рѣчи.

Также и пунктъ 12).

Да и послѣдній 13) пунктъ имѣлъ въ виду значительную реформу.

Проектъ Формы Правленія былъ составленъ комитетомъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ утвержденной Его Величествомъ программой. Почему же онъ не привелъ къ имѣвшемуся въ виду результату?

Сообщеніе г. С. о томъ, что Государь отклонилъ этотъ проектъ послѣ обсужденія въ особомъ совѣщаніи, происходившемъ въ его присутствіи, неправильно. Это сообщеніе противорѣчитъ собственнымъ словамъ Государя въ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи сейма 1867 г.: „Многосложность этой работы, потребовавъ осмотрительныхъ соображеній и продолжительныхъ занятій, къ сожалѣнію Моему въ настоящую пору еще не созрѣла до того окончательнаго вида, который бы далъ Мнѣ возможность удовлетворить первоначальному намѣренію предложить оную на обсужденіе настоящаго Сейма".

Извѣстно, что вопросъ о преобразованіи высшаго правительственнаго учрежденія (пункты 5) и 6) въ программѣ) былъ одной изъ причинъ замедленія окончательнаго разсмотрѣнія проекта Формы Правленія. Возникли различныя мнѣнія о цѣлесообразности отдѣленія отъ Сената Судебнаго Департамента и преобразованія его въ особенно поставленный судъ высшей инстанціи. Нѣкоторыя измѣненія въ организаціи Сената, которыя могли быть проведены административнымъ путемъ, были тогда произведены посредствомъ постановленія 10 мая 1869 г. Объ этомъ распоряженіи Государь въ своей рѣчи при открытіи сейма 1872 г. говорилъ, что оно было сдѣлано въ видахъ достиженія бо̀льшаго опыта по вопросу о предполагавшейся реорганизаціи высшихъ правительственныхъ мѣстъ.

Былъ ли проектъ новой Формы Правленія, послѣ происшедшей такимъ образомъ отсрочки, впослѣдствіи окончательно отклоненъ Государемъ или же было — по политическимъ или другимъ причинамъ — признано необходимымъ отложить его еще на время, — это до-

стовѣрно не извѣстно. Послѣднее предположеніе болѣе правдоподобно. А такого совѣщанія по этому дѣло, о которомъ говоритъ г. С., вовсе не происходило.

Во всякомъ случаѣ вышеизложенными фактами подтверждено, что Государь самъ, а не назначенный для этого вопроса комитетъ, опредѣлилъ на какихъ именно основаніяхъ слѣдовало составить этотъ проектъ.

Отсрочка на неопредѣленное время рѣшенія вопроса о новой Формѣ Правленія не вызвала въ Финляндіи никакого особаго разочарованія. Вѣдь существовали старые основные законы 1772 и 1789 гг., содержаніе коихъ по большей части безъ измѣненія должно было войти въ новый законъ. А никто въ то время не могъ предугадать, что въ Россіи образуется вліятельная партія, задававшаяся цѣлью уничтоженіе правового положенія Финляндіи такими коварными средствами, какъ тѣ, которыя обнаруживаются въ усиліяхъ г. С. и ему подобныхъ доказать, что удостовѣренія Монарховъ, дескать, ничего не значатъ и будто существованіе основныхъ законовъ Финляндіи является однимъ лишь вымысломъ финляндскихъ сепаратистовъ. Да и мало вѣроятія въ томъ, что Форма Правленія (или „Уложеніе“) со временъ Императора Александра II, какъ бы точно она ни была составлена, могла бы удерживать партію, выказавшую себя совершенно чуждой уваженія къ дѣйствующему праву.

Отсутствіе Высочайшей пропозиціи о новой Формѣ Правленія, кромѣ того, не означало полнаго оставленія возвѣщенныхъ реформъ основного закона. Второе изъ главныхъ отдѣловъ программы Государя было осуществлено посредствомъ предложенія сейму 1867 г. относительно новаго Сеймоваго Устава. Эта реформа основного закона была на самомъ дѣлѣ вызвана болѣе настоятельной потребностью, нежели первая. Постановленіемъ о періодичности сеймовъ — постановленіемъ, относящимся къ области какъ Формы Правленія, такъ

и Сеймового Устава, — осуществилась важнѣйшая въ конституціонномъ отношеніи изъ реформъ, намѣченныхъ въ нѣкоторыхъ изъ 13 пунктовъ Высочайшей программы.

Инсинуація г. С., утверждающаго, что финляндскіе правительственные органы, пренебрегши своимъ долгомъ, не сочли нужнымъ исключить изъ проекта Сеймового Устава ссылки на несуществующій, якобы основный законъ или Форму Правленія, — лишена всякаго основанія. Единственное мѣсто въ Сеймовомъ Уставѣ, гдѣ встрѣчается ссылка на Форму Правленія, есть послѣдній пунктъ § 71. Я уже выше, стр. 99, при опроверженіи „спеціальной критики" авторомъ С. У., доказалъ, что эта ссылка совершенно правильна и имѣетъ въ виду § 52 Формы Правленія 1772 г. Въ тѣхъ §§ Сеймоваго Устава, гдѣ, впрочемъ, встрѣчается выраженіе „основный законъ", оно явно относится ко всякому закону, имѣющему свойство основного закона, равно и къ такому основному закону, который впредь будетъ издаваться: редакція этихъ §§, поэтому, совершенно не зависѣла отъ вопроса, будетъ ли издана новая Форма Правленія или нѣтъ. Въ первоначальномъ же проектѣ Сеймоваго Устава на самомъ дѣлѣ было два параграфа, при составленіи которыхъ комитетъ предположилъ, что новая Форма Правленія будетъ издана сообразно съ основаннымъ на программѣ Государя проектомъ комитета, а именно §§ 51 и 52. Такъ какъ 12) пунктъ программы гласилъ, что право моціи будетъ возвращено Земскимъ Чинамъ, то комитетъ включилъ въ эти §§ постановленія о порядкѣ разсмотрѣнія возбужденной на сеймѣ моціи. Когда же проектъ Формы Правленія, между тѣмъ, былъ отложенъ, то §§ 51 и 52 были соотвѣтственно измѣнены, такъ что они въ томъ видѣ, въ какомъ они были предложены сейму 1867 г. и одобрены послѣднимъ, не заключаютъ въ себѣ ничего о моціяхъ, а лишь о разсмотрѣніи проектовъ петицій. И этотъ фактъ доказываетъ ложность высказаннаго г. С. нареканія по

затронутому здѣсь вопросу. Предполагаемаго имъ пробѣла въ Сеймовомъ Уставѣ — „отсутствіе указанія на то, какіе именно законы должны считаться „основными“ — нѣтъ въ дѣйствительности. Подобно тому какъ Императоръ Александръ II въ своемъ утвержденіи Сеймового Устава — по поводу того, что изданіе новой Формы Правленія не состоялось одновременно, — указалъ, что по вопросу о правахъ и прерогативахъ монарха старые основные законы 1772 и 1789 гг. по прежнему должны служить руководствомъ, поскольку ихъ постановленія не измѣнены точными словами въ Сеймовомъ Уставѣ —, такъ и въ царствованіе Императора Александра III, когда появлялись проекты относительно частичныхъ измѣненій упомянутыхъ основныхъ законовъ, не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эти проекты должны были подготовляться на основаніи § 34, а окончательно разсматриваться на основаніи § 71 С. У. Насколько неумѣстно вышеозначенное злословіе г. С., доказывается краснорѣчиво слѣдующими словами, произнесенными Императоромъ Александромъ II при открытіи сейма 1867 г.: „Опытъ засѣданій созваннаго послѣ многихъ лѣтъ Сейма указалъ на необходимость издать опредѣлительный Сеймовый Уставъ. Разработанный нынѣ по Моимъ предначертаніямъ проектъ таковаго Устава передаю на ваше обсужденіе, предполагая встрѣтить сочувствіе ваше къ Моимъ мыслямъ и желаніямъ установить собраніе представителей, облеченныхъ довѣріемъ народа, сообразно тому, чего требуетъ достоинство торжественнаго призыва на соучастіе въ Государственной работѣ“.

Эту главу авторъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Въ виду изложеннаго, съ точки зрѣнія научно-юридической критики, необходимо считать всѣ правила Сеймоваго Устава объ „основныхъ законахъ“ лишенными опредѣленнаго содержанія, а самый Уставъ въ высшей степени дефектнымъ актомъ“.

Первое правило научно-юридическаго изслѣдованія предмета узнать, какіе правовые источники относятся къ данному вопросу, основательно прочесть ихъ и не произвольно навязывать имъ другого смысла, кромѣ заключающагося въ ихъ содержаніи. А вслѣдствіе того, что авторъ, — какъ обнаружилъ разборъ этой главы, — совершенно пренебрегъ упомянутымъ правиломъ, то его отзывы о Сеймовомъ Уставѣ обратились въ карикатуру „научно-юридической критики".

Что Сеймовый Уставъ 1869 г. не „дефектный" законъ, а, напротивъ того, служитъ полнымъ и вѣрнымъ руководствомъ для порядка производства дѣлъ во всѣхъ случаяхъ, которые должны составлять предметъ подобнаго закона, — это доказываетъ опытъ всѣхъ сеймовъ, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе тѣхъ 34 лѣтъ, когда дѣйствовалъ этотъ Сеймовый Уставъ.

Но не только благодаря своей испытанной цѣлесообразности въ урегулированіи работы Земскихъ Чиновъ, Сеймовый Уставъ является закономъ выдающагося значенія. Онъ постановленіемъ о созывѣ Государемъ и Великимъ Княземъ Земскихъ Чиновъ Финляндіи на урочный сеймъ, по крайней мѣрѣ черезъ каждый пятый годъ, устранилъ важнѣйшій недостатокъ въ древней конституціи края, въ виду чего такая отсрочка на десятки лѣтъ соучастія народнаго представительства въ государственной жизни, какъ во время Императора Николя I, — и для которой могъ быть приведенъ формальный аргументъ изъ текста § 38 Формы Правленія 1772 г. — теперь уже по закону была бы невозможна. Онъ постановленіемъ о томъ, что Земскіе Чины Финляндіи, собранные на сеймъ, представляютъ финскій народъ, окончательно устранилъ понятіе старинныхъ временъ о представительствѣ, составленномъ изъ отдѣльныхъ сословій а именно то, будто интересы нѣкоторыхъ сословій, не всего края, представляются Земскими Чинами. Онъ улучилъ и

расширилъ составъ не-дворянскихъ сословій, причемъ организація дворянства на сеймѣ была преобразована Уставомъ Рыцарскаго Дома *). Онъ своими постановленіями въ §§ 27, 36—38 и 72 существенно развилъ и опредѣлилъ старый порядокъ разсмотрѣнія финансовыхъ дѣлъ, такъ что намѣченные въ основныхъ законахъ 1772 и 1789 г. лишь въ главныхъ чертахъ конституціонные начала по этимъ предметамъ могли получить послѣдовательное примѣненіе въ современномъ сравнительно широкомъ урегулированіи финансовъ. Тѣ постановленія въ Сеймовомъ Уставѣ (§§ 2, 3, 5, 23—26, 75, 76, 80), которыя касаются отношеній Государя и Великаго Князя къ сейму и которыя по существу передаютъ опредѣленія, дѣйствовавшія согласно законамъ со шведскихъ временъ, являются доказательствомъ того, что Императоръ Александръ II, по иниціативѣ и съ утвержденія коего Сеймовый Уставъ 1869 г. былъ изданъ, и въ настоящихъ дѣлахъ желалъ оставить неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, въ силу котораго народное представительство находится въ непосредственномъ отношеніи къ лицу монарха.

Почему же г. С. въ своей главѣ о Сеймовомъ Уставѣ ни одного слова не посвятилъ этимъ качествамъ онаго? Почему же онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на укладъ государственной жизни Финляндіи подъ плодотворнымъ вліяніемъ періодическихъ сеймовъ?

Это, понятно, не совмѣщалось бы съ тенденціями руководившими его перомъ.

---

*) То обстоятельство, что теперь желаютъ дальнѣйшаго расширенія избирательнаго права въ сословіяхъ Горожанъ и Крестьянъ, а также реформы права голосованія, не противорѣчитъ утвержденію, что Сеймовый Уставъ въ свое время и въ этихъ отношеніяхъ являлся успѣхомъ.

VII.

Общее значеніе манифестовъ.

Авторъ начинаетъ, выражая предположеніе, будто сказанное имъ выше „достаточно опредѣляетъ общее значеніе обсуждаемыхъ манифестовъ или удостовѣреній въ цѣломъ ихъ составѣ“. Тѣмъ не менѣе онъ посвящаетъ особо этому вопросу всю VII главу. Вотъ что онъ пишетъ:

„Они представляютъ собою акты, равнозначительные тѣмъ жалованнымъ Грамотамъ, Универсаламъ, Рескриптамъ и Указамъ, которые изстари давались нашими Государями населенію вновь завоеванныхъ и присоединенныхъ къ Россіи областей и даже жителямъ отдѣльныхъ городовъ. Множество такихъ Грамотъ помѣщено въ Полномъ Собраніи Законовъ; не малое число напечатано въ различныхъ сборникахъ старинныхъ документовъ. Конечно, слова „конституція“ въ сихъ Грамотахъ не встрѣчается, — оно замѣщается другимъ иностраннымъ словомъ привилегіи или привилеи — но все прочее сходствуетъ безусловно.“

А затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько подобранныхъ примѣровъ такихъ документовъ, которые по мнѣнію г. Сергѣевскаго „безусловно сходствуютъ“ съ манифестомъ Императора Александра I, или удостовѣреніемъ 15 (27) марта 1809 г. о утвержденіи правъ Великаго

Княжества Финландскаго, а именно: грамота Царя Алексѣя Михайловича 1654 г. Гетману Богдану Хмѣльницскому и всему войску Запорожскому о сохраненіи ихъ прежнихъ правъ и вольностей и собственныхъ войсковыхъ судовъ; грамота отъ того же года городу Кіеву, жителямъ котораго удостовѣрялись ихъ прежнія права и привилегіи; грамоты и манифесты Петра Великаго въ 1710 и 1712 гг. прибалтійскому населенію и городамъ, а также Императрицы Екатерины Великой въ 1795 г. — герцогству Курляндскому, — всѣ о сохраненіи ихъ прежнихъ привилегій и правъ. Г. С. находитъ особенно близкое сходство „прибалтійскихъ Жалованныхъ Грамотъ съ финляндскими манифестами даже по тексту ихъ". Первыя являются „прямымъ прототипомъ вторыхъ, каковые „отличаются отъ прототипа лишь улученнымъ стилемъ и нѣкоторыми сокращеніями. Прибалтійскія Грамоты даже сильнѣе выражены: въ нихъ включены прямыя обѣщанія на будущія времена, въ вѣчность." — Рядъ примѣровъ заканчивается манифестомъ 18 января 1801 г. о присоединеніи Грузинскаго Царства къ Россіи съ обѣщаніемъ соблюденія правъ и преимуществъ жителей этого царства и подвластныхъ ему областей.

Далѣе слѣдуетъ: „Какъ на обстоятельство, придающее особую силу финляндскимъ манифестамъ, указываютъ иногда на то, что манифесты сіи повторялись и подтверждались преемниками Императора Александра I при вступленіи ихъ на престолъ. Дѣйствительно, большинство изъ приведенныхъ выше Грамотъ не повторялись: ихъ просто забывали и никому не приходило въ голову основывать на нихъ сепаратистскія стремленія. Но нѣкоторыя повторялись; однако это не придавало имъ никакого особаго значенія."

Авторъ указываетъ далѣе, что грамога городу Кіеву была подтверждена въ 1797 году и что нѣкоторыя прибалтійскія грамоты повторялись и подтверждались

вплоть до вступленія на престолъ Императора Александра III. Но въ 1881 г., когда возбужденъ былъ вопросъ о возобновленіи таковыхъ подтвердительныхъ грамотъ, министръ внутреннихъ дѣлъ запросилъ по этому предмету отзывъ, между прочимъ, сенатора Манасеина, который отвѣтилъ, что „подтвержденіе прежнихъ грамотъ для мѣстныхъ интересовъ излишне, а для интересовъ общегосударственныхъ вредно.“ Тѣмъ дѣло и кончилось. „Между тѣмъ“, прибавляетъ онъ, „прибалтійскій край и его отдѣльныя части имѣли въ своей предъидущей исторіи несравненно больше элементовъ государственной самостоятельности, чѣмъ Финляндія; во время же завоеванія Петромъ Великимъ, занятыя имъ области представляли собою точно также шведскую провинцію.“

Этому изложенію, для котораго г. С. на самомъ дѣлѣ отнюдь не найдетъ „прототипа“ ни въ одномъ „научно-юридическомъ трудѣ“, я посвящу лишь нѣсколько краткихъ комментарій.

Въ началѣ своей книжки г. С. выставляетъ положеніе Финляндіи въ составѣ россійскаго государства столь своеобразнымъ, что такой формы государственныхъ отношеній нигдѣ болѣе не встрѣчается (см. раньше стр. 12). А теперь онъ находитъ актъ, лежавшій въ основѣ положенія Финляндіи, безусловно сходствующимъ съ множествомъ жалованныхъ русскими монархами грамотъ, въ которыхъ обѣщалось сохраненіе прежнихъ правъ. По нормальнымъ понятіямъ тутъ кроется противорѣчіе, котораго „научный“ авторъ не въ правѣ позволять себѣ, но крайней мѣрѣ не разъяснивши его. Объ Императорскихъ обѣщаніяхъ или удостовѣреніяхъ, приводимыхъ имъ какъ однородныхъ съ удостовѣреніями, данными Александромъ I и его преемниками финскому народу, г. С. говоритъ совершенно sans façon: нѣкоторыя изъ нихъ, кои не повторялись, просто-напросто, забывались, тогда какъ иныя и повто-

рялись, но тѣмъ однако не пріобрѣли никакого особаго значенія. Казалось бы, ему вмѣнялось въ обязанность передъ читателемъ нѣсколько разъяснить вопросъ — дѣйствительно ли и почему подобныя Высочайшія обѣщанія, по принципамъ русскаго государственнаго права, могли считаться лишенными всякаго „особаго значенія".

Подобное разъясненіе представляется особенно нужнымъ по отношенію къ Прибалтійскимъ провинціямъ. Г. С. заявляетъ, что обѣщанія о сохраненіи ихъ привилегій были даны „въ вѣчность" и что вплоть до 1881 г. было правиломъ дать повторныя подтвержденія нѣкоторыхъ изъ относящихся сюда документовъ. Далѣе мы узнаемъ, что подобное подтвержденіе не состоялось вслѣдствіе оракуловаго изрѣченія одного сенатора. Но вмѣсто того чтобъ развить правовыя послѣдствія такового факта, авторъ выступаетъ съ мнѣніемъ, будто эти провинціи съ бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ Финляндія, могли составлять государство.

Вся возведенная г. С. конструкція равенства оказывается на самомъ дѣлѣ однимъ лишь вымысломъ. При сравненіи документовъ слѣдуетъ принимать въ соображеніе все ихъ содержаніе. Авторъ не въ правѣ, по сходству нѣкоторыхъ выраженій, заключить о наличности полнаго взаимнаго согласія.

Ни въ одномъ изъ вышеуказанныхъ документовъ, которыя г. С. отождествляетъ съ манифестомъ Императора Александра I, или удостовѣреніемъ 1809 г., не утверждаются дѣйствовавшіе прежде основные законы, но лишь такого рода права и привилегіи, которыя вмѣщаются въ рамкахъ государственныхъ установленій Россіи.

Г. С. опирается на то обстоятельство, что и въ другихъ манифестахъ встрѣчается выраженія, заключающія обѣщаніе сохраненія древнихъ правъ, привилегій и т. п. Но ни одно изъ перечисленныхъ имъ обществъ,

кромѣ Финляндіи, не пользовалось прежде такимъ правомъ, какъ финскій народъ, — правомъ на соучастіе въ государственномъ законодательствѣ въ томъ смыслѣ, что высочайшая власть не могла издавать законы, безъ содѣйствія народа. Въ этомъ-то положеніи къ шведской коронѣ не находились Остсейскія провинціи. Но финляндская нація обладала въ шведскія времена таковымъ правомъ. Это было самымъ важнымъ изъ тѣхъ правъ, коими пользовался финскій народъ. И такъ какъ всѣ права, принадлежавшія жителямъ Финляндіи и ея различнымъ сословіямъ, утверждались, то этимъ самымъ и сіи важнѣйшія права были утверждены. Сохраненіе основныхъ законовъ являлось залогомъ этого. Государственно-правовое значеніе того факта, что Финляндія должна управляться по своей конституціи, что за финскимъ народомъ обезпечено политическое существованіе, что этотъ народъ, возведенный въ чреду націй, долженъ жить подъ властью своихъ законовъ (слѣдовательно, не русскихъ законовъ), — все это было Императоромъ Александромъ I во многихъ актахъ указано. Но такого рода Высочайшія комментаріи не сопровождали и не могли даже сопровождать прочіе манифесты, которыми г. С. полагаетъ возможнымъ уничтожить существенное содержаніе удостовѣренія Александра I финскому народу.

Вслѣдствіе дальнѣйшаго дѣйствія основныхъ законовъ Финляндіи, заключающихъ въ себѣ конституцію, непосредственно былъ учрежденъ, по совѣщаніи съ сеймомъ, особый правительствующій органъ для Великаго Княжества, находящійся въ непосредственномъ отношеніи къ особѣ монарха; — вслѣдствіе этого, законодательная власть въ Финляндіи исполняется на иныхъ началахъ, чѣмъ въ Имперіи, а именно при совокупномъ участіи монарха и народнаго представительства; — вслѣдствіе этого-то Финляндія имѣетъ въ отношеніи своего внутренняго строя то обособленное государствен-

ное положеніе, противъ котораго съ такимъ коварствомъ возстаетъ г. С.*)

Ни одной изъ указанныхъ чертъ нельзя прослѣдить у тѣхъ областей и городовъ, грамоты и привилегіи которыхъ г. С. выдаетъ тождественными съ упомянутымъ манифестомъ Александра I.

Г. С. не принялъ въ соображеніе существенной разницы въ содержаніи документовъ; точно также онъ не обратилъ вниманія на свидѣтельство исторіи, показывающей, что различію документовъ въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ полнѣйшее различіе также въ правовыхъ ихъ послѣдствіяхъ.

---

*) Чтобы еще ярче освѣтить, что сказанное вполнѣ согласуется съ собственными словами Императора Александра I, здѣсь будетъ помѣщено слѣдующее извлеченіе изъ даннаго на французскомъ языкѣ манифеста 15 (27) марта 1810 г.:

„Du moment que la Providence Nous a remis le sort de la Finlande, Nous résolûmes de gouverner ce pays comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit."

„Tous les actes émanés jusqu'ici, pour l'administration intérieure de ce pays, ne sont qu'une suite et une application de ce principe. Le maintien de la religion et des lois, la réunion de la Diète, la formation du Conseil de Régence au sein de la nation, la conservation intacte de l'ordre judiciaire et administratif, en sont des preuves qui doivent assurer à la nation finnoise les droits de son existence politique."

Переводъ:

„Съ тѣхъ поръ, какъ Провиденіе вручило Намъ судьбу Финляндіи, Мы рѣшились управлять этою страною, какъ свободнымъ народомъ, пользующимся правами, обезпеченными за нимъ его конституціею."

— — — — — — — — — — — — — — — —

„Всѣ акты, изданные по сіе время для внутренняго управленія края, являются лишь послѣдствіемъ и примѣненіемъ этого принципа. Сохраненіе религіи и законовъ, созваніе Сейма, учрежденіе Правительствующаго Совѣта среди націи, неприкосновенность судебнаго и административнаго порядка, суть доказательства, которыя должны обезпечить за финскою націею права политическаго ея существованія".

Кромѣ того, въ трудѣ, который, подобный книгѣ г-на С., выступаетъ съ притязаніемъ на юридическую научность, не слѣдовало бы замолчать, что выдающіеся русскіе авторы по государственному праву не раздѣляютъ его мнѣнія относительно сходства между финляндскими манифестами и упомянутыми имъ русскими документами.

Г. С. продолжаетъ: „Обращаясь спеціально къ послѣднему изъ финляндскихъ манифестовъ, къ манифесту нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II 25 октября (6 ноября) 1894, нельзя не признать, что, независимо отъ всего изложеннаго выше, манифестъ этотъ изданъ при условіяхъ, дающихъ ему, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, необходимую опредѣленность содержанія по объему. Вопросъ о томъ, какіе именно „коренные“ или „основные“ законы Финляндіи разумѣются въ Манифестѣ, остается въ прежнемъ положеніи: но совершенно ясно, что данное въ Манифестѣ обѣщаніе касается мѣстныхъ Финляндскихъ законовъ и не распространяется вовсе на общегосударственные законы, порядокъ изданія которыхъ опредѣленъ нынѣ Манифестомъ и Основными Положеніями 3 февраля 1899 года.“

Противъ такого анахроничнаго способа доказательства здѣсь достаточно напомнить, что Высочайшій манифестъ 25 октября (6 ноября) 1894 г. былъ изданъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, какъ и предъидущіе манифесты или удостовѣренія, послужившіе для него образцами; что этотъ манифестъ, слѣдовательно, не могъ и даже не имѣлъ въ виду дать вопросу о законодательствѣ въ Финляндіи какое-либо новое направленіе; и что наконецъ объ истинномъ значеніи его слѣдуетъ судить на основаніи собственнаго его текста и по содержанію того правового строя, сохраненіе котораго въ силѣ обѣщается въ немъ, а отнюдь не по тому или другому акту позднѣйшаго происхожденія.

Засимъ г. С. говоритъ: „Въ прежнее время это различіе мѣстныхъ финляндскихъ законовъ и законовъ общегосударственныхъ не было выяснено". Эта фраза совершенно ложна. Финляндскіе законы никоимъ образомъ не составляютъ мѣстные законы въ рамкѣ общаго для Россіи и Финляндіи законодательства. Финляндское законодательство всецѣло составляетъ совершенно особую сферу, наряду съ имперскимъ законодательствомъ, не подчиненную послѣднему и не включенную въ него какъ исключительное право. Это подтверждается самымъ несомнѣннымъ образомъ главнымъ положеніемъ основныхъ законовъ Россійской Имперіи гл. VIII, „о законахъ", ст. 47 и 48.

Въ ст. 47-й говорится: „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ".

Какъ и русскими законовѣдами опредѣленно выставлялось, это не можетъ касаться Финляндіи, гдѣ законы не исходятъ изъ самодержавія, ибо законодательная власть принадлежитъ совмѣстно монарху и сейму какъ въ отношеніи основныхъ законовъ, такъ и общихъ законовъ; но даже въ тѣхъ областяхъ, т. е. въ экономической и административной, въ которыхъ монархъ издаетъ законы независимо отъ сейма, законодательная его власть является конституціонно-ограниченной, въ виду того, что при отправленіи ея, не можетъ быть измѣненъ законъ, изданный съ согласія сейма.

Въ ст. 48 говорится: „Законы въ Имперіи дѣйствуютъ или едино-образно въ общей ихъ силѣ, или съ мѣстными въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ измѣненіями. Пространство сихъ измѣненій, мѣста, гдѣ они допускаются, и связь ихъ съ законами общими, опредѣляется въ особенныхъ законахъ, учрежденіяхъ и уставахъ".

Что все сказанное здѣсь объ общегосударственныхъ и мѣстныхъ законахъ никоимъ образомъ не от-

носится къ Финляндіи, вполнѣ очевидно. Сообразно съ этимъ, и произведенная по повелѣнію Императора Николая I въ 1840 годахъ кодификація дѣйствовавшихъ въ Имперіи, для разныхъ провинцій, мѣстныхъ законовъ не коснулась вовсе законовъ Финляндіи.

Эта обособленность финляндскаго законодательства отъ русскаго нисколько не препятствовала урегулированію законодательными мѣрами общихъ или обоюдныхъ интересовъ. Это происходило одновременнымъ изданіемъ тождественныхъ постановленій относительно означенныхъ предметовъ и въ Имперіи и въ Великомъ Княжествѣ. Въ видѣ примѣра можно привести постановленіе 2 іюня 1826 г. о судопроизводствѣ въ дѣлахъ по преступленіямъ, совершаемымъ финляндцами въ Россіи или русскими въ Финляндіи; постановленіе 6 ноября 1843 г. о порядкѣ производства дѣлъ по наслѣдованію движимаго имущества послѣ русскихъ въ Финляндіи или финляндцевъ въ Россіи; разновременно изданныя постановленія о торговыхъ сношеніяхъ между Имперіей и Великимъ Княжествомъ, позднѣйшее отъ 29 мая 1897 г. — Всѣ подобнаго рода узаконенія какъ основанныя на принципѣ взаимности, заключаютъ въ себѣ и постановленія, вступающія въ силу въ Финляндіи, и такія, которыя должны примѣняться въ Россіи.

Послѣ вышеопреверженнаго авторъ продолжаетъ: „При желаніи можно было разсуждать, что манифесты касаются всѣхъ вообще законовъ, дѣйствующихъ и примѣняемыхъ въ Финляндіи, Къ удивленію и сожалѣнію, даже и Сеймовый Уставъ 1869 года не далъ руководящихъ правилъ для разъясненія сего недоразумѣнія".

Г. С. намекаетъ здѣсь на существованіе какого-то недоразумѣнія. Причины „недоразумѣнія" кроются отнюдь не въ основныхъ законахъ Финляндіи, а еще менѣе въ Сеймовомъ Уставѣ, который, какъ я показалъ въ разборѣ главы VI, заключаетъ въ себѣ точныя и

полныя опредѣленія относительно всѣхъ предметовъ, составляющихъ область этого закона. Конечно, было бы желательно, что бы положенія Формы Правленія 1772 г. и Акта Соединенія и Безопасности 1789 г. были систематизированы путемъ кодификаціи и чтобы нѣкоторымъ изъ этихъ положеній была придана бо̀льшая точность; но эти законоположенія и въ своей устарѣлой формѣ понятны для того, кто хочетъ понять ихъ. Что касается въ частности права Земскихъ Чиновъ на участіе въ законодательствѣ, то главное и общее постановленіе объ этомъ § 40 Формы Правленія 1772 г. имѣетъ слѣдующее содержаніе: „Король (Императоръ и Великій Князь) не можетъ издавать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія Государственныхъ (Земскихъ) Чиновъ“. Эти слова такъ ясны, что безусловно исключаютъ всякую возможность такого толкованія, будто бы монарху принадлежитъ самодержавная законодательная власть, а Земскимъ Чинамъ лишь законосовѣщательный голосъ. Совсѣмъ иная вещь — что, на-ряду съ общей, или, законодательной властью въ собственномъ смыслѣ, — о коей говорится въ § 40 Формы Правленія, — монархъ имѣетъ право безъ содѣйствія Земскихъ Чиновъ издавать постановленія, касающіяся т. н. общественнаго хозяйства и администраціи.

Среди той партіи, или того лагеря, тенденціи которой поддерживаются г. С., уже давно и съ усердіемъ стараются дать понять, что Императоръ Александръ I не утверждалъ Финляндіи ея прежнихъ основныхъ законовъ, несмотря на то, что въ самомъ текстѣ его удостовѣренія 15 (27) марта 1809 г., самымъ явнымъ образомъ сказано, что именно основные законы заключены въ утвержденіи; о какомъ-либо „толкованіи въ данномъ случаѣ“, поэтому не можетъ быть и рѣчи; къ тому же Императоръ самъ подкрѣпилъ и впослѣдствіи эту очевидную истину, говоря неоднократно, что онъ

утвердилъ „les lois fondamentales, la constitution“ Финляндіи. Также не обращено вниманія на то, что эти самые основные законы въ теченіе 90 лѣтъ примѣнялись. Софизмы всевозможныхъ родовъ, при помощи которыхъ дѣйствуетъ эта партія, пускаются въ ходъ и г-мъ С. — какъ могъ это видѣть читатель — да притомъ обильно и безъ всякаго стѣсненія. Также и онъ счелъ нужнымъ увѣрить, что основные законы временъ Швеціи имѣютъ правовую силу лишь въ фантазіи финляндскихъ сепаратистовъ. Однако, онъ въ своей разрушительной работѣ наталкивается на неудобную скалу: на Сеймовый Уставъ 1869 г.; этотъ законъ во многихъ мѣстахъ говоритъ какъ разъ объ основныхъ законахъ и даже, въ § 71, подробно опредѣляетъ порядокъ изданія основнаго закона. Для каждаго нормальнаго ума ясно какъ день, что собственно въ Сеймовомъ Уставѣ предполагается и имѣется въ виду, когда въ немъ говрится объ основномъ законѣ. Но г. С. посвятилъ отдѣльную главу софистическимъ усиліямъ доказать, что Сеймовый Уставъ шатокъ и „дефектенъ“, такъ какъ онъ не въ его духѣ даетъ опредѣленіе понятія „основного закона“. Въ настоящей главѣ онъ высказываетъ вновь свое изумленіе и сожалѣніе по таковому поводу. — Я потому считаю себя вынужденнымъ, для вящшаго поясненія сказаннаго уже въ главѣ VI противъ заявленій г. С., провести слѣдующую параллель.

Въ основныхъ государственныхъ законахъ Россіи, разд. I, гл. VIII, сообщаются положенія о законодательной власти, объ относящихся къ дѣйствительности законовъ обстоятельствахъ и т. д., и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется, что всѣ законопроекты должны подвергаться предварительному разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ; но постановленія объ организаціи и о порядкѣ производства дѣлъ государственнаго совѣта находятся въ особомъ учрежденіи государственнаго со-

вѣта, въ каковомъ учрежденіи не повторяется то, что постановлено въ гл. VIII основныхъ законовъ.

Въ главномъ основномъ законѣ Финляндіи, Формѣ Правленія 1772 г., опредѣляются права Земскихъ Чиновъ по отношенію къ законодательству, обложенію налогами, монетной системѣ и т. д.; но постановленія объ организаціи и о порядкѣ работъ сейма находятся въ особомъ основномъ законѣ, Сеймовомъ Уставѣ, въ которомъ не повторяется того, что въ Формѣ Правленія сказано о компетенціи сейма (Земскихъ Чиновъ).

Подобное же распредѣленіе предметовъ представляютъ современные основные законы Швеціи, Форма Правленія 1809 г. и Уставъ Риксдага 1866 г., и таково оно было и раньше.

Мнѣ думается, читатель и изъ этого видитъ, насколько произвольно г. С. обращается со своей задачей. Послѣ приведенныхъ словъ о „недоразумѣніи“ авторъ говоритъ: „Конечно, русская правительственная практика, въ большинствѣ случаевъ руководимая здравымъ смысломъ, шла самостоятельнымъ путемъ и твердо разрѣшала вопросы общегосударственнаго интереса законодателными актами, безъ участія финляндскаго сейма и не стѣсняясь финляндскими толкованіями Манифестовъ. Такихъ законовъ издано, какъ извѣстно, множество за время до Сеймоваго Устава и, равнымъ образомъ, послѣ него. Но, тѣмъ не менѣе, отсутствіе общаго разъясненія сего вопроса дало поводъ финляндскимъ членамъ Особаго Совѣщанія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге въ 1893 году заявить, что въ Финляндіи дѣйствуютъ и примѣняются только финляндскіе законы исключительно“.

Свою фразу о здравомъ смыслѣ и твердомъ разрѣшеніи „русской правительственной практикой“, безъ уваженія права финляндскаго сейма, вопросовъ, касавшихся общегосударственнаго интереса, г. С. старается

подкрѣпить примѣрами, приведенными въ выноскѣ. Просмотримъ эти примѣры.

1) Высочайше утвержденное 28 мая 1885 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о торговыхъ сношеніяхъ Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ. Это постановленіе составляло измѣненіе положенія о торговыхъ сношеніяхъ 1858 г., (обнародованнаго въ Финляндіи въ январѣ 1859 г.), но лишь въ частяхъ, касавшихся условій ввоза финскихъ товаровъ въ Россію. Эти измѣненныя опредѣленія, слѣдовательно, должны были примѣняться лишь въ Россіи, они составляютъ русскій законодательный актъ, который тѣмъ менѣе зависилъ отъ финляндскаго сейма, что монархъ и въ Финляндіи имѣетъ право утверждать таможенныя ставки безъ участія Земскихъ Чиновъ. Но такъ какъ постановленіе о торговыхъ сношеніяхъ, утвержденное по совѣщаніи русскихъ и финляндскихъ властей и изданное съ обѣихъ сторонъ въ тождественномъ видѣ, было подвергнуто измѣненіямъ вслѣдствіе опредѣленій 28 мая 1885 г., то эти опредѣленія не были приняты односторонно съ русской лишь стороны, но подготовлялись сообща коммиссіей, составленной изъ русскихъ и финляндскихъ членовъ, съ затребованіемъ отзыва финляндскаго Сената.

2) Высочайшее объявленіе 27 іюня 1885 г. объ учрежденіи должности помощника генералъ-губернатора Финляндіи.

Этому распоряженію, — которое монархъ, въ силу 1 п. Акта С. и Б. 1789 г., могъ издать безъ участія сейма, — русское правительство стояло совершенно чуждо.

3) Манифестъ 31 мая (12 іюня) 1890 г. о сосредоточеніи завѣдыванія почтовою частью Финляндіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Имперіи. Въ виду того что финляндское учрежденіе такимъ образомъ ставилось въ зависимость отъ русской власти, не подчи-

ненной финляндскому закону, то этотъ манифестъ являлся отступленіемъ отъ основного закона и посему не долженъ бы быть издаваться безъ участія Земскихъ Чиновъ; что и было заблаговременно заявлено сенатомъ, а затѣмъ и сеймомъ 1891 года.

4) Объявленіе 2 (14) августа 1890 г. о пріемѣ, по курсу, при разныхъ платежахъ въ Финляндіи, выпущенныхъ въ Имперіи кредитныхъ билетовъ и размѣнной монеты.

Это постановленіе, составленное финляндскимъ сенатомъ въ противовѣсъ еще дальше шедшему требованію съ русской стороны, не задѣваетъ финляндскаго закона о монетѣ 1877 г., состоявшагося при участіи Земскихъ Чиновъ; оно лишь постановляетъ обязательность пріема, по установленному курсу, русскихъ кредитныхъ билетовъ и русской монеты при платежахъ въ общественныхъ учрежденіяхъ и при взносѣ податей но не заставляетъ частныхъ лицъ принимать въ ликвидацію названное платежное средство.

5) Манифестъ 1 (13) декабря 1890 г. о пріостановленіи приведенія въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія Финляндіи 19 декабря 1889 г. Этотъ манифестъ не былъ законодательнымъ актомъ, но временной лишь мѣрой правительства; онъ представляетъ собою нѣчто ненормальное, такъ какъ санкціонированный уже законъ объявлялся подлежащимъ частичнымъ измѣненіямъ, о чемъ должно бы было послѣдовать новое предложеніе слѣдующему сейму, а потому отмѣнялось вступленіе въ силу закона, срокъ дѣйствія котораго уже назначенъ былъ начаться съ 1 января 1892 г.

6) Постановленіе 16 февраля 1891 г. о правѣ русскихъ подданныхъ, кромѣ евреевъ, пріобрѣтать и владѣть недвижимымъ имуществомъ въ Финляндіи.

Изданіе этого постановленія лежало безспорно въ сферѣ правомочія финляндской правительственной власти.

7) Постановленіе 1 (13) августа 1891 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ порядка производства дѣлъ и замѣщенія должностей въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ Великаго Княжества Финляндскаго. Заключающееся въ 3 п. этого постановленія опредѣленіе, что русскіе чиновники могутъ назначаться на службу въ финляндскій статсъ-секретаріатъ и въ канцелярію генералъ-губернатора края, составляетъ отклоненіе отъ тѣхъ положеній основныхъ законовъ, § 10 Формы Пр. и п. 1 Акта С. и Б., по которымъ право финляндскаго гражданства есть непремѣнное условіе для поступленія на финляндскую государственную службу. Правительственная власть, слѣдовательно, превысила свое правомочіе, издавъ это постановленіе безъ согласія сейма.

8) Постановленіе 7 (19) декабря 1891 г. о мѣрахъ къ распространенію знанія русскаго языка среди должностныхъ лицъ въ Финляндіи. Одно изъ встрѣчаемыхъ здѣсь предписаній касается отдачи безусловнаго предпочтенія, при замѣщеніи должностей, лицамъ, владѣющимъ русскимъ языкомъ, если они впрочемъ удовлетворяютъ установленнымъ закономъ требованіямъ относительно права назначенія на должность; это опредѣленіе можетъ имѣть послѣдствіемъ, что лицо, въ сущности имѣющее менѣе заслугъ и менѣе предположеній для правильнаго отправленія должности по сравненію съ другими соискателями, получитъ предпочтеніе передъ ними, что не согласуется съ 4 п. Акта С. и Б., въ коемъ постановляется, что способность, заслуги и опытность составляютъ единственное правомѣрное основаніе для назначенія на всѣ должности въ краѣ.

9) Постановленіе 13 сентября 1892 г., заключающее въ себѣ регламентъ Императорскаго Финляндскаго Сената.

Это постановленіе составляетъ отчасти кодификацію нѣсколькихъ изданныхъ съ теченіемъ времени узаконеній, отчасти реформу извѣстныхъ прежнихъ опредѣле-

ній. Но принятыя сеймомъ 1809 г. главнѣйшія основы регламента 18 авг. 1809 г. всеже оставлены, о чемъ говорится во вступленіи къ новому постановленію. Слѣдовательно оно закономѣрно могло издаваться въ административномъ порядкѣ.

Что же слѣдуетъ изъ этихъ примѣровъ?

№ 1 должно исключить, ибо приведенное въ немъ мнѣніе государственнаго совѣта имѣетъ примѣненіе лишь въ Имперіи.

№ 2—4 и 6—9 суть всѣ акты финляндскаго, а не русскаго законодательства. Они состоялись по докладу министра статсъ-секретаря Финляндіи и обнародованы въ сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго. Слѣдовательно, г. С. совершенно неправильно называетъ ихъ мѣрами русскаго правительства и считаетъ доказательствомъ того, что и русскіе законы дѣйствуютъ въ Финляндіи. Въ томъ же порядкѣ возникъ и приводимый какъ 5 примѣръ манифестъ, который, однако, не былъ закономъ, но лишь правительственнымъ распоряженіемъ.

Совсѣмъ иное дѣло — что нѣкоторые изъ этихъ законодательныхъ актовъ, какъ-то: №№ 3, 7 и 8 были изданы административнымъ путемъ, несмотря на необходимость содѣйствія для этого сейма. По отношенію къ этимъ постановленіямъ, но не къ примѣрамъ №№ 2, 4, 6 и 9, г. С. правъ, приводя ихъ въ доказательство того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеймъ былъ устраненъ и что заявленія съ русской стороны, выступая, какъ бы, ходатаемъ русскихъ интересовъ, остались при этомъ рѣшающимъ. Но онъ не правъ въ своемъ мнѣніи, будто названное вліяніе было въ этихъ случаяхъ выраженіемъ „здраваго смысла“. Никогда здравая политика не можетъ заключаться въ томъ, что, для достиженія своихъ цѣлей, переступаютъ предѣлы дѣйствующаго права или же, поверхностнымъ и ложнымъ толкованіемъ источниковъ права, стараются инсинуа-

ціами вызвать у монарха неправильное пониманіе послѣднихъ.

Выиграли ли интересы Россіи или общегосударственные интересы въ дѣйствительности отъ трехъ означенныхъ законодательныхъ мѣръ, представляется, по меньшей мѣрѣ, сомнительнымъ. Очень трудно понять выгоду собственно для Россіи отъ того, что сборъ финляндскаго почтоваго вѣдомста за иностранную корреспонденцію повышенъ съ 25 пенни на неудобное число 27 пенни, — что столь желанное пониженіе почтоваго вѣсоваго сбора въ предѣлахъ Финляндіи затормозилось, — что работа русскаго почтоваго вѣдомства увеличена разсмотрѣніемъ финляндскихъ почтовыхъ дѣлъ, — и что русскій гербъ занялъ мѣсто финляндскаго герба на финляндскихъ почтовыхъ знакахъ. — Также трудно понять, какая польза для Россіи изъ того, что почти всѣ финскіе должностныя лица удалены изъ двухъ финляндскихъ учрежденій — статсъ-секретаріата и канцеляріи генералъ-губернатора, вслѣдствіе чего дѣла этихъ вѣдомствъ должны производиться безъ надлежащаго знанія законовъ и условій Финляндіи. Вѣдь эти вѣдомства, однако, звенья администраціи Великаго Княжества, а не Имперіи. А также при сношеніяхъ ихъ съ русскими властями для послѣднихъ было бы значительно полезнѣе, особенно при обсужденіи наиболѣе важныхъ вопросовъ, чтобы объясненія и отзывы давались имъ лицами, хорошо ознакомленными съ общественной жизнью и дѣлами Финляндіи. Нельзя не видѣть, въ какомъ превратномъ смыслѣ чаще всего употребляется сдѣлавшееся моднымъ выраженіе „общегосударственные“, или „общіе государственные интересы“. По справедливости, должно бы этимъ имѣть въ виду интересы какъ Россіи, такъ и Финляндіи; но въ дѣйствительности вовсе не думаютъ объ интересахъ Финляндіи. Интересы Финляндіи могутъ страдать сколько угодно и право ея попираться — ради импер-

скихъ интересовъ, или интересовъ исключительно Россіи. Но напрасно ищешь какъ въ частныхъ изданіяхъ, въ родѣ книжки г. С., такъ и въ оффиціальныхъ документахъ какого-либо разъясненія относительно дѣйствительнаго содержанія тѣхъ русскихъ интересовъ, которые, насколько они касаются и Финляндіи, не могутъ, яко-бы, быть надлежащимъ образомъ удовлетворены при примѣненіи установленнаго основными законами Финляндіи законодательства.

Вышеуказанныя распоряженія 1890 и 1891 г. не могли не вызвать тревоги въ Финляндіи. Многіе опасались, какъ бы они не предвѣщали измѣненія системы. Но если окинуть взглядомъ все время правленія Императора Александра III, то эти постановленія являются скорѣе лишь случайными тѣнями на ясной картинѣ праводушнаго правленія и плодотворной конституціонной совокупной работы правительственной власти и народнаго представительства.

Кромѣ вышеизложенныхъ примѣровъ, г. С. въ томъ же примѣчаніи ссылается также на акты 1899 и 1900 гг., хотя изъ послѣдней цитаты книжки его вытекаетъ, что примѣры его имѣютъ въ виду лишь время до 1893 г. Эти новые примѣры слѣдующіе:

10) Манифестъ и основныя постановленія 3 (15) февраля 1899 г. о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндіи, и

11) Манифестъ 7 (20) іюня 1900 г. о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство и переписку нѣкоторыхъ административныхъ учрежденій Великаго Княжества Финляндскаго.

Г. С. полагаетъ, что различіе между „мѣстными“ финляндскими законами и „общегосударственными“ было вполнѣ выяснено и опредѣлено манифестомъ и основными положеніями 3 (15) февраля 1899 г. Между тѣмъ граница, указанная въ этомъ отношеніи во 2 п.

„основныхъ положеній“ въ высшей степени шатка и неопредѣленна. Потому-то и въ п. 3 и 4 оставляется на Высочайшее благоусмотрѣніе in casu всякій возбужденный вопросъ о законодательствѣ по основнымъ положеніямъ. Въ п. 3 не указано, должны ли подлежащій министръ въ Имперіи и министръ статсъ-секретарь Финляндіи входить съ представленіемъ на Высочайшее рѣшеніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они оба согласны о необходимости предложенной одной изъ сторонъ законодательной мѣры, или также и въ случаяхъ разногласія ихъ при этомъ. Въ п. 5 предполагается, что, согласно дѣйствующему въ Финляндіи порядку, нѣкоторыя дѣла должны передаваться сейму на заключеніе. Но такихъ дѣлъ нѣтъ: отъ усмотрѣнія монарха зависитъ, требовать ли отзыва сейма въ вопросахъ по административному законодательству; во всѣхъ другихъ же законодательныхъ вопросахъ, требующихъ по основнымъ закономъ содѣйствія сейма, это соучастіе, опять-таки, не ограничено совѣщательной ролью подаванія отзыва; Земскимъ Чинамъ принадлежитъ, напротивъ, право постановить рѣшеніе: принять ли законопроектъ съ измѣненіями или безъ таковыхъ, или же, отвергнуть его. Построенный на невѣрномъ предположеніи п. 5, слѣдовательно, не можетъ въ дѣйствительности получить даже примѣненія, соотвѣтствующаго означеннымъ выше положеніямъ.

Независимо отъ указанныхъ формальныхъ недочетовъ, должно, по вопросу объ отношеніи этихъ актовъ къ финляндскому законодательству, принять во вниманіе единогласное заявленіе Земскихъ Чиновъ во всеподданнѣйшемъ ихъ отвѣтѣ Его Императорскому Величеству 27 мая 1899 г. Послѣ тщательнаго и исчерпывающаго разсмотрѣнія правовой стороны вопроса, въ этомъ отвѣтѣ говорится:

„что опредѣленный приложенными къ Высочайшему Манифесту (3/15 февраля 1899 г.) Основными По-

ложеніями порядокъ изданія законовъ, имѣющихъ воспріять дѣйствіе также и въ Финляндіи, противорѣчитъ финляндскимъ основнымъ законамъ и конституціи которою на основаніи оныхъ пользуется Финляндія"; и

„что Манифестъ и принадлежащія къ нему Основныя Положенія, какъ изданныя безъ согласія Земскихъ Чиновъ и вообще внѣ порядка, установленнаго основными законами края, не могутъ имѣть силы закона въ Финляндіи."

Г. С. въ своей книжкѣ изволилъ совершенно обойти молчаніемъ этотъ оффиціальный документъ, хотя онъ, будучи доступенъ въ печати также и въ русскомъ переводѣ, могъ бы во многомъ послужить ему полезнымъ и нужнымъ руководствомъ при изученіи имъ финляндскихъ правовыхъ вопросовъ. Подобное игнорированіе не согласуется съ научно-юридическимъ методомъ, примѣняемымъ, по собственнымъ словамъ автора, якобы, имъ.

11) Манифестъ о введеніи русскаго языка въ высшую администрацію Финляндіи — внушенный съ русской стороны — состоялся вопреки отзыву Сената. Комиссія русскихъ людей, подготовившихъ этотъ актъ, совершила болѣе, чѣмъ ошибку. Въ введеніи къ этому манифесту говорится, что Императоръ Александръ I повелѣлъ постепенное введеніе русскаго языка какъ главнаго, въ дѣлопроизводство по управленію Финляндіей. Это историческое изложеніе невѣрно. Дѣйствительно есть документъ, отъ 19 ноября 1808 г., а именно проектъ положенія о временномъ учрежденіи главнаго правленія въ Финляндіи; въ 6-мъ пунктѣ этого проекта говорится: „Всѣ дѣла производить на нынѣ употребляемомъ въ Финляндіи языкѣ, доколѣ не войдетъ въ употребленіе Россійскій". Этотъ планъ организаціи былъ одобренъ Государемъ, но не приведенъ въ исполненіе. Ибо прежде, чѣмъ объ этомъ могла зайти рѣчь, Императоръ Александръ I окончательно остановился по

отношенію къ Финляндіи на той политикѣ, которая получила выраженіе въ созывѣ Земскихъ Чиновъ на общій сеймъ, въ изданіи манифеста 15 (27) марта 1809 г. съ удостовѣреніемъ сохраненія въ неприкосновенности основныхъ законовъ Финляндіи, а также въ организаціи правленія Великаго Княжества изданіемъ регламента Правительствующему совѣту 18 августа 1809 г. Изданіемъ этого регламента никогда не осуществленный планъ 19 ноября 1808 г. во всѣхъ своихъ частяхъ потерялъ всякое значеніе связывающаго государственнаго акта. Монархъ, слѣдовательно, отказался отъ выраженной имъ во временномъ планѣ мысли о введеніи въ будущемъ русскаго языка какъ оффиціальнаго въ Великомъ Княжествѣ. — Другая и еще болѣе капитальная ошибка заключается въ предположеніи возможности найти достаточное число компетентныхъ лицъ съ полнымъ знаніемъ русскаго языка для замѣщенія высшихъ должностей администраціи Финляндіи. Конечно, многіе изъ финляндцевъ въ теченіе продолжительной службы офицерами въ Россіи научились свободно говорить по-русски. Другіе же основательно изучали русскій языкъ для своего обезпеченія въ качествѣ учителей этого языка или переводчиковъ. Но если и случается, что иной военный или бывшій военный оказывается подходящимъ для той или другой гражданской должности, то всеже, по общему правилу, мѣста въ администраціи должны довѣряться лицамъ, которыя юридическими испытаніями и предшествовавшею службою въ томъ или другомъ вѣдомствѣ доказали свою компетентность для даннаго назначенія. Между этими лицами болѣе обширное знаніе трудно поддающагося русскаго языка всегда будетъ крайне рѣдкимъ исключеніемъ; подобное знаніе не можетъ быть усвоено уроками въ школѣ, разъ всякой практики русскаго языка въ повседневной жизни положительно не достаетъ въ Финляндіи, гдѣ лишь самое ничтожное число переселившихся изъ Рос-

сіи русскихъ употребляютъ въ разговорѣ этотъ языкъ. — Наиважнѣйшимъ же изъ означенныхъ промаховъ есть тотъ, который сдѣланъ въ правовомъ отношеніи: безусловнымъ правомъ финскаго народа, обоснованнымъ какъ на положительномъ законѣ, такъ и на общедѣйствительныхъ правовыхъ принципахъ, представляется то, что оба языка — финскій и шведскій —, которые составляютъ національные языки въ Финляндіи, должны быть и языками государственной администраціи края. Уваженіе до сихъ поръ этого права не препятствовало тому, чтобы, путемъ частичнаго примѣненія русскаго языка въ нѣкоторыхъ финляндскихъ присутственныхъ мѣстахъ, удовлетворялась то практическая потребность въ этомъ языкѣ, которая явилась слѣдствіемъ соединенія страны съ Россіей. — Впрочемъ, совершенно непостижимо, какіе фактическіе государственные интересы выгодали бы отъ подавленія туземныхъ языковъ и возбужденія этимъ самымъ ожесточенія въ Финляндіи.

Ближайшее изложеніе этихъ вопросовъ заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста; но и сказаннаго, казалось бы, достаточно, чтобы, въ противоположность г. С., доказать, что вмѣшательство и совѣты русскихъ людей въ финляндскія дѣла не всегда проявляли „здравый смыслъ“, восхваляемый г. С., — также и не всегда обнаруживали то точное знаніе условій, на которомъ должно быть основано всякое представленіе о мѣропріятіяхъ верховной власти.

Послѣ приведенныхъ нами на стр. 128 строкъ, гдѣ г. С. говоритъ, что финляндскіе члены особой конференціи, подъ предсѣдательствомъ Бунге, заявили, что въ Финляндіи дѣйствительны лишь финляндскіе законы, онъ заканчиваетъ VII главу слѣдующимъ образомъ:

„Это заявленіе можно считать послѣднимъ, которое могло еще имѣть подъ собою какую либо почву добросовѣстныхъ соображеній, хотя бы и основанныхъ на

недоразумѣніи прошлыхъ лѣтъ. Труды Особаго Совѣщанія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге и Высочайшее повелѣніе 9 марта 1893 года привели къ несомнѣнному разъясненію вопроса о различіи мѣстныхъ финляндскихъ и общегосударственныхъ законовъ въ указанномъ выше смыслѣ".

„Старое недоразумѣніе было разъяснено и разрѣшено окончательно. Высочайшее повелѣніе 9 марта 1893 года не оставило никакого сомнѣнія въ томъ, что законы общегосударственнаго интереса не могутъ принадлежать къ категоріи „основныхъ (или коренныхъ) законовъ" Финляндіи, что къ числу сихъ послѣднихъ могутъ принадлежать исключительно законы мѣстные или мѣстнаго значенія. Отсюда можетъ быть сдѣланъ одинъ только выводъ: ни Манифесты, ни правила Сеймоваго Устава, опредѣляющіе порядокъ изданія финляндскихъ законовъ, не касаются законовъ общегосударственныхъ, а относятся лишь къ мѣстнымъ финляндскимъ законамъ".

„Таково было положеніе дѣла при вступленіи на престолъ Государя Императора Николая II. Изъ сего явствуетъ, что Манифестъ 25 октября (6 ноября) 1894 года ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть толкуемъ въ смыслѣ примѣненія даннаго въ немъ обѣщанія ко всякаго рода законамъ, дѣйствующимъ и примѣняемымъ въ Финляндіи, какъ мѣстнымъ, такъ и общегосударственнымъ. Поэтому, съ полною увѣренностью можно сказать, что всѣ попытки возражать противъ новаго порядка изданія общегосударственныхъ законовъ ссылками на Манифесты и Удостовѣренія не заслуживаютъ въ наши дни никакого уваженія".

Научно-юридическій методъ г. С. выступаетъ здѣсь во всемъ своемъ блескѣ.

Высочайшее повелѣніе 9 марта 1893 г. выше приведено г. С. дословно (см. выше стр. 33). Оттуда узнаемъ, что Императоръ Александръ III вовсе не раз-

сматривалъ а еще менѣе не рѣшалъ возбужденнаго русскими членами столь часто упоминаемаго особаго совѣщанія вопроса о законодательномъ актѣ, относительно порядки изданія законовъ, общихъ для Имперіи и Великаго Княжества. Государь лишь повелѣлъ внести на разсмотрѣніе государственнаго совѣта какъ проектъ большинства, такъ и существенно уклонившійся отъ него отзывъ меньшинства членовъ особаго совѣщанія.

Такимъ образомъ представилась возможность, чтобъ государственный совѣтъ утвердилъ проектъ большинства и чтобъ мнѣніе государственнаго совѣта было Высочайше одобрено.

Но возможно было также, что хорошо мотивированное заключеніе меньшинства было бы принято во вниманіе государственнымъ совѣтомъ и что совѣтъ, сообразно съ этимъ, предложилъ бы, съ одной стороны, опредѣленіе или ограниченіе въ новомъ законѣ для дѣлъ, которыя надлежало бы разсматривать, какъ общегосударственныя, а, съ другой стороны, дальнѣйшее разрѣшеніе вопроса въ соотвѣтствіи съ основными законами Финляндіи.

Наконецъ возможно было и то, что предположенное законодательное мѣропріятіе всецѣло призналось бы не умѣстнымъ, какъ это въ дѣйствительности и было высказано въ Высочайшей резолюціи отъ 11 февраля 1895 г., хотя и нѣсколько лѣтъ спустя удалось снова поднять этотъ проектъ (см. выше стр. 35).

Всѣ эти возможности были на лицо послѣ Высочайшаго повелѣнія 9 марта 1893 г. Вопросъ находился еще въ первоначальной стадіи; онъ лежалъ въ государственномъ совѣтѣ и вовсе не подвергался затрагиванію тамъ въ остальное время царствованія Императора Александра III.

И тѣмъ не менѣе г. С. позволяетъ себѣ представлять названное Высочайшее повелѣніе какъ заключаю-

щее въ себѣ несомнѣнное рѣшеніе вопроса о общегосударственныхъ законахъ и ихъ разсмотрѣніи, въ различіе отъ „мѣстнаго“ финляндскаго законодательства. Этимъ онъ открыто посягнулъ на историческую правду.

Но этого мало. Изъ словъ г. С. видно, почему онъ приписываетъ Высочайшему повелѣнію 9 марта 1893 г. рѣшающее значеніе, котораго оно въ дѣйствительности не имѣло. Это дѣлается съ цѣлью вывести отсюда заключеніе, будто возобновленное въ Высочайшемъ удостовѣреніи 25 октября (6 ноября) 1894 г. обѣщаніе хранить въ ненарушимой и непреложной силѣ и дѣйствіи основные законы Финляндіи — имѣетъ лишь условное или ограниченное значеніе. Но разъ посылка не вѣрна, то и заключительный выводъ не основателенъ.

Это относится также и къ послѣдней изъ его дедукцій. Высочайшее повелѣніе 9 марта 1893 г., какъ извѣстно, не было до сихъ поръ опубликовано, впервые это дѣлаетъ теперь г. С. Уже вслѣдствіе этого, упомянутое повелѣніе, — если бы даже оно въ дѣйствительности и имѣло тотъ смыслъ и значеніе, которые ему ложно приписываетъ г. С., — не могло служить актомъ, обязательнымъ для публики и ея образа мыслей. Кромѣ того, въ Финляндіи не оставались въ невѣдѣніи о томъ, что проектъ большинства членовъ Бунгескаго совѣщанія, — будучи далекъ отъ непосредственнаго одобренія монарха, — былъ оставленъ въ зависимости отъ дальнѣйшаго его разсмотрѣнія. Повелѣніе 9 марта 1893 г. никоимъ образомъ не могло ослабить право финскаго народа на сохраненіе порядка законодательства, установленнаго основными законами равно и на сужденіе, сообразно съ этимъ, всякаго уклоненія отъ означеннаго порядка.

VIII.

Дѣйствіе въ Финляндіи русскихъ законовъ, изданныхъ въ общемъ порядкѣ.

„Заявленія финляндскихъ политиковъ о томъ, что въ Финляндіи должны имѣть дѣйствіе только финляндскіе законы, представляя собою, согласно вышеуказанному, простое недоразумѣніе по существу вопроса, тѣмъ не менѣе продолжаютъ повторяться. Нѣкоторые изъ финляндскихъ политиковъ соглашаются, впрочемъ, сдѣлать уступку: они допускаютъ дѣйствіе русскихъ законовъ, но лишь законовъ, относящихся до внутренняго быта размѣщенныхъ въ краѣ русскихъ войскъ и до консульскихъ учрежденій, причемъ объясняютъ такую уступку принципами экстерриторіальности. Такимъ образомъ, Финляндія, по ихъ мнѣнію, оказывается не только государствомъ особаго типа или обломкомъ государства, но даже настоящимъ иностраннымъ государствомъ по отношенію къ Россіи".

Въ этомъ отрывкѣ, начинающемъ VIII главу, встрѣчаются слѣдующія неправильности:

1) Упомянутыя заявленія не зависятъ отъ какого-нибудь недоразумѣнія; они основаны на положительномъ правѣ и его девятидесятилѣтнемъ примѣненіи.

2) Не только нѣкоторые изъ финляндскихъ политиковъ соглашаются съ наличностью исключеній изъ правила, — всѣ соглашаются съ этимъ; но при этомъ они могутъ также констатировать, что свойство исключеній не отмѣняетъ, а, напротивъ, подтверждаетъ общее правило.

3) Исключенія, признанныя подобающими, относятся не только къ русскимъ войскамъ и консульскимъ учрежденіямъ, но и къ нѣкоторымъ другимъ русскимъ учрежденіямъ.

4) Если кѣмъ-либо была указана аналогія между примѣненіемъ принципа экстерриторіальности и тѣмъ фактическимъ, основаннымъ на природѣ вещей, обстоятельствомъ, что русскія учрежденія въ Финляндіи подчиняются русскимъ законамъ, то такая аналогія не совершенно лишена основанія; это фактическое отношеніе состоитъ именно въ томъ, что общее правило, согласно которому одни лишь финляндскіе законы имѣютъ силу на финляндской территоріи, не касается упомянутыхъ учрежденій. Но какого бы мнѣнія ни держаться относительно теоретической обоснованности или необоснованности подобной аналогіи, однако, совершенно вѣрно, что финляндскіе политики или юристы никогда не высказывали мнѣнія, будто Финляндія иностранное государство по отношенію къ Россіи. Г. С. не можетъ найти ни въ финляндской политической и юридической литературѣ, ни въ оффиціальныхъ финляндскихъ актахъ ни одного заявленія, которое давало бы ему право на приведенную инсинуацію. Утверждалось: Финляндія въ международномъ отношеніи составляетъ часть россійскаго государства, — или: несмотря на свою государственно-правовую обособленность отъ Имперіи, Великое Княжество по отношенію къ иностраннымъ державамъ есть часть россійской державы, — или же: отношеніе Финляндіи къ иностраннымъ державамъ зависитъ

отъ отношенія Имперіи и является одинаковымъ съ послѣднимъ.

5) Названіе „обломокъ государства“ г. С. не могъ найти ни у одного финляндскаго автора. Оно придумано нѣмецкимъ законовѣдомъ, но, насколько извѣстно, никѣмъ другимъ не одобрено.

Г. С. продолжаетъ:

„Нынѣ, послѣ всѣхъ тѣхъ разъясненій, которыя происходили при законодательныхъ работахъ послѣдняго времени, считать такое заявленіе простымъ недоразумѣніемъ bona fide мы уже не можемъ. Мы вправѣ счесть его сознательнымъ лжеученіемъ, которое не заслуживаетъ даже и опроверженій. Но къ сожалѣнію оно принадлежитъ къ числу тѣхъ общихъ формулъ или фразъ, которыя будучи весьма мало содержательны и совершенно бездоказательны, тѣмъ не менѣе отличаются способностью дѣйствовать на массу исключительно въ силу соблазнительной политической тенденціи, въ нихъ заключающейся. Поэтому считаемъ необходимымъ кратко остановиться на этомъ вопросѣ въ отдѣльности“.

Каковы тѣ „разъясненія, которыя происходили при законодательныхъ работахъ послѣдняго времени“? Г.С. подразумѣваетъ подъ этимъ очевидно, то заключеніе, которое въ 1893 году было выработано большинствомъ засѣдавшаго подъ предсѣдательствомъ г. Бунге особаго совѣщанія, — это можно предположить на основаніи цитированнаго мною на стр. 138—139 заявленія. Но упомянутое заключеніе не было опубликовано и, поэтому, оно не могло руководить ничьимъ мнѣніемъ — будь это мнѣніе финляндскихъ политиковъ или другихъ лицъ. Слѣдуетъ замѣтить, что это заключеніе въ главныхъ частяхъ не одобрялось меньшинствомъ (4 члена противъ 5), компетентность котораго по данному вопросу, по крайней мѣрѣ, равнялась компетентности большинства. Кромѣ того, къ актамъ совѣщанія относился

выработанный Финляндскимъ Сенатомъ проектъ кодифицированнаго основнаго закона; этотъ проектъ былъ всецѣло построенъ на дѣйствующемъ правѣ, и въ немъ г. С., — ежели онъ не желалъ умышленно игнорировать всѣ неудобные для него источники — могъ бы прочесть, что „управленіе Финляндіей исполняется по финляндскимъ законамъ".

Можетъ-быть, онъ относитъ къ этимъ разъясненіямъ тѣ изданія, которыя составлены назначенной при канцеляріи русскаго Государственнаго Совѣта и находящейся подъ руководствомъ г. Сергѣевскаго „Временной коммиссіей для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ". Какъ видно изъ одного примѣчанія въ брошюрѣ автора, эта коммиссія опубликовала въ 1900 году указатель статей свода законовъ россійской Имперіи, относящихся до Финляндіи, и списки относящихся до Финляндіи статей сводовъ военныхъ и морскихъ постановленій. Но эти труды, — также недоступные публикѣ, — отнюдь не являются законодательными трудами. Какую доказательную силу они могутъ представлять для подкрѣпленія утвержденія автора, будто сознательнымъ лжеученіемъ является ученіе, что въ Финляндіи, за нѣкоторыми спеціальными исключеніями, лишь финляндскій законъ имѣетъ силу, — это сейчасъ выяснится при разсмотрѣніи доводовъ, приведенныхъ имъ при ссылкѣ на только что упомянутые указатели и списки. Симъ я снова предоставляю слово г. С.

„Съ перваго дня подчиненія Финляндіи русской Верховной власти начали дѣйствовать, дѣйствуютъ нынѣ и впредь будутъ дѣйствовать въ Финляндіи, рядомъ съ мѣстнымъ законодательствомъ, многіе русскіе законы, издаваемые въ общемъ порядкѣ, т. е. безъ участія Финляндскаго Сейма и другихъ финляндскихъ властей. Они во множествѣ заключаются въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, введены въ

Сводъ Законовъ и въ Сводъ Военныхъ и Морскихъ Постановленій*). Таковы прежде всего" — далѣе слѣдуютъ тѣ доказательства, которыя я буду разсматривать каждое въ отдѣльности:

„Основные Государственные Законы Россійской Имперіи (Свод. Зак. Т. I)."

Г. С., повидимому, держится того взгляда, что означенные основные законы русскаго государства въ полномъ объемѣ имѣютъ силу и въ Финляндіи. Но это утвержденіе невѣрно.

Такъ какъ Императоръ, законно занимающій россійскій престолъ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Великій Князь Финляндскій, то изъ этого слѣдуетъ, что все, что въ сводѣ основныхъ законовъ Имперіи постановлено о порядкѣ наслѣдія престола (II, ст. 3—17), о совершеннолѣтіи Императора, о правительствѣ и опекѣ (III, ст. 18—30), о вступленіи на престолъ и о присягѣ подданства**) (IV, ст. 31—34), а также о священномъ короноваціи (V, ст. 35, 36) имѣетъ силу и для Финляндіи. Всякій понимаетъ, что престолонаслѣдіе со всѣмъ сюда относящимся должно быть единаго дѣйствія на всемъ пространствѣ державы россійскаго императора. Это не противорѣчитъ ни тому общему правилу, что въ Финляндіи имѣютъ силу одни лишь финляндскіе законы, ни сохраненному въ 1809 году за Финляндіей конституціонному образу правленія. Если бы, не одна Финляндіи, а нѣсколько странъ, съ различными государственными установленіями въ прочемъ, были соединены съ русскимъ первенствующимъ государствомъ, то при каждомъ подобномъ соединеніи было бы само собой

---

*) Въ этомъ-то мѣстѣ г. С. ссылается на вышеупомянутые труды временной коммиссіи.

**) Статья 34 въ кратцѣ такова: „Каждый присягаетъ по своей вѣрѣ и закону". Слѣдовательно, здѣсь предполагается примѣненіе различныхъ формъ присяги.

понятно, что порядокъ престолонаслѣдія установленъ основнымъ закономъ Имперіи.

То же едино-дѣйствующее значеніе имѣютъ и постановленія, о титулѣ Императорскаго Величества (VI, ст. 37, 38).

Иначе, напротивъ, обстоитъ дѣло съ остальными частями перваго раздѣла россійскихъ основныхъ законовъ.

Постановленія о существѣ Верховной самодержавной власти (I, 1, 2) не имѣютъ силы въ Финляндіи, такъ какъ монархическая власть въ Финляндіи есть власть, ограниченная законами и установленнымъ въ основномъ законѣ порядкомъ законодательства и самообложенія*). Глава о вѣрѣ (VII, ст. 40—46) не примѣнимо въ Финляндіи. — Глава о законахъ (VIII, ст. 47—79) во всѣхъ своихъ частяхъ предназначена исключительно для Имперіи (ср. съ приведеннымъ мною на стр. 124—125). Глава о власти верховнаго управленія (IX, ст. 80, 81) также не касается Финляндіи.

---

*) Доказательства этому наполняютъ всю мою критику брошюры г. С., посвященной тенденціи выставленія существованія финляндской конституціи, якобы, сомнительнымъ. Для г. Сергѣевскаго я хочу привести еще одно доказательство: — манифестъ и основныя положенія 3/15 февраля 1899 года. Если бы законодательная власть въ Финляндіи была на дѣлѣ самодержавной, то никому не могла бы притти въ голову мысль, чтобъ часть финляндскихъ законодательныхъ дѣлъ, — а именно тѣ, которыя считаются относящимися къ интересамъ, общимъ для обѣихъ странъ, — должна быть отдѣленной отъ дѣйствующаго въ Финляндіи законодательнаго порядка и подчиняться процедурѣ, сводящейся къ рѣшенію самодержавной власти. Таково уже вообще положеніе вещей, что всякое мѣропріятіе, направленное къ измѣненію опредѣленнаго порядка, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ существованія этого самаго порядка. Поэтому-то и очевидно, что правонарушенія налицо разъ измѣненіе законодательнаго порядка совершается другимъ, а не опредѣленнымъ въ этомъ самомъ порядкѣ, путемъ.

Второй раздѣлъ россійскихъ основныхъ законовъ заключаетъ учрежденіе объ Императорской Фамиліи (гл. I—V, ст. 82— 203). Вопросъ о томъ, до какой степени должно считать опредѣленія этого раздѣла дѣйствующимъ въ Финляндіи закономъ, настолько является вопросомъ исключительно теоретическаго характера, что не представляется надобности здѣсь разсматривать его подробнѣе.

На основаніи изложеннаго я, въ противоположность г. С., констатирую, что основные законы Имперіи не заключаютъ въ себѣ никакихъ такихъ опредѣленій, которые находили бы примѣненіе въ исполненіи государственной власти въ Великомъ Княжествѣ*).

Второе приведенное г. С. фактическое доказательство или примѣръ слѣдующее:

„Всѣ трактаты, законы и акты, касающіеся международныхъ сношеній и консульской части".

И здѣсь ошибся г. С. Хотя Финляндія въ международномъ отношеніи и составляетъ часть россійскаго государства и хотя иностранныя дѣла и вѣдаются имперскими функціонерами, однако, то обстоятельство, что въ Финляндіи дѣйствуютъ одни лишь финляндскіе законы, имѣло необходимымъ послѣдствіемъ обнародованіе въ Сборникѣ постановленій Финляндіи всѣхъ такихъ договоровъ, которые вызываютъ примѣненіе или соблюденіе также со стороны финляндскихъ властей или жителей или кои иначе могутъ касаться Великаго Княжества; вслѣдствіе этого они и слились съ финлянд-

*) Вышеупомянутая, засѣдающая подъ предсѣдательствомъ г. С., „Временная коммиссія" перечислила въ своемъ упомянутомъ указателѣ статей свода россійскихъ законовъ, касающихся до Финляндіи, лишь статьи 4, 37 и 39 основныхъ законовъ Имперіи. Это — ошибка, но въ противоположномъ направленіи по сравненію съ совершенной г. С., когда онъ въ своей брошюрѣ дѣлаетъ общее утвержденіе о дѣйствіи русскихъ основныхъ законовъ (а, слѣдовательно, и всѣхъ постановленій въ нихъ) и въ Финляндіи.

скимъ законодательствомъ. Но немало заключенныхъ Россіей договоровъ — въ особенности съ азіатскими державами — не считались касающимися Финляндіи, а потому не были здѣсь обнародованы: они не относятся къ области дѣйствующаго въ Финляндіи права. Слѣдуетъ также замѣтить, что требуется отзывъ Финляндскаго Сената относительно проектовъ такихъ трактатовъ, которые могутъ касаться финляндскаго закона или финляндскихъ итересовъ, а также, что во многихъ трактатахъ внесены особые пункты, касающіеся Финляндіи. Что же касается уставовъ для консуловъ россійскаго государства, то они обнародываются также и въ Финляндіи; благодаря этому они получаютъ обязательную силу для финляндскихъ гражданъ и властей.

Третій примѣръ: „всѣ законы и постановленія военные и вообще относящіеся къ внѣшней защитѣ государства".

Ссылкой на этотъ примѣръ г. С. высказалъ совершенно неправильное представленіе того, что подразумѣвается подъ дѣйствующимъ въ данной странѣ закономъ.

Правовая дѣйствительность или дѣйствующая сила закона выражается въ томъ, что суды и остальныя власти страны должны при судопроизводствѣ и управленіи примѣнять постановленія закона въ тѣхъ случаяхъ и дѣлахъ, къ которыхъ относятся эти постановленія, а также и въ томъ, что каждый обыватель страны, — равно и всякій пребывающій на территоріи данной страны иностранецъ, если только особымъ правовымъ основаніемъ не обусловлено иначе — обязанъ подчиняться предписаніямъ или запрещеніямъ закона въ тѣхъ правовыхъ дѣлахъ и въ остальныхъ дѣйствіяхъ, для коихъ эти предписанія или запрещенія предназначены.

Такой дѣйствующей силой въ Финляндіи не отличается ни одинъ изъ русскихъ военныхъ законовъ и

ни одно изъ постановленій, относительно которыхъ г. С. утверждаетъ, будто они представляютъ дѣйствующіе въ Финляндіи законы. Они предназначены исключительно для службы, порядка и хозяйства расположенныхъ въ Финляндіи русскихъ войскъ и военныхъ учрежденій. Финляндскимъ властямъ и чиновникамъ не вмѣнено въ обязанность примѣненіе упомянутыхъ законовъ и постановленій; имъ, поэтому, не нужно даже знать ихъ. Также мало ихъ опредѣленія касаются частныхъ лицъ въ Финляндіи, не принадлежащихъ къ русскимъ войскамъ. Подчиненіе расположенныхъ въ Финляндіи русскихъ войскъ русскому закону соотвѣтствуетъ общему правовому принципу. Но согласно постановленію 18 февраля 1816 года русскіе военные въ предѣлахъ Финляндіи подчинены финляндскому закону въ гражданскихъ дѣлахъ внѣ службы. Да и въ военныхъ дѣлахъ не-частнаго характера долженъ примѣняться финляндскій законъ, коль скоро они затрогиваютъ частное право въ Финляндіи или дѣла, составляющія предметъ компетенціи финляндскихъ властей. Если, напримѣръ, должна состояться экспропріація земли для устройства укрѣпленія или лагернаго мѣста, то финляндскимъ властямъ надлежитъ вести это дѣло съ владѣтелемъ земли согласно финляндскому закону объ экспропріаціи. Изъ того общаго правила, что русскіе воинскіе чины, внѣ службы, подчинены финляндскому закону, допущено въ уголовно-правовомъ отношеніи одно исключеніе: „Всѣ военнослужащіе войскъ Россійскихъ, въ Финляндіи расположенныхъ, по преступленіямъ, какъ въ порядкѣ службы ихъ, такъ и въ отношеніи къ жителямъ сего края учиненнымъ, подлежатъ вѣдомству военнаго суда“. Но это исключеніе установлено финляндскимъ закономъ, а именно вышеупомянутымъ постановленіемъ 1816 года, „о судопроизводствѣ, соблюдаемомъ между военными чинами расположенныхъ въ Финляндіи Россійскихъ войскъ и жите-

лями оной". И это постановленіе въ своихъ 36 параграфахъ тщательно упорядочилъ вопросъ съ тѣмъ, чтобы упомянутое исключеніе не ослабляло правовой защиты, принадлежащей жителямъ края по уголовнымъ и судебнымъ законамъ Финляндіи*).

Четвертый примѣръ: „Затѣмъ, силу закона имѣютъ и примѣняются на территоріи Финляндіи всѣ положенія Святѣйшаго Синода и иныя узаконенія, опредѣляющія управленіе Финляндской и Выборгской православной епархіи, церковное управленіе и духовныя дѣла православныхъ монастырей, приходовъ и православныхъ жителей Финляндіи; духовныя дѣла финляндцевъ-католиковъ и другихъ инославныхъ исповѣданій управляются по законамъ Устава Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій (Свод. Зак. т. XI)".

Если бы этотъ примѣръ, дѣйствительно, доказывалъ, что въ Финляндіи имѣютъ силу не только финляндскіе, но и русскіе законы, то можно бы утверждать, что во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ римско-католическіе приходы, дѣйствуютъ законы не только самой страны, но и изданные папой законы. Однако я полагаю, что г. Сергѣевскій подвергся бы довольно неблагопріятному сужденію, если бы онъ вздумалъ, напримѣръ, противъ англійскихъ юристовъ направить обвиненіе въ проповѣдываніи „сознательнаго лжеученія", когда они утверждаютъ, что въ Англіи имѣетъ силу лишь англійскій законъ, хотя и папа, вѣдь, издаетъ законы, касающіеся духовныхъ дѣлъ англичанъ-католиковъ.

*) Для полноты здѣсь отмѣтимъ, что въ финскихъ войскахъ примѣнялись не только финляндскіе законы и постановленія, но и русскіе уставы службы и ученья. Но подобные уставы относятся, согласно финляндскому правовому понятію, не къ области законодательной, а къ т. н. строевымъ вопросамъ. Кромѣ самой воинской повинности (прежде поселенной системы), уголовно-правовое дѣло, а также военное управленіе и хозяйственная часть въ финскомъ войскѣ были упорядочены финляндскими законами.

Приведенная аналогія освѣщаетъ надлежащимъ образомъ отношеніе, въ коемъ находятся постановленія Святѣйшаго Синода въ С.-Петербургѣ къ финляндскому законодательству. Въ финляндскомъ общественномъ правѣ и въ финляндской правительственной политикѣ сдѣлалось принципомъ, чтобы православная церковь пользовалась во всѣхъ отношеніяхъ независимымъ положеніемъ и чтобы относительно ея не издавалось никакихъ постановленій, которые бы касались ея церковныхъ и духовныхъ дѣлъ, предоставленныхъ руководству Святѣйшаго Синода. Но положенія Святѣйшаго Синода не являются законами для финляндскихъ властей, а также и не для отдѣльныхъ лицъ въ краѣ православнаго вѣроисповѣданія, относительно ихъ гражданскихъ или свѣтскихъ дѣлъ. Внѣшняя же организація и правовыя отношенія православныхъ, или, какъ здѣсь говорятъ, греко-россійскихъ приходовъ урегулированы финляндскими законами, изъ которыхъ особенно слѣдуетъ упомянуть постановленіе 5 марта 1883 года.

Пятый примѣръ: „Далѣе русскія періодическія изданія въ Финляндіи подчиняются дѣйствію русскихъ законовъ о печати (Свод. Зак. т. XIV)“. Это исключеніе касается не только періодическихъ, а всѣхъ вообще выходящихъ въ Финляндіи на русскомъ языкѣ изданій. Но г. С. упустилъ изъ виду, что это исключеніе имѣетъ правовое основаніе въ точномъ положеніи финляндскаго закона а именно въ § 3 постановленія 31 мая 1867 года „о сочиненіяхъ выходящихъ въ Финляндіи на иныхъ языкахъ, чѣмъ шведскій и финскій, и о заграничной печати“ *).

*) Въ практическомъ отношеніи это исключеніе имѣетъ минимальное значеніе, въ виду того, что въ Финляндіи издается всего лишь одна русская газета, возникшая къ тому же не по частной иниціативѣ, а книгъ или брошюръ на русскомъ языкѣ напечатано въ Финляндіи лишь самое незначительное количество.

Шестой примѣръ: „Финляндскій правительственный телеграфъ (кромѣ желѣзнодорожнаго) подчиняется дѣйствію русскихъ почтово-телеграфныхъ узаконеній".

Дѣйствительно, основанное на русскія государственныя средства, первоначально съ военными цѣлями, — это учрежденіе сообщенія осталось собственностью русскаго государства, управляющеюся по русскимъ уставамъ, подобно тому какъ желѣзнодорожная линія Бѣлоостровъ-Петербургъ есть финляндская государственная собственность и управляется по финляндскимъ уставамъ. Что же касается правового положенія телеграфа въ Финляндіи, то оно было однороднымъ съ положеніемъ, имѣвшимъ силу для заведеній русской казны въ Выборгской губерніи согласно финляндскому постановленію 11 декабря 1817 г., которое гласитъ: „. . . . чтобъ всѣ опредѣленные къ вышеозначеннымъ по Выборгской губерніи казеннымъ заведеніямъ чиновники, служители и рабочіе люди, — во всемъ, что непосредственно не относится до внутренняго управленія и хозяйства сихъ заведеній, соблюдали въ точности дѣйствующіе въ Финляндіи общіе законы и постановленія, исполняя при томъ всѣ распоряженія установленныхъ Нами въ губерніи должностныхъ лицъ, какія могутъ отъ оныхъ послѣдовать для приведенія въ дѣйствіе предписаній законовъ и по дѣламъ общаго устройства или полиціи ...."

Высочайшимъ объявленіемъ 26 февраля 1866 г. постановлено, что по вопросу о привлеченіи служащихъ на телеграфѣ лицъ къ финляндскому суду, а также о взиманіи долговыхъ претензій должно поступать по постановленію 18 февраля 1816 г. (См. выше). Слѣдуетъ присовокупить, что правовое огражденіе отъ поврежденій всевозможныхъ родовъ, которымъ можетъ подвергаться телеграфъ, опредѣлено финляндскимъ закономъ, — изданнымъ при содѣйствіи Сейма постановленіемъ 24 ноября 1864 г., — а также и Уголовнымъ закономъ 19 декабря 1889 г.

Седьмой примѣръ: „Устройство и управленіе учебныхъ заведеній въ Финляндіи, состоявшихъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія по С.-Петербургскому учебному округу, опредѣляется точно также общими русскими законами".

Возникновеніе этихъ учрежденій обусловлено попеченіемъ русскаго правительства объ удовлетвореніи школьной потребности для дѣтей расположенныхъ въ Финляндіи русскихъ военныхъ, — при чемъ, разумѣется, со стороны финляндскаго правительства не выставлялось никакихъ затрудненій; означенныя учрежденія занимаютъ въ правовомъ отношеніи положеніе, сходное въ общихъ чертахъ съ положеніемъ, изложеннымъ по поводу примѣровъ 3 и 6. И финляндскимъ закономъ, постановленіемъ 15 августа 1895 г., установлено отношеніе подобныхъ учебныхъ заведеній къ финляндскимъ административнымъ властямъ.

Приведя эти примѣры, которые, — какъ читатель увидѣлъ, — не доказываютъ общаго его положенія, г. С. присовокупляетъ:

„Перечислить исчерпывающимъ образомъ всѣ тѣ обыкновенные или общіе русскіе законы, разныхъ формъ и видовъ, кои имѣютъ въ томъ или другомъ объемѣ силу и примѣненіе въ Финляндіи, нѣтъ никакой возможности; они не суть, конечно, мѣстные Финляндскіе законы, но въ то же время они не принадлежатъ и къ числу тѣхъ общегосударственныхъ законовъ, порядокъ изданія которыхъ опредѣленъ Манифестомъ 3 февраля 1899 года, — они суть просто русскіе законы. Примѣненіе ихъ въ Финляндіи опредѣляется не какимъ либо спеціальнымъ закономъ, а самымъ существомъ ихъ, а также положеніемъ Финляндіи, какъ нераздѣльной части Россійскаго Государства, и притомъ очень часто безъ всякаго особаго указанія законодателя; примѣненіе это началось, какъ мы сказали выше,

съ перваго дня завоеванія Финляндіи, и не встрѣчало и не могло встрѣтить никакихъ препятствій".

„При этомъ всѣ означенные законы примѣнялись и примѣняются въ Финляндіи не только въ своемъ первоначальномъ текстѣ, но и въ кодифицированной формѣ. Большинство ихъ даже не было и распубликовано въ Финляндіи, т. е. не заслушивалось въ Финляндскомъ Сенатѣ и не было напечатано въ Сборникахъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго".

„Возможно ли послѣ этого говорить, что „въ предѣлахъ Финляндіи дѣйствуютъ только финляндскіе законы?""

Я въ свою очередь присоединю къ семи приведеннымъ г. С. примѣрамъ еще восьмой:

Русское министерство финансовъ учредило въ Гельсингфорсѣ казначейство. Естественно, что это казначейство исполняетъ свои функціи по русскимъ постановленіямъ и инструкціямъ. Настолько же естественно, что эти постановленія и инструкціи не являются дѣйствующими законами для однообразныхъ функцій въ учрежденіяхъ Великаго Княжества.

Если теперь исключить примѣры 1, 2, 4 и 5, не имѣющіе по указаннымъ причинамъ связи съ даннымъ вопросомъ, то остальные четыре представляютъ всѣ тѣ категоріи, къ которымъ слѣдуетъ отнести встрѣчающіяся на финляндской территоріи отрасли русскаго государственнаго управленія. Г. С., на самомъ дѣлѣ, задался бы совершенно напраснымъ трудамъ, если бы онъ старался перечислить всѣ тѣ русскіе законодательные акты различныхъ родовъ, которые примѣняются въ этихъ отрасляхъ управленія, являющихся вѣдь лишь „адпертинансами" учрежденій въ Имперіи. При этомъ достаточное освѣщеніе даютъ сами категоріи, а не масса — разнообразная по формѣ и по содержанію — руководящихъ предписаній или законоположеній. Г. С. совершенно правъ въ томъ, что подобныя постановле-

нія не суть „мѣстные“ финляндскіе законы, — я присовокупляю: а также и не „общіе“ финляндскіе законы, такъ какъ въ Финляндіи, какъ и въ Россіи, существуютъ общіе и мѣстные законы; — но онъ долженъ былъ бы понять и высказать, что эти русскіе законы стоятъ внѣ правового строя Финляндіи, въ поддержаніи коего отвѣтственны власти Великаго Княжества. Излишне было говорить, что они, по его мнѣнію, не принадлежатъ къ тѣмъ законамъ, которые имѣлись въ виду въ манифестѣ 3/15 февраля 1899 г., такъ какъ этотъ манифестъ не могъ, вѣдь, имѣть обратной силы вплоть до „перваго дня подчиненія Финляндіи“. Кромѣ того область этого манифеста является крайне неопредѣленной.

„Они суть просто русскіе законы“. Да, это правильно. Они суть русскіе законы, имѣющіе силу въ предѣлахъ Имперіи, а въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и внѣ предѣловъ Имперіи, но тогда лишь при безусловномъ ограниченіи круга ихъ дѣйствія къ тѣмъ спеціальнымъ служебнымъ дѣламъ, которыя должны исполняться по нимъ.

Выставленіе примѣненія упомянутыхъ русскихъ законовъ какъ въ первоначальной, такъ и въ кодифицированной формѣ было излишними словами, не имѣющими никакого значенія для даннаго вопроса.

Г. С. невольно самъ привелъ одинъ доводъ противъ своего ученія, указавъ на то, что большинство тѣхъ русскихъ законовъ, которые онъ считаетъ, якобы, дѣйствующими законами въ Финляндіи, даже не было и распубликовано въ Финляндіи. Это — общее правовое правило, что законъ, чтобы войти въ силу, долженъ быть въ надлежащемъ порядкѣ обнародованъ. Также и въ россійскихъ основныхъ законахъ, въ статьяхъ 57 и 58, опредѣлено, что законы должны быть обнародованы во всеобщее извѣстіе Правительствующимъ Сенатомъ и, кромѣ того, въ губерніяхъ, при чемъ въ

ст. 59, 62 и 63 сообщаются опредѣленія, по коимъ обязательная сила закона начинается послѣ обнародованія его. Въ русскомъ законѣ (общій наказъ министерствамъ ст. 184, примѣчаніе) есть, кромѣ того, точное преписаніе: если, послѣ сношенія между подлежащимъ русскимъ министромъ и финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ, предложенное по Имперіи постановленіе будетъ признано въ чемъ-либо касающимся и Великаго Княжества и сообразнымъ съ финляндскимъ правомъ, то министръ статсъ-секретарь долженъ по изданіи этого постановленія въ качествѣ русскаго закона испросить Высочайшее повелѣніе на изданіе его и по Финляндіи. Въ этомъ порядкѣ послѣ общаго подготовленія могли и могутъ состояться указаннымъ мною выше способомъ тождественныя для Россіи и Финляндіи законодательныя мѣропріятія. Не обнародованный въ Финляндіи законъ не есть дѣйствующій въ этой странѣ законъ.

То обстоятельство, что обнародованіе представляетъ необходимое условіе для воспріятія закономъ дѣйствующей силы, не заключаетъ въ себѣ, однако, того, что обнародованіе безусловно должно повлечь за собой означенное послѣдствіе. Для этого еще требуется изданіе закона въ опредѣленномъ основными законами Финляндіи порядкѣ. (Ср. отвѣтъ Сейма, цитированный выше стр. 135—136.) Также и по этой причинѣ несостоятельно положеніе г. Сергѣевскаго о правовой дѣйствительности русскихъ законовъ въ Финляндіи *).

*) Ранѣе упомянутая, учрежденная въ 1899 г. при канцеляріи русскаго Государственнаго Совѣта, „Временная коммиссія для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ“ издала м. пр. указатель „Статей свода законовъ Россійской Имперіи, относящихся до В. К. Финляндскаго“.

По мнѣнію г. Сергѣевскаго этимъ изданіемъ доказано, будто множество русскихъ законовъ дѣйствуютъ въ Финляндіи. Это невольно приходитъ на умъ, при чтеніи заглавія настоща-

Для вящшаго освѣщенія этого вопроса слѣдуетъ привести еще слѣдующіе извѣстные факты.

го указателя. Но при просмотрѣ указателя приходишь къ противоположному результату.

За исключеніемъ неполныхъ — какъ то мною ранѣе указано — извлеченій изъ русскихъ основныхъ законовъ, помѣщенныя въ указателѣ законоположенія и постановленія распредѣляются по слѣдующимъ разрядамъ:

а) Постановленія, примѣнимыя лишь въ Имперіи. Напр., правила, по которымъ финляндцы могутъ быть назначаемы на русской службѣ; о правахъ иностранныхъ и финляндскихъ судовщиковъ продавать товары на судахъ; о конфискаціи огнестрѣльныхъ оружій, привозимыхъ изъ Финляндіи возжиками, судовщиками небольшихъ судовъ или крестьянами и другими подобными людьми; о паспортахъ, требуемыхъ отъ финляндцевъ при прибытіи въ Россію и пр., и пр.

Изъ этихъ постановленій вытекаетъ, на самомъ дѣлѣ, что русское законодательство въ извѣстныхъ случаяхъ приравниваетъ финляндцевъ къ иностранцамъ, въ другихъ же случаяхъ сообщаетъ спеціальныя, лишь для финляндцевъ дѣйствующія, опредѣленія и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ признаетъ за финляндцами одинаковыя съ русскими права. Но ни одно изъ этихъ постановленій не даетъ повода ко утвержденію, что русскій законъ дѣйствуетъ въ финляндіи.

б) Постановленія, изданныя какъ въ Великомъ Княжествѣ, такъ и въ Имперіи. Напр., постановленіе 1843 года объ открытіи наслѣдства и о порядкѣ наслѣдованія въ имуществѣ, остающемся послѣ лицъ, водворенныхъ въ Имперіи, временно пребывающихъ въ Финляндіи, и послѣ финляндцевъ, временно пребывающихъ въ Имперіи; — постановленіе 1852 года объ актахъ, совершаемыхъ въ Финляндіи и приводимыхъ въ дѣйствіе въ Имперіи и обратно; — положеніе 1897 года о торговыхъ сношеніяхъ Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ и т. д.

Эти постановленія не суть „русскіе законы, относящіеся до Финляндіи", а законы, регулирующіе взаимные интересы, а потому и издавались тождественными въ обѣихъ странахъ, Они имѣютъ правовую силу въ Великомъ Княжествѣ вслѣдствіе того, что были обнародованы тамъ, какъ финляндскіе законы.

Уже одно такого рода изданіе, какъ названный указатель, доказываетъ безпрекословно, что коммиссія не обладаетъ компетентностью для „систематизаціи" законовъ Финляндіи.

Контора Финляндскаго Банка въ С.-Петербургѣ организована по финляндскому закону и исполняетъ свои функціи по опредѣленнымъ въ финляндскихъ законахъ и уставахъ постановленіямъ.

Принадлежащая финляндской казнѣ желѣзнодорожная линія Бѣлоостровъ-С.-Петербургъ управляется и эксплуатируется согласно финляндскимъ постановленіямъ, инструкціямъ и таксамъ.

Во время пребыванія финскихъ войскъ на русской территоріи хозяйственное управленіе, наложеніе наказаній при нихъ и пр. совершались по финляндскимъ законамъ.

Финляндская паспортная экспедиція въ С.-Петербургѣ выдаетъ или возобновляетъ паспорты пребывающимъ въ Имперіи финляндцамъ согласно финляндскимъ постановленіямъ, а также взимаетъ отъ нихъ въ пользу финляндской казны установленные въ финляндскомъ законѣ налоги.

Финляндскій статсъ-секретаріатъ въ С.-Петербургѣ не только организованъ финляндскимъ закономъ, но и долженъ выполнять такую служебную дѣятельность, при коей могутъ найти примѣненіе всѣ отрасли финляндскаго законодательства. Обязанность главнаго функціонера въ этомъ учрежденіи, министра-статсъ-секретаря, состоитъ прежде всего въ тщательномъ наблюденіи за тѣмъ, чтобы при подготовленіи и докладѣ дѣлъ Императору и Великому Князю не происходило никакого отступленія отъ основныхъ законовъ Финляндіи.

Перечислить всѣ тѣ финляндскіе законы разныхъ видовъ, кои такимъ образомъ находятъ примѣненіе въ Россіи, невозможно. Они не суть русскіе законы того или другого вида, они суть просто финляндскіе законы. Они не были обнародованы въ Россіи, но ихъ примѣненіе — главнымъ образомъ, при докладѣ финляндскихъ дѣлъ Государю — началось непосредственно послѣ соединенія Финляндіи съ Россіей.

Когда я здѣсь о примѣненіи финляндскихъ законовъ въ финляндскихъ учрежденіяхъ на русской территоріи употребилъ собственныя слова г. Сергѣевскаго относительно русскихъ законовъ въ Финляндіи, то это, очевидно, произошло не съ тѣмъ, чтобы на нихъ основывать такой безмысленный взглядъ, что въ предѣлахъ Россіи не только русскіе, но и финляндскіе законы имѣютъ силу. Я не могу, вѣдь, подобно г. С., упустить изъ виду, что отличительнымъ признакомъ дѣйствующей силы законовъ въ какой-либо странѣ является ихъ обязательность для властей и жителей этой страны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нераздѣльное соединеніе Финляндіи съ Россіей подъ властью одного и того же монарха служитъ объясненіемъ приведенныхъ какъ г. С., такъ и мною выше примѣровъ или фактовъ. Во власти общаго монарха находилось удовлетвореніе истинныхъ интересовъ, взаимно вызванныхъ соединеніемъ Финляндіи съ Россіей, но при этомъ отнюдь не представлялось какой-либо надобности въ посягательствѣ на правовыя основы, на которыхъ зиждется соединеніе. Съ самаго начала считалось совершенно яснымъ дѣломъ, что задача по оборонѣ государства уполномочивала высшее военное управленіе въ С.-Петербургѣ принимать и въ Финляндіи признанныя необходимыми мѣры по отношенію къ размѣщенію русскихъ войскъ, заложенію укрѣпленій и складовъ и т. д., и что при этомъ можно также расчитывать на надлежащее содѣйствіе финляндскаго правительства для проведенія мѣропріятій путемъ, согласующимся съ законами края. Что же касается собственныхъ войскъ Финляндіи, то ихъ назначеніе не могло быть инымъ, кромѣ употребленія ихъ въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ для содѣйствія русскимъ войскамъ. То обстоятельство, что сформированіе финскихъ войскъ и установленіе съ этой цѣлью обязанностей гражданъ должны были произойти по финляндскимъ законамъ, изданнымъ согласно

основнымъ законамъ Финляндіи, не составляло никакого препятствія предписанію по командѣ для финскихъ войскъ того же самаго образованія и обученія, какъ и для русскихъ войскъ.

Распространеніе въ указанномъ направленіи власти русскаго военнаго министерства на территоріи Финляндіи, на самомъ дѣлѣ, удалось провести путемъ, не явившимся никакимъ посягательствомъ на удостовѣренное Императоромъ Александромъ I Финляндіи право управляться по собственнымъ ея законамъ. Русскіе военные начальники въ Финляндіи не выходили изъ предѣловъ своей служебной задачи. Финляндскія власти никогда не позволяли себѣ какого-либо вмѣшательства въ эту сферу. Довольно рѣдкими были случаи возникновенія конфликтовъ при соприкосновеніи властей обоихъ родовъ. А русскіе военные не должны были бы имѣть причину жаловаться на то, что они въ Финляндіи въ своихъ сношеніяхъ внѣ службы приходили въ соприкосновеніе съ общественнымъ строемъ, основаннымъ на иныхъ законахъ, нежели въ ихъ отечествѣ.

Такова вообще уже природа вещей, что существеннымъ условіемъ порядка, спокойствія и благоденствія въ человѣческой общественной жизни является то, чтобы каждая правовая сфера, будь она великой или малой, территоріальной или корпоративной, публичноправовой или частно-правовой, сознавала себя обезпеченной въ своемъ правѣ. Общинное самоуправленіе не могло бы выполнять полезной дѣятельности, если бы законъ не ставилъ преграды произвольному посягательству на него со стороны государственныхъ властей. Основанныя частными лицами ассоціаціи, которыя въ наши дни въ столь выдающейся степени способствовали росту духовной и матеріальной культуры, не могли бы съ увѣренностью и успѣхомъ выполнять своихъ задачъ, если бы онѣ не могли разчитывать на возможность безъ тормозящаго посто-

ронняго вмѣшательства работать въ той правовой сферѣ, которая для каждой изъ нихъ опредѣлена уставами или утвердительными документами.

Свое важнѣйшее примѣненіе эта истина находитъ въ жизни народовъ. Немыслимо, чтобы какая-нибудь страна, пользующаяся устойчивымъ общественнымъ порядкомъ, могла поддерживать его и тѣмъ самымъ общественную и правовую безопасность, если бы она была вынуждена принимать къ руководству также и законы, изданные для другого народа и сообразованные съ другимъ общественнымъ строемъ.

Шведскіе законы были вмѣстѣ съ христіанствомъ постепенно введены въ значительной части Финляндіи въ продолженіе XII и XIII столѣтій въ то время, когда финскія племена еще вели первобытный образъ жизни, а потому были воспріимчивы къ болѣе уже развитому общественному порядку побѣдителей. Въ XIV столѣтіи за населеніемъ Финляндіи были признаны одинаковыя съ населеніемъ Швеціи политическія права по отношенію къ выбору короля, законодательству и обложенію налогами. Правовое сплоченіе шведскихъ и финляндскихъ областей въ единое государство было завершено сто лѣтъ спустя Земскимъ Уложеніемъ 1442 года. Но государственное единство не повлекло за собой — да оно этого и не имѣло въ виду — сліяніе въ національномъ отношеніи. Вѣка проходили при общности въ правовомъ вѣдомствѣ и политической судьбѣ, а національный дуализмъ въ шведскомъ государствѣ все продолжалъ существовать. Географическая обособленность Финляндіи отъ Швеціи содѣйствовала тому, что и шведское населеніе въ Финляндіи смотрѣло на эту страну, какъ на свое собственное, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, отечество. Когда въ официальныхъ актахъ говорилось о шведскомъ и финляндскомъ дворянствѣ, о шведскомъ и финляндскомъ крестьянствѣ, то это происходило не для того, чтобы намѣтить различіе

въ ихъ правахъ, — это было лишь выраженіемъ фактическаго существованія только что упомянутаго дуализма. Съ другой стороны, солидарность государственной жизни и активное участіе финляндскихъ представителей въ ней привели къ тому, что законы шведскаго государства укоренялись и въ Финляндіи какъ ея собственные законы, сливаясь съ мірозрѣніемъ населенія и создавая твердый, поддерживаемый самимъ народомъ правовой строй, существовавшій въ Финляндіи во время происшедшей коренной перемѣны во внѣшнемъ политическомъ положеніи этой страны.

Это крайне кратко изложенное историческое развитіе Финляндіи должно принять во вниманіе при оцѣнкѣ политики Императора Александра I, когда онъ въ качествѣ завоевателя принялъ рѣшеніе относительно будущности Финляндіи. Онъ нашелъ въ Финляндіи не только отторгнутое звено шведскаго государства, но и народъ со своей собственной индивидуальностью, народъ, способный къ политическому самоуправленію. Онъ созналъ, какъ онъ и самъ высказалъ: „что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству — не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ“. — —

Утвержденіемъ прежнихъ основныхъ законовъ было Финляндіи удостовѣрено управленіе по ея собственнымъ законамъ, а также и то, что ни основной, ни общій законъ не можетъ издаваться, измѣняться или отмѣняться, иначе какъ съ согласія Земскихъ Чиновъ Финляндіи. Сообразно съ этимъ, сложилась историческая дѣйствительность въ теченіе девяноста лѣтъ. Финскій народъ переживалъ тяжелыя времена, когда сеймъ не созывался и вслѣдствіе этого никакія законодательныя реформы не поддерживали работы на преуспѣяніе страны. Но онъ ожидалъ терпеливо, такъ

какъ правительство и управленіе выполняли свои задачи и въ эти времена въ соотвѣтствіи съ законами. Немногочисленными были вплоть до 1899 г. случаи отступленія отъ основного закона; настолько они были немноги и притомъ столь ограниченнаго значенія, что они являются лишь случайными исключеніями изъ нормалнаго конституціоннаго порядка. Наконецъ настала эпоха реформъ при полномъ примѣненіи древней конституціи, обновленной Сеймовымъ Уставомъ 1869 г. въ тѣхъ частяхъ, которыя имѣли наибольшую потребность развитія. Результаты, достигнутые финляндской законодательной работой въ періодъ 1863—1898 гг., какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, надо полагать, не превзойдены законодательствомъ многихъ другихъ странъ.

Уваженіе творенія Императора Александра I: финляндской государственной автономіи, являющейся условіемъ блага финскаго народа, — не причиняло русскому правительству или русскому народу никакихъ затрудненій. Съ какой бы стороны ни разсматривать этотъ вопросъ, какую бы отрасль русской политики или управленія ни принимать въ соображеніе, тщетно было бы искать какихъ-нибудь такихъ обстоятельствъ, которыя бы, вопреки обѣтамъ монарховъ, заставили поколебать или уничтожить правовое положеніе Финляндіи.

Безъ сомнѣнія, отсутствіе всякаго терпящаго дневного свѣта мотива послужило поводомъ къ тому, что русскія изданія, посредствомъ которыхъ въ теченіе двадцати лѣтъ велся походъ противъ Финляндіи, все болѣе принимали характеръ ученій, которыя съ полнымъ правомъ можно обозначить юридическимъ нигилизмомъ. Разобранная здѣсь мною брошюра г. Сергѣевскаго представляетъ собой образецъ подобнаго рода литературы.

Г. Сергѣевскій заканчиваетъ свое произведеніе слѣдующими словами:

„Исторія народовъ имѣетъ свои законы. Присоединеніемъ Финляндіи и установленіемъ естественныхъ границъ съ государствами скандинавскаго полуострова завершилось вѣковое стремленіе Руси къ Балтійскому морю. Пока существуетъ Россійское государство, Финляндія и Россія должны составлять единое политическое тѣло; исторія не пойдетъ назадъ и не разорвутъ этого тѣла кикакія финляндскія партійныя стремленія. Но неразумное сопротивленіе нормальному теченію государственной жизни можетъ привести къ другому: оскорбленный идеалъ политическаго единства положитъ предѣлъ обычному русскому добродушію и безжалостно потребуетъ жертвъ. Тогда „финляндскій вопросъ“ будетъ покончень очень скоро. Наши дни, можетъ быть, — послѣднее время, когда возможно еще мирное разрѣшеніе этого вопроса“.

Громкія слова, но ограниченный образъ мыслей.

Угроза, содержащаяся въ этомъ эпилогѣ, направлена противъ чего то на самомъ дѣлѣ не существующаго, а именно финляндскихъ партійныхъ стремленій разорвать соединеніе Финляндіи съ Россіей — извѣстное обвиненіе въ сепаратизмѣ.

Пока подобнымъ неосновательнымъ обвиненіямъ противъ политическаго образа мыслей въ Финляндіи будутъ довѣрять въ правящихъ кругахъ въ С.-Петербургѣ, до тѣхъ поръ тамъ не въ состояніи будутъ объективно обсуждать нынѣшнее положеніе дѣлъ.

Настаиваніе на томъ правѣ, которое утверждено за Финляндіею при соединеніи ея съ Россійской Имперіей, не можетъ быть оскорбительнымъ для политическаго единства, основаніе которому заложено было Императоромъ Александромъ I при завершеніи вѣковаго стремленія Руси къ Балтійскому морю.

„Исторія не пойдетъ назадъ“, говоритъ г. Сергѣевскій. Но самъ онъ опровергаетъ эту истину по отношенію къ положенію Финляндіи къ Россіи, когда требуетъ уничтоженія созданнаго Александромъ I порядка вещей.

Мы лишь защищаемъ свое право, свое неоспоримое право, противъ той партіи въ Россіи, которая уже давно нападаетъ на него.

Эта защита не только законна, она является для насъ долгомъ по отношенію къ нашему краю и къ тѣмъ поколѣніямъ, которыя будутъ населять этотъ край въ будущемъ и которыя довершатъ мирную работу финской націи въ области культуры.

Правовое положеніе Финляндіи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно утверждено было въ 1809 году, органически связано съ правовымъ положеніемъ русскаго государства. Тѣ лица, которыя стремятся поколебать право Финляндіи, борятся этимъ самымъ противъ дѣйствующаго права Россіи.

Согласно основнымъ законамъ Россіи законодательная власть Имперіи не распространяется на законодательство Финляндіи. Та партія въ Россіи, которая требуетъ вмѣшательства въ законодательство Финляндіи, не имѣетъ, слѣдовательно, никакого законнаго основанія для подобнаго требованія, даже въ томъ случаѣ, если вопросъ этотъ разсматривается исключительно съ точки зрѣнія дѣйствующаго въ Россіи права.

Поэтому, когда г. Сергѣевскій называетъ защиту права Финляндіи противъ разрушительной политики означенной партіи стремленіемъ разорвать русское государственное тѣло или „неразумнымъ сопротивленіемъ нормальному теченію государственной жизни“, то это свидѣтельствуетъ о фанатическомъ ослѣпленіи его. Первая часть обвиненія абсурдна, вторая обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ тѣмъ, что является нормальнымъ для жизни государствъ.

Жизнь государства протекаетъ нормально лишь тогда, когда для этой жизни ставятся такія цѣли и для достиженія ихъ употребляются такія средства, которыя не находятся въ противорѣчіи съ основными началами права. При нормальномъ теченіи жизни государства мѣропріятія власти не разрушаютъ дѣйствующіе законы и установленія, а развиваютъ и улучшаютъ ихъ.

Когда Императоръ Александръ III высказался за укрѣпленіе государственной связи Великаго Княжества съ Имперіей, Онъ объявилъ въ то же время, что Онъ расположенъ былъ неизмѣнно охранять дарованныя Финляндіи права и что въ намѣренія Его не входило измѣнять „начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія".

Какія мѣры наиболѣе пригодны были для укрѣпленія государственной связи, оставалось, до времени, открытымъ вопросомъ. Но важное и необходимое ограниченіе его лежало уже въ заявленіи, что вопросъ этотъ не предполагалось разрѣшать посредствомъ измѣненія порядка внутренняго управленія Финляндіи.

Въ дѣйствительности, связь Финляндіи съ Россіей настолько прочна, какъ съ точки зрѣнія государственнаго права такъ и въ политическомъ отношеніи, что никакія измѣненія въ тѣхъ основахъ, на которыхъ связь эта зиждется, не могутъ сдѣлать ее еще прочнѣе.

Сосредоточеніе власти по дѣламъ какъ внѣшней политики такъ и высшаго руководства обороною государства ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не исключало возможности обращать должное вниманіе на финляндское законодательство, когда послѣднее обусловливало особый образъ дѣйствій. Что же касается внутреннихъ дѣлъ Финляндіи, то очевидно, что автономія края не можетъ быть употреблена во зло для принятія какихъ либо вредныхъ для Россіи мѣръ: въ управленіи края Сенатъ пользуется лишь тою властью, которую Императоръ ему предоставилъ и которая заключается

въ правѣ, безъ особаго представленія о томъ Государю Императору, рѣшать указанныя въ постановленіяхъ менѣе важныя дѣла; — въ законодательствѣ же окончательное рѣшеніе всегда находится въ рукахъ Монарха, въ виду того что на основаніи одного лишь рѣшенія сейма ни одинъ законъ не можетъ получить дѣйствующей силы, а для этого всегда требуется утвержденіе Монарха. Кромѣ того, всякое мѣропріятіе, которое въ какомъ бы то ни было отношеніи могло бы затронуть русскіе интересы, должно быть сообщаемо на предварительное заключеніе подлежащаго министра въ Имперіи, при чемъ данное послѣднимъ заключеніе прилагается къ дѣлу при докладѣ его Государю Императору. И Генералъ-Губернаторъ въ свою очередь разсматриваетъ проекты мѣропріятій и съ точки зрѣнія интересовъ Россіи. Поэтому нельзя не признать, что имѣются полныя гарантіи къ исключенію всякой возможности со стороны правительства Финляндіи или законодательной власти принимать какія либо мѣры, которыя способны были бы ослабить государственную связь.

Вышеизложенное логичекки приводитъ къ тому заключенію, что мѣры къ укрѣпленію государственной связи должны приниматься лишь относительно спеціальныхъ вопросовъ, по которымъ на основаніи опыта могло быть признано полезнымъ ближе согласовать финское законодательство съ русскимъ. Понятно, каждый такой вопросъ слѣдовало бы разсматривать и подготавливать, не только съ русской но и съ финской стороны, ибо бо̀льшая солидарность экономическихъ или иныхъ интересовъ, достиженіе которой является желательнымъ, не можетъ быть достигнута односторонним рѣшеніемъ разсматриваемыхъ вопросовъ. Въ этихъ словахъ не заключается какихъ либо дерзкихъ притязаній. Мы въ Финляндіи вовсе не требуемъ, чтобы Россія приносила какія либо жертвы въ пользу интересовъ Финляндіи, — мы требуемъ только, чтобы при

рѣшеніи общихъ для Россіи и Финляндіи вопросовъ или вопросовъ, касающихся ихъ взаимныхъ отношеній, интересамъ Финляндіи удѣлялось бы столько вниманія, чтобы принимаемыя мѣры, по крайней мѣрѣ, не были бы вредными для Финляндіи.

При руководствѣ этими воззрѣніями и тѣми началами, на которыхъ основанъ порядокъ внутренняго управленія Финляндіи, а слѣдовательно и установленнымъ основными законами края порядкомъ законодательства, возможно было бы, — поскольку въ этомъ представлялась бы дѣйствительная необходимость, — дальнѣйшее постепенное развитіе въ указанномъ направленіи, въ томъ спокойномъ и основательно подготовленномъ порядкѣ, который отличаетъ „нормальное теченіе государственной жизни".

Слѣдовало бы также не упускать изъ виду, что нравственная сила связи Финляндіи съ Россіей обусловлена тѣмъ, чтобы финскій народъ чувствовалъ, что положеніе его въ правовомъ отношеніи обезпечено, такъ какъ въ этомъ заключается необходимое условіе для возможности развитія финскаго народа въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи. Просвѣщенная политика должна бы принять во вниманіе и эту сторону даннаго вопроса.

Тѣ мѣры, которыя приняты были въ послѣднее время подъ вліяніемъ непріязненно настроенной по отношеніи къ Финляндіи партіи въ Россіи, носятъ на себѣ отпечатокъ совершенно иныхъ политическихъ мыслей, чѣмъ тѣ, о которыхъ здѣсь вкратцѣ упомянуто. О какомъ либо ограниченіи означеннаго непріязненнаго вліянія одними лишь тѣми дѣлами, которыя такъ или иначе затрогиваютъ интересы Имперіи, нѣтъ болѣе рѣчи. Издаются постановленія, которыя по формѣ суть финскіе законодательные акты, но которые не связаны органически съ правовымъ порядкомъ Финляндіи, такъ какъ они по содержанію и цѣли своей враждебны ему и показываютъ

незнакомство съ условіями жизни въ Финляндіи и равнодушное отношеніе къ благу этой страны. Порядку внутренняго управленія Финляндіи наносятся разрушительные удары, не взирая на опредѣленія основныхъ законовъ, которые однако уважались въ теченіе девяноста лѣтъ.

Подобный разрушительный режимъ, направленный противъ права финскаго народа жить своею собственною національною жизнью подъ защитою собственныхъ законовъ, ни въ какомъ случаѣ не является тѣмъ мирнымъ рѣшеніемъ финляндскаго вопроса, какимъ его, повидимому, находитъ г. Сергѣевскій.

Для мирнаго рѣшенія всякаго значительнаго или незначительнаго вопроса прежде всего совершенно необходимо, чтобы рѣшеніе это происходило въ правомѣрномъ порядкѣ. Inter arma silent leges (во время войны законы безмолвствуютъ); но самый характерный признакъ и наибольшее благо мира заключается въ томъ, чтобы господствовалъ законный порядокъ.

Тѣ стремленія, которыя въ Финляндіи составляли содержаніе политической жизни, никогда не ставили правительство страны предъ такими трудноразрѣшимыми задачами, чтобы для рѣшенія ихъ требовалось бы прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ или внезапной перемѣнѣ системы правленія. Народъ самъ своимъ уваженіемъ къ законамъ и правительству и тою спокойною осмотрительностью, которая свойственна его характеру, придавалъ устойчивость и прочность общественному строю. Возникшіе къ послѣдніе годы конфликты и безпокойство являются, исключительно, послѣдствіемъ новаго режима. Теперь дѣйствительно необходимо измѣненіе системы правленія. Но для такого измѣненія достаточно возврата къ законному, согласному съ конституціей страны, образу правленія.

